

ПСКОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

3(4)/2010

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Главный редактор
Т.В. Вересова

Ответственный редактор
О.К. Волочкова

Художник
Г.И. Метченко

Вёрстка
М.С. Столбова

Редакционный совет
Е.М.Зинкевич,
Л.Я.Костючук,
И.К.Лабутина,
М.М.Медников,
протоиерей Олег (Тэор),
А.Ю.Пономарёв,
А.Н.Тарасова,
Е.М.Фёдорова

Формат 60x90/16,
12,5 п.л.
Подписано в печать
24.09.2010
Тираж 800 экз.

© Вересова Т.В.,
проект издания
© Фонд «Краеведъ»
© Коллектив авторов

В номере:

К читателю 2

ХРОНОЛОГИЯ – ОКО ИСТОРИИ

Господин Псков:
его враги и соседи. *С.Салмин* 3
Рассказ торопецкого стрельца... *В.Аракчеев* 18

КЛАДОВАЯ ИСТОРИИ

Имя России – символ Отечества. *Т.Вересова* 26
Что оставим потомкам... *Т.Вересова* 43
Чудо и слава Пскова. *Т.Шулакова* 45
Умиравшая старина. *О.Фёдоров* 63
Ещё раз о палатах Меншиковых. *Т.Вересова* 75

УЧИТЕЛЬ! ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Педагогические кадры Пскова
1-й четверти XX века. *М.Маркова* 84
Николай Николаевич Колиберский.
Воспоминания 97
Павел Семёнович Вознесенский.
А.Филимонов 104
Учителя учителей. *Л.Костючук* 117
Дорога в Лисьи Горки. *О.Ремер* 127
Евгений Маймин: URBI ET ORBI. *Е.Маймина* 133
Учитель и лагерь... смерти. *М.Пахоменкова* 147
Учитель! Перед именем твоим... *Л.Савельева* 153
О моём отце Александре Фролове.
Л.Фролова 158

ГОДЫ И ЛЮДИ

«На Чудьском озере, на Узмени...». *Т.Вересова* 162

ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ

Трагедия Вольшова. *А.Антонова* 170
Храм Успения Божией Матери
в селе Новое. *М.Пахоменкова* 191

К ЧИТАТЕЛЮ

Время... Период... Эпоха... Каждой эпохе свойственно своё направление, свой характер: в чём-то — расцвет или упадок, в чём-то — взлёт или падение. Время быстро и жестоко... Эпоха сменилась на наших глазах с большими потерями и утратами — утрачены главные составляющие нации, её духовность и нравственность; деньги правят бал не только в бизнесе, но в политике и морали. И призывы к совестливой общественности «взяться за руки, чтоб не пропасть поодиночке», уже не актуальны: тех, кто не изменил своим гражданским принципам, становится всё меньше и меньше, — общественность отодвинута на обочину жизни. Яркий пример тому — выступление интеллигенции за сохранение исторического наследия. Какую была Псковская земля? сумели ли наши предки донести до нас её достояние? почему мы не умеем его хранить и что оставим своим потомкам? — эти вопросы считаю главными для альманаха.

Чтобы сменившие нас поколения не гадали, какую была их Родина, нам необходимо сберечь, чего бы это ни стоило, наследие веков, — иначе как гордиться Отечеством, которого не знаешь и, следственно, историей его не дорожишь?! В деле сбережения нашего прошлого мы должны быть единомышленны, чтобы наши города и веси сохранили свой исторический облик, свою достоверную самобытность, — всё то, что отличает их от других, делает узнаваемыми в многообразии даже себе подобных. Река времён не должна унести ни этого многообразия, ни отличительных особенностей — ничто не должно кануть в Лету... И время имеет человеческое лицо, и никто не вправе списывать на него свои грехи: расхожее оправдание, что во всём виновато время, по меньшей мере неприлично...

Тамара ВЕПЕСОВА

Хронология — ОКО ИСТОРИИ

ГОСПОДИН ПСКОВ: ЕГО ВРАГИ И СОСЕДИ (1224-1242)

РАЗМЕЖЕВАНИЕ С НОВГОРОДОМ: «ВЫ СОБЪ, А МЫ СОБЕ»

Первый этап противостояния Пскова и ливонских немцев завершился в 1224 году падением Юрьева и заключением мирного договора с Ригой. Псковичи не проиграли ни одного сражения, но были оставлены союзниками и вынуждены были искать мира с Ливонией.

Осенью 1224 года Псков и Новгород отправили в Ригу послов с мирными предложениями. Ливонцы, понёсшие немалые потери, не только согласились на мир, но и признали за псковичами право на сбор дани в Талаве.

Владимир Мстиславич Псковский примирился со своими немецкими родственниками¹ — в условиях распри, охватившей немецкие владения в Прибалтике, те крайне нуждались в его поддержке. Земли бывших псковских данников оказались в руках семьи фон Букесхевден, без активного содействия которой, в свою очередь, Псков едва ли сохранил бы за собой права сбора дани в Талаве. Родственные связи псковичей с немцами по-прежнему упрочиваются — Ярослав, сын Владимира Псковского, участник походов в Ливонию, берёт в жены ливонскую немку из знатного рода.

Существовала ещё одна причина для сближения с недавними врагами. После ослабления Полоцка Смоленское княжество — родовой удел династии Ростиславичей, к которой относился Владимир Мстиславич, — приняло на себя основную тяжесть борьбы против объединяющихся литовских племён. Напомним, что в битве на Калке наибольший урон понесли князья из этого рода, и ослабленные дружины их уже не могли сдерживать литовский натиск.

Торопец, родовое владение Владимира Псковского и двух его братьев, находился на пути литовского наступления. Зимой 1225 года литовцы подступили к Торжку и Торопцу. Против «литвы» выступили в союзе Владимир Псковский и Давыд Торопецкий (двое оставшихся на северо-западе Мстиславичей), сын

¹ Дочь Владимира Мстиславича была замужем за Тидреком фон Букесхевденом, братом Рижского епископа Альберта и дерптского епископа Германа.

Владимира Ярослав и возвратившийся в Новгород Ярослав Всеволодович Переяславский, женатый на дочери Мстислава Удалого (третьего из торопецких Мстиславичей). Литовское войско было оттеснено к Усвяту и разбито. Во время этой битвы погиб Давыд Мстиславич.

Новгородская I летопись сообщает: «**Тои же зимѣ придоша Литва, по-веваша около Търожку бещисла и не доганяша Тържку за 3 вѣрсты, беше бо ихъ 7000, и гость биша многъ, и Торопьцьскую волость всю поимаша. Князь же, Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и с новотържьци, княжь дворъ, новгородцевъ мало, торопцяне съ князьмъ своимъ Давыдомъ поидоша по нихъ, а новгородци послаша: они же, дошедъше Русы, въспятишася. Князь же Ярославъ съгони е на Въсвятѣ и наворопи на не; и тако, божиею помощью и святыя София, отъимаша весь полонъ, а самѣхъ избиша 2000, а прокъ ихъ разбегошася; ту же убиша князя Торопьцьскаго Давыда и Василя, меченошу Ярослава**».

Новгородцы на протяжении полугода дважды не явились к месту битвы и оставили без поддержки союзников. В сложившейся ситуации союз с Ливонией, ведшей войну с литовскими племенами, стал естественным для торопецких князей.

При жизни Владимира Псковского видимость союза между Псковом и Новгородом ещё сохранялась. Торопецкие князья вряд ли сумели бы отразить натиск литовцев на свой родовой удел без надёжного тыла, который обеспечивала Новгородская земля. Родственные связи между псковским и новгородским князьями также способствовали сохранению добрососедских отношений.

В 1227 году скончался Владимир Псковский, в 1228 году — последний из торопецких братьев-Мстиславичей, великий воин Мстислав Удалой. Псков оказывается лицом к лицу с Ярославом Всеволодовичем Переяславским и Новгородским, зятем Мстислава. От имени своих детей — внуков Мстислава Удалого — Ярослав Всеволодович мог претендовать на Торопецкий удел. Ради упрочения своего положения на северо-западе Ярослав закрыл глаза на отсутствие новгородских войск в Усвятском сражении. **«В лѣто 6734 [1226]. Прииде князь Ярославъ в Новѣградъ, и не положи того въ гнѣвъ, что новгородци не пошли по немъ»** .

Псковичи же могли быть уверены, что с ними Ярослав, известный своей злопамятностью, церемониться не станет. Псковские отряды сражались против переяславского князя в битве при Липице, когда он потерпел жестокое поражение. Псковичи участвовали в возвращении великого княжества Владимирского Константину Всеволодовичу, и среди них было достаточно людей, с которыми у Ярослава были личные счёты.

В 1228 году псковичи препятствовали попытке Ярослава прибыть во Псков, когда тот **«... поиде въ Пльсковъ съ посадникомъ Иванкомъ и тысяцьскимъ Вячеславъ. И слышавше пльсковичи, яко идеть к нимъ князь, и затворишася въ городѣ, не пустиша к собѣ; князь же, постоявъ на Дубровнѣ,**

вспятися в Новьгород: промъкла бо ся вѣсть бяше си въ Пльскове, яко везеть оковы, хотя ковати вяцшее мужи».

Ярослав Всеволодович обратился к новгородцам: «створи вѣче въ владычни дворѣ и рече, яко “не мыслиль есмь до пльсковичъ груба ничегоже; нъ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары: паволоки и овощь, а они мя общьствовали”; и положи на нихъ жалобу велику». Однако поддержки от Новгорода он не получил. Новгородцы явно не желали, чтобы суровый князь окружил кольцом своих владений Новгородскую землю, — ведь, контролируя Псков, Торжок и Торопец, Ярослав Всеволодович мог беспрепятственно диктовать свою волю Новгородской земле.

Политика Ярослава в Прибалтике (из Переяславля были вызваны полки — князь планировал поход на Ригу) могла быть истолкована как проводившаяся в интересах Пскова. Судя по тому, как подорожало продовольствие в Новгороде, войско к князю пришло немалое, и вторжение его в прибалтийские земли могло нанести существенный урон Ливонии. Но псковичи увидели в походе на Ригу скорее предлог для обеспечения княжеским войскам свободного прохода ко Пскову: «... То же Новгородци же, увѣдавшѣ, рекоша: «князь нась зоветь на Ригу, а хотя ити на Пльсковъ».

В СОЮЗЕ С РИГОЙ

Не рассчитывая на поддержку Новгорода, псковичи вынуждены были опереться на другого соседа. «...Слышавъше пльсковичи, яко приведе Ярослав пълкы, убоявшѣся того, възяша миръ съ рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: “то вы, а то новгородьци; а намъ ненадобе; нъ оже поидуть на нась, тъ вы намъ помозите”; и они рекоша: “такъ буди”».

В заключении союза с Ригой безусловно сыграли немалую роль личные связи Ярослава Владимировича. Князь, женатый на немке, свойственник² фамилии фон Букесхеденов, сын Владимира Псковского, важного союзника немцев на начальном этапе завоевания Эстонии и наиболее их грозного противника в дальнейшем, сам участник войн на ливонской территории — он должен был пользоваться уважением противников и мог представляться им наиболее приемлемым соседом на Востоке.

Ярослав Всеволодович попытался разрешить конфликт дипломатическим путём: «Тъгда же князь посла Мишу³ въ Пльсковъ, река: “поидите съ мною на путь, а зла до васъ есмь не мыслиль никотораго же; а тѣхъ ми выдаите, кто мя обадиль къ вамъ”». Ответ псковичей был решителен, псковский посол Гречин передал князю и вechу: «тобе ся, княже, кланяемъ и братьи новгородь-

² Свойственник — родственник по супругу.

³ Это историческое лицо упоминается в летописях четырёхжды. Помимо прочего, судя по дальнейшим событиям, Миша пользуется определённым влиянием на псковичей.

цемъ; на путь не идемъ, а братья своеи не выдаемъ; а с рижаны есме миръ взяли». Дальнейшая его речь была открытым обвинением и новгородцам, и Ярославу: «Къ Колываню есте ходивъше, серебро поимали, а сами поидосте в Новъгородъ, а правды не створися, города не взясте, а у Къси такоже, а у Медвѣже головѣ такоже; а за то нашу братью избиша на озѣрѣ, а инии повѣдени, а вы, роздравше, та прочь; или есте на нас удумали, ть мы противу васъ съ святою богородицею и съ поклономъ; то вы луче насъ исѣчи те, а жены и дѣти поемлете собе, а не луче поганин; ть вамъ ся кланяемъ». Псков был готов отстаивать свою независимость от явной или мнимой угрозы со стороны Ярослава.

«Новгородъци же князю рекоша: “мы бе свояе братья бес пльковици не имаемъся на Ригу; а тебе ся, княже, кланяемъ. Много же князь нудивъ, и не яшася по путь. Тьгда же князь Ярославъ пълки своя домовъ посла”».

Поход на Ригу — даже если он действительно замышлялся — не мог состояться без поддержки Новгорода и при откровенно враждебном отношении псковичей, которые в любой момент могли перерезать коммуникации переяславского войска. Тем временем ливонцы, соблюдая условия договора, прислали Пскову на помощь «...Нѣмци и Чюдь, Лотыголу и Либь». Состав посланного войска показывает, что союз с Псковом представлялся ливонским немцам настолько важным, что на краткое время были забыты все внутривонские противоречия. Достаточно показательно отсутствие в числе перечисленных войск датчан, враждебных Риге.

Ярослав был вынужден отказаться от похода на Ригу и, видимо, от попытки установить своё господство над Псковом. Переяславские полки ушли обратно «на Низ»⁴. Узнав об этом, псковичи изгнали сторонников Ярослава: «Пльковици же тьгда бяху подъвегли и отпустиша я опять; а тѣхъ, кто ималь придаткъ у Ярослава, выгнаша исъ Плькова: “поидите по князи своеъмъ, намъ есте не братья”». Отметим, что псковичи поступили с людьми Ярослава Всеволодовича настолько нетипично, что В.Татищев в своей «Истории Российской» счёл необходимым написать: «*Из сего видно, что во псковичах более умных и правдивых людей было и лучший порядок поддерживался нежели в Новгороде, ибо в Новгороде таких сомнительных, но притом весьма невинных людей побили бы, как часто случалось*».

Неудача в распре с Псковом послужила одним из поводов к очередному изгнанию новгородцами Ярослава Всеволодовича — в князья был приглашён Михаил Черниговский. Началась усобица (1229-1231), в ходе которой победу одержал Ярослав, в четвёртый раз ставший новгородским князем и уже до самой смерти удерживавший Новгород в своей власти.

⁴ Низовские земли — территория княжеств Верхнего Поволжья

Однако новгородские сторонники Михаила, бежавшие в Черниговскую землю, не собирались прекращать борьбы. «Борисова чадь»⁵ попыталась в 1232 году вторгнуться в Новгородскую землю и поставить в князья родственника Михаила — Святослава Трубчевского. Однако сил мятежников оказалось недостаточно для победы над Ярославом, и Святослав был вынужден вернуться на юг. «Борисова чадь», в состав которой входил и Миша, недавний посланец Ярослава Всеволодовича, ушла во враждебный переяславскому князю Псков — под защиту Ярослава Владимировича Псковского: **«вгонивше въ Пльсковъ, яша Вячеслава (представителя Ярослава Всеволодовича), и бивъше его, оковаша и»**. Новгородские противники Ярослава Всеволодовича, воспользовавшись его отсутствием (**«не бяше бо князя Ярослава, нъ въ Переяслави бѣ тогда»**) подняли мятеж, однако не получили достаточной поддержки внутри города. Таким образом, после возвращения из Переяславля Ярослав Всеволодович быстро навёл в Новгороде порядок: **«изима пльсковичи и посади я на Городищи въ гридници; и посла въ Пльсковъ, рече: мужа моего пустите, а темъ путь покажите прочь, откуда пришли»**.

Псковичи ответили резким отказом, **«сташа за ними крѣпко, нъ рекоша: “прислите к нимъ жены ихъ и товаръ, тоже мы Вячеслава пустимъ; или вы собѣ, а мы собе”**». Ярослав ответил на это установлением торговой блокады: **«И тако быша безъ мира лѣто все; и не пусти князь гости къ нимъ, и купляху соль по 7 гривен бърковъскъ, и пустиша Вячеслава; князь пусти к нимъ жены Борисовую, Глѣбовую, Мишиную, а мира не взя»**.

Таким образом, обе стороны оказались в тупиковой ситуации. Стремление сторон к миру было продемонстрировано, но разрешения конфликта добиться не удалось. Тем временем значительно изменилась ситуация в Прибалтике.

ЛИВОНСКИЕ РАСПРИ

В начале 1229 года умер рижский епископ Альберт. Ещё при его жизни трения между Ригой и Орденом Меченосцев не раз ставили Ливонию на грань гражданской войны. Теперь же, после смерти этого талантливого и авторитетного администратора, начались открытые вооружённые столкновения между сторонниками папского легата Балдуина и рыцарями-меченосцами. В этом противоборстве союзники Пскова из семейства фон Букесхевден (в первую очередь — дерптский епископ Герман) поддержали Балдуина. Однако удача была на стороне меченосцев, порицаемых в папских посланиях за заключение союза с русскими.

⁵ Летописное название поддерживавшей Михаила Черниговского внутриновгородской политической группировки, названной по имени своего лидера, бывшего тысяцкого Бориса Негочевича.

В результате Псков (и его князь Ярослав Владимирович) и Новгород (и его князь Ярослав Всеволодович) оказались союзниками различных группировок внутри Ливонии. Псковичи оказались на стороне слабейших и зимой 1233 года вынуждены были согласиться на заключение мира с Ярославом Всеволодовичем.

Ярослав Владимирович покинул Псков, уехав к немецким родственникам, а **«псковичи поклонишася князю: «ты наш князь»; и въспросиша у Ярослава сына Федора, и не да имъ сына, и рече: «се даю вы шюринъ свои Гюргя»; и ведоша и, поимше, Пльскову, а Борисове чади показаша путь съ жнами. Они же идоша въ Мѣдвежю голову».**

Представляется важным, что переяславский князь не решился отправить в Псков своего старшего сына и наследника Фёдора, а «дал» псковичам Юрия Мстиславича, сына Мстислава Удалого, приходившегося двоюродным братом Ярославу Владимировичу, покинувшему Псков. Князь, ведущий свой род от Мстислава Великого, законный наследник Всеволода-Гавриила и Владимира Псковского, несомненно, был приемлемой кандидатурой для псковичей. Не стоит забывать также, что он был бы и менее ценным заложником в случае возобновления открытой вражды Пскова и Новгорода.

Обострение отношений было весьма вероятным. Весной 1233 года Ярослав Владимирович вместе с «Борисовой чадью» и своими немецкими союзниками из Дерптского епископства внезапным нападением («изгоном») захватил Изборск. Ярослав, скорее всего, надеялся, что многолетние связи во Пскове позволят ему вернуть княжество. Немцы, поддерживая родственника, одновременно стремились прикрыть восточную границу Дерптского епископства от союзного Ордену Меченосцев новгородского князя. «Борисова чадь» же, вероятно, готова была выступить на стороне любого противника Ярослава Всеволодовича.

Но Ярослав Владимирович поддержки в Пскове не получил. Псковичи, только что заключившие мир с Ярославом Всеволодовичем, признавшие того «своим князем», взяли Изборск штурмом. Немец Даниил (вероятно, предводитель дерптского воинского контингента) погиб в бою, Ярослав Владимирович был захвачен в плен и передан Ярославу Всеволодовичу; **«князь же, исковавъ, поточи я въ Переяславль».** Сам Ярослав Всеволодович вернулся в свой столичный город, полагая, что наиболее опасный противник обезврежен.

Именно в это время гражданская война в Ливонии вступила в решительную фазу. В июле 1233 года Балдуин, проповедовавший крестовый поход против меченосцев (!), вернулся в Ригу во главе собранного им войска и начал войну против Ордена и его наиболее значительного союзника — Ярослава Всеволодовича.

Дерптские родственники Ярослава Владимировича Псковского (вероятно, вместе с новгородскими изгнанниками) напали на Тёсов — новгородский городок в верховьях Луги, чем перекрыли путь возможному движению новгородских

полков в Прибалтику. Разорив городок, они увели с собой в Оденпе (Медвежью Голову) тѣсовского воеводу — знатного новгородца Кюриллу Синкинича, который «сѣде окованъ от госпожжина дни (15 августа) до великаго говѣνια», то есть продержали в плену около полугода.

Удар был нанесѣн в обход псковских территорий, из чего можно сделать вывод о том, что дерптские немцы продолжали считать себя связанными союзом с псковичами и вели войну против общих врагов — Ордена Меченосцев, Новгорода и Ярослава Переяславского. В отсутствие Ярослава Всеволодовича новгородцы не решились на активные действия, и антиорденская коалиция выиграла несколько месяцев.

Ярослав вернулся к зиме, приведя с собой переяславские полки, и в самом начале 1234 года двинулся на Дерпт (Юрьев). «Иде князь Ярослав съ новгородци и съ всею областью и с полкы своими на Нѣмци подъ Гюргевъ; и ста князь, не дошедъ града, съ пълкы, и пусти люди своя въ зажитие воевать; Нѣмци же из града высушася, а ини из Медвѣже головы на сторожи, и бишася с ними и до пълку. И поможе богъ князю Ярославу съ новгородци и биша я и до рѣкы, и ту паде лучшихъ Нѣмць нѣколико; и яко быша на рѣче на Омовыжи Нѣмци, и ту обломишася истопѣ ихъ много, а ини язвыни въбегоша въ Гюргевъ, а друзии въ Медвѣжю голову; и много попустиша земле ихъ и обилие потратиша». Юрий Мстиславич среди участников похода в летописях не упоминается — возможно, псковичам удалось избежать участия в походе против своих недавних союзников.

Дерпт захвачен не был, но русские войска основательно разграбили округу и сожгли один из крупнейших монастырей Ливонии — Фалькенау (основанный шурином Ярослава Владимировича дерптским епископом Германом). Разбив в полевом сражении отряды из Оденпе и Дерпта, Ярослав Всеволодович вынудил епископа в апреле 1234 года заключить мирный договор «на всеи правдѣ; и възвратишася новгородци сдрави вси, а низовьчъ нѣколико паде».

Вероятно, при заключении мира могла обсуждаться и судьба Ярослава Владимировича — он получил свободу в 1235 году (во всяком случае, так большинство исследователей толкует сообщение Новгородской Первой Летописи от 6743 года: «и на Нѣмцихъ имаша искупъ князи»). Судя по тому, что в течение нескольких следующих лет между Псковом и Ливонией сохраняются союзнические отношения, Ярослав Владимирович вернулся в Псков.

Скорейшему примирению способствовали два фактора — активизация литовских набегов на новгородские и литовские земли, а также принятое Ярославом Всеволодовичем решение включиться в борьбу за Киев: «Поиде князь Ярославъ (зимой 1237) изъ Новагорода Киеву на столъ, поимя съ собою новгородци вятшихъ: Судимира въ Славнѣ, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, а новоторжець 100 муж; а в Новѣгородѣ посади сына своего Олександра. И, пришедъ, сѣде в Киевѣ на столѣ».

Масштабный замысел требовал надёжного тыла, и Ярослав Всеволодович вполне мог пойти на уступки оппозиции. Тем более, что выход Дерпта из состава антиорденской коалиции предрешил исход гражданской войны в Ливонии. Магистр меченосцев Волквин — союзник переяславского князя — стал наиболее значимой фигурой в Ливонии, и Ярослав мог не опасаться за свои западные границы.

Но всё сложилось иначе. Легат Балдуин весной 1234 года (одновременно с вынужденным выходом Дерпта из войны) бежал из Риги. Прибыв в Рим, Балдуин обвинил меченосцев в многочисленных преступлениях перед церковью. В результате Орден оказался спровоцирован на непрерывную войну с язычниками: только находясь в состоянии крестового похода, рыцари-меченосцы могли быть защищены от репрессий со стороны Рима.

19 февраля 1236 года Папа объявил крестовый поход против литовцев. В Ригу прибыло огромное крестоносное ополчение, к которому присоединились отряды местных жителей. Военский контингент послал на помощь союзникам и Псков: **«Того же лѣта приидоша Нѣмцѣ в силѣ велицѣ изъ заморья в Ригу, и ту совокупившеся вси, и рижанѣ и вся Чюдская просто земля, и плесковици от себе послаша помощь мужь 200, идоша на безбожную Литву»**. Общая численность войска составила около 3000 бойцов. Походу предшествовали дурные знамения: **«а съ вѣстока свѣтло, и паки со вѣстока тма бысть такоже, аки мѣсяць, 5 ночки, а съ запада свѣтло, и тако исполнися все»**.

Возглавлявший крестоносцев магистр Волквин надеялся нанести удар по литовцам ближе к зиме, чтобы безопаснее чувствовать в труднопроходимых районах болотистой Жемайтии. Но, как и во время палестинских крестовых походов, пилигримы, спешившие к славе и добыче, не прислушались к мнению местных жителей, хорошо представлявших особенности театра боевых действий и тактику противника, — и в начале осени войска крестоносцев вторглись в Жемайтию. На начальном этапе поход происходил весьма успешно, но на обратном пути отягощённые добычей крестоносцы подверглись нападению объединённых дружин жемайтских князей: **«тако, грѣх ради наших, безбожными погаными побѣждени быша, приидоша коиждо десятыи в дома своя»**. Погибло около полусотни орденских братьев (в их числе и сам Волквин — второй и последний магистр меченосцев) и 180 псковичей. После этого поражения Ярослав Владимирович в очередной раз покинул Псков и отбыл к своим немецким родственникам. О том, кто именно распоряжается делами Пскова в этот период (посадник?), летописи не сообщают.

Для Ордена Меченосцев эта битва стала последней. Орден потерял более половины своего состава (в шести монастырях ордена, расположенных в Ливонии, было около 80 братьев-рыцарей). Самая грозная военная сила немцев в Ливонии была стёрта с лица земли. Вышли из повиновения племена, покорённые за последние 20 лет, — курши, земгалы, эзелцы; победо-

носные литовцы вторглись в Ливонию. Единственной надеждой для остатков ордена осталось объединение с более мощной военной организацией. 12 мая 1237 года папа Григорий IX потребовал, чтобы Тевтонский Орден взял под покровительство «братьев воинства Христова в Ливонии».

Переговоры об объединении орденов велись уже с 1231 года, когда ещё магистр Волквин пытался заручиться поддержкой тевтонцев в своей борьбе с Балдуином. В 1235 году тевтонцы прислали двух своих братьев для определения возможности объединения, но заключение их было негативным — быт меченосцев был далёк от идеалов монашеского благочестия; кроме того, не были разрешены земельные споры с папским легатом и датчанами; не были ликвидированы многочисленные долги меченосцев, а устав запрещал принимать в орден должников.

Однако после разгрома меченосцев многие факты подверглись переоценке. В июне того же года на капитуле в Марбурге Тевтонский орден включил в свой состав меченосцев. В Ливонию были отправлены 60 братьев-рыцарей, что, с учётом обычного соотношения между рыцарями и сержантами, должно было составить воинский контингент в 650-800 бойцов.

Соединившись с меченосцами, тевтонцы составили «Тевтонский орден в Ливонии» или Ливонский Орден, ставший фактически независимой ветвью «Ордена братьев госпиталей Марии Немецкой в Иерусалиме». Ландмейстером Ордена стал завоеватель Пруссии Герман фон Балк.

Фон Балк довольно решительно принялся решать накопившиеся проблемы. Эстонские земли, захваченные у датчан при магистре Волквине, были возвращены Дании, было заключено соглашение о дальнейших завоеваниях в регионе, и король Вальдемар снова стал союзником ливонских немцев.

Появление в регионе новой силы, не имеющей установившихся связей с соседями, очень скоро нарушило сложившийся баланс интересов. Если первые ливонские крестоносцы за почти сорок лет пребывания в Ливонии оказались включены в местные взаимоотношения (достаточно вспомнить их участие в псковско-новгородском конфликте, браки и личную дружбу, связывавшие руководителей меченосцев с вождями покорённых племён), то дисциплинированные и высокомерные тевтонцы были настроены на решительную борьбу с иноверцами. Как и в польском Поморье, они и здесь не стеснялись вести войну против иноэтнических католиков и не намерены были признавать соглашения, заключённые местными епископами или магистром меченосцев.

Политическая обстановка способствовала активизации натиска на русские земли. В декабре 1237 — марте 1238 монголами были разгромлены все княжества северо-восточной Руси. 5 марта пал Торжок, так и не дождавшийся помощи от Новгорода. Воспользовавшись растерянностью и ослаблением русских княжеств, литовцы захватили Смоленск и краткое время использовали его как базу для своих набегов. Так, 25 сентября 1239 года «**избиша Литва на Комнѣ пскович засадою**».

Союз псковичей с немцами в это время, вероятно, оставался действующим, тем более что отношения с Новгородом оставались напряжёнными. Построенные в 1239 году Александром Ярославичем крепости по Шелони (например, Порхов) прикрывают Новгород от Пскова ничуть не менее, чем от Литвы, наносившей свои удары с более восточного направления — на Торжок и Руссу.

В 1240 году Ливонский орден и его союзники, в числе которых не последнее место занимает покинувший Псков Ярослав Владимирович, захватили Изборск. Вскоре было разбито и посланное на выручку изборянам псковское войско.

«Того же лѣта взяша Нѣмци, медвѣжане, юрьевци, вельядци с князем Ярославом Володимиричем Изборьско. И приде вѣсть въ Пльсковъ, яко взяша Нѣмци Изборьскъ; и выидоша пльсковичи вси, и бишася с ними, и побѣдиша я Нѣмци. Ту же убиша Гаврила Горислалича воеводу; а пльсковичъ гоняче, много побиша, а инѣхъ руками изи-маша». По данным псковских летописей, погибло и попало в плен 600 псковичей. Ливонская Рифмованная Хроника говорит о 800 (возможно, в немецкой версии это число увеличено за счёт изборян, «не учтённых» псковским летописцем).

Преследуя разбитых псковичей, ливонцы подошли к Пскову, сожгли посад и осадили крепость: **«И пригонивше подъ городъ, и зажгоша посадъ весь; и много зла бысть: и погорѣша церкы и честныя иконы и книги и еуангелия; и много сель попустиша около Пльскова».** Новгород и в этом случае не попытался оказать помощь осаждённым единоверцам. После семидневной осады немцы отошли, увозя с собой псковских пленных из числа **«дѣтей добрыхъ мужъ»** — скорее всего, молодёжи, захваченной в бою под Изборском.

Итак, вместе с немцами под Псков пришёл и законный псковский князь, несомненно, пользовавшийся симпатией части горожан, женатый вторым браком на псковитянке (немка, первая жена, к этому времени скончалась, оставив сына). Сочетание всех факторов и стало решающим. Псков подтвердил союз с немцами, принял в город двух тевтонских братьев «с малым отрядом» (вероятно, около сорока человек) в качестве представителей Ордена и, возможно, возложил на себя некоторые вассальные обязательства: **«бяху бо перевѣтъ держаче с Нѣмци пльсковичи, и подъвели ихъ Твердило Иванковичъ съ инѣми, и самъ поча владѣти Пльсковомъ с Нѣмци воюя села новгородская».** Твердила Иванкович и «иные» выражали волю небольшой части псковичей, агрессивно настроенной по отношению к Новгороду, но единогласия в городе безусловно не было. **«Инии пльсковичи вбѣжаша в Новѣгородъ с женами и с дѣтьми».** Судя по тому, что противники немцев уходили с семьями, им не препятствовали. Псков признавал за своими жителями право свободного выбора.

НА СТОРОНЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Новгородцы не приняли каких-либо мер по обороне своих территорий от возможного продолжения немецкого натиска на Восток и даже рискнули пойти на явный конфликт со своим князем Александром — недавним победителем шведов на Неве — и с его отцом, великим князем Ярославом Всеволодовичем: **«В то же лѣто, той же зимы выиде князь Олександръ из Новгорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвсья с новгородци»**.

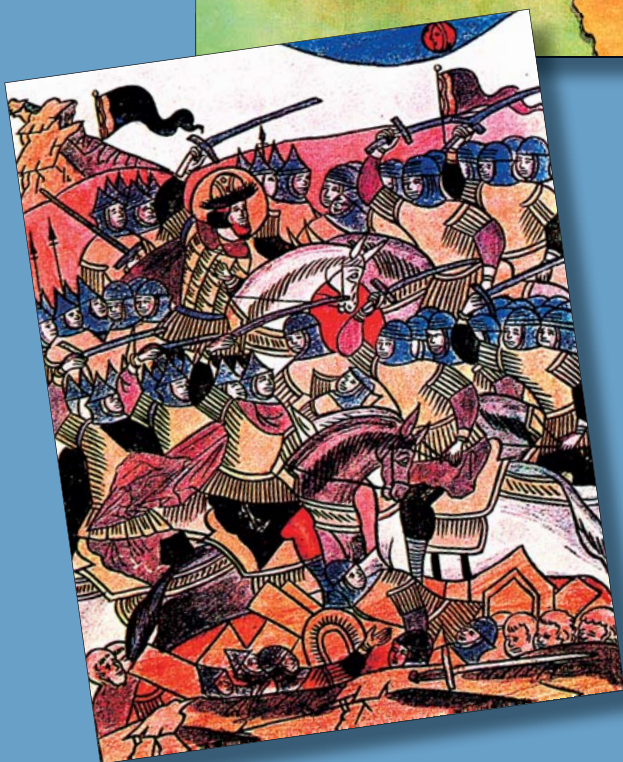
Новгород не только проигнорировал изменения на своей восточной границе, но в какой-то мере содействовал им. Возможно, новгородцы рассматривали события в Псковской земле, как месть Ярослава Владимировича Псковского и дерптского епископа Германа (ливонские источники называют его руководителем похода 1240 года на Изборск) за псковскую и ливонскую политику Ярослава Всеволодовича, проводившуюся на протяжении 30-х годов XIII века. Изгнав сына великого князя, Новгород продемонстрировал свой нейтралитет в разгорающемся конфликте и вполне мог рассчитывать на ответную поддержку Ливонии.

Однако расчёты не оправдались. Традиционной политикой немцев в Прибалтике было привлечение новых союзников к завоевательным походам против ещё не покорённых соседей. Это, с одной стороны, позволяло держать под контролем наиболее активную часть населения новоприсоединённой области, а с другой — позволяло последним компенсировать свои убытки за счёт традиционных противников. Так было в Ливонии, Латгалии, Эстонии, так было и с Псковом. Добившись ухода Александра Невского и тем самым отказавшись от поддержки великого князя Ярослава Всеволодовича и его сюзерена — грозного Батюга, новгородцы развязали руки своим противникам. Псковичи, имевшие полные основания считать себя жертвами предательства Новгорода, не позволили немцам остановиться на новгородских границах.

Сразу после ухода князя Александра **«придоша Нѣмци на Водь с Чюдью, и повоеваша и дань на нихъ възложиша, а городъ учиниша в Копорьи погостѣ. И не то бысть зло, но и Тесовъ взяша, и за 30 верстѣ до Новгорода ганяшася, гость биюче; а сѣмо Лугу и до Сабля»**. Вскоре к ливонцам и псковичам присоединилась Литва. Новгородцы обратились за помощью к великому князю Ярославу Всеволодовичу, однако он отказался отправить в Новгород своего старшего сына, предложив второго по старшинству — Андрея Суздальского.

Новгородцы не приняли его, аргументируя несогласие, скорее всего, тем, что, по традиции, наместником великого князя (и князем новгородским) являлся его предполагаемый наследник. Даже в ситуации полного разгрома **«...на волость Новгородскую наидоша Литва, Нѣмци, Чюдь, и поимаша по Лугѣ вси кони и скотъ, и нелзѣ быше орати по селомъ и нѣчимъ»**

План построения
дружины
А. Невского
и немецких
рыцарей
5 апреля 1242 г.

Битва на льду
Чудского озера.
Миниатюра
Лицевого
летописного свода.
XVI в.

В. Серов. Въезд А. Невского в Псков

новгородцы не собирались поступиться своими правами. Под угрозой утраты северных земель **«вда Ярославъ сына своего Александра опять»**.

Возвращение Александра Ярославича с низовскими полками в Новгород (и возвращение Новгорода «под руку» великого князя) резко изменило ситуацию в регионе. Прекратила свои нападения Литва; союзники Новгорода, соединившись с княжескими войсками, разгромили немцев в Водской земле: **«Того же лѣта поиде князь Олександръ на Нѣмци на городъ Копорью, с новгородци и с ладожаны и с Корѣлюю и съ Ижеряны, и взя городъ, а Нѣмци приведе в Новъгородъ, а инѣхъ пусти по своей воли; а Вожанъ и Чюдцю перевѣтники извѣша»**.

И — самое главное — на сторону великого князя перешёл Псков. Псковичи охотно вступали в конфронтацию с новгородцами и новгородскими князьями, видя в них угрозу своей независимости, но почти всегда отличались лояльностью по отношению к великим князьям. В начале марта 1242 года Александр и Андрей Ярославичи взяли Псков «изгоном», без боя, **«изъима Нѣмци и Чюдъ, и сковавъ поточи в Новъгородъ»**. Победа была бы невозможна без активного содействия псковичей — вспомним, как немцы в сентябре 1240 года, простояв неделю под стенами города, так и не решились на штурм. Подчеркнём, что в Копорье сторонники немцев считались явными

«переветниками» — изменниками и были казнены, никаких же сообщений о наказании псковских инициаторов перехода под власть ливонцев источники не содержат. Скорее всего, Александр Ярославич (и его отец) не отрицали права Ярослава Владимировича Псковского заключать и расторгать союзы по своему усмотрению и права псковичей стоять за своего князя.

Захватив в плен находившихся в Пскове немецких представителей, Александр и Андрей «пойде на Чюдь». Основной удар русские войска нанесли по центральной Эстонии. Угоняя скот, сжигая и вывозя посевное зерно, Александр Невский вынудил ливонцев, пытавшихся отсидеться за крепостными стенами, на активное сопротивление. Соединённые силы Дерпта, Ордена и североэстонских датчан двинулись «на перехват» «уходившим» с добычей русским. **«Князь же възпятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь поидоша по нихъ. Узрѣвъ же князь Олександръ и новгородци, поставиша полкъ на Чюдьскомъ озерѣ, на Узмени, у Воронѣя камени...»**. Это произошло 5 апреля 1242 года — в день, когда немецкий натиск на русский северо-запад был остановлен навсегда.

*Сергей САЛМИН,
старший научный сотрудник
АНО «Псковский археологический центр»*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокман Х. Немецкий Орден. М., 2004.
2. Демурже А. Рыцари Христа. СПб, 2008.
3. История крестовых походов. М., 1998.
4. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. М., 2006.
5. Назарова Е.Л. Князь Ярослав Владимирович и его роль в ливонской политике Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996 — 1999. Псков, 2000.
6. Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.
7. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
8. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
9. ПСРЛ. Т. 5. Выпуски 1, 2. Псковские летописи. М., 2000.
10. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
11. Татищев В. История Российская. М., 2003, Том 2.
12. Хрусталёв Д.Г. Северные крестоносцы. СПб, 2009, Том 1.

РАССКАЗ ТОРОПЕЦКОГО СТРЕЛЕЦКОГО СОТНИКА СЕМЁНА СКУЛЁВА О ЗЕМСКОМ СОБОРЕ 1613 ГОДА

Лета 7138 ноября в 24 день, се яз, раб Божий Семён Скулёв, пишу память детям своим, дабы помнили про дела своих дедов, уставивших порядок на земле Русской. Было мне от роду 20 лет, когда при блаженной памяти царе Фёдоре Ивановиче стал я в стрельцы. Время было мирное, служба была тихая: стой на карауле, да иногда ходи в сторожи на литовскую границу, а остальное время твоё — торгуй, промышляй, чем хочешь, — всяко лыко в строку. Да по грехам нашим оставил нас Господь на поругание врагам — началась Смута великая, встал род на род и брат на брата, и началось кровопролитство немалое. В те поры я обретался на Торопце уже в пятидесятниках стрельцких, и как начали нас на службы обирать — света Божьего не взвидел — послали на Москву, ан туда воровские люди с Ивашкой Болотниковым идут; так всю зиму в Котлах и простояли. Потом пришёл враг рода человеческого, вор Табарский; встал на Тушине, круг Москвы всё пожёг-повывоевал, к Троице подступался, да Бог не попустил — отбили врага. Ну а когда ляхи к Москве подошли и царя Василья в чернцы постригли, мы сказали себе: не хотим ни ляхам служить, ни в казаки вставать, пойдём домой на Торопец.

Дома запустело; людей мало: кто помер, кого воры побили, кто сам в воры сошёл. Собрали круг — стрельцы, казаки из своих, не воровских — выкликнули меня сотником, ну ин так и быть: послужу миру. На Торопце тоже не тихо было: кругом то русские воры ходят, то литовские; к городу подступались не один раз, да Бог от города не отступился, отсиживались за каменными стенами. А соседний город, Луки Великие, воры с казаками сожгли и вывоевали под корень; посадские людишка остальцы с жёнами и с детьми и со всеми животы ушли встречу солнцу, а дошли, слышь, до города Арзамасу. Но есть Господь на небе: долго терпит, да больно бьёт — сокрушил головы прегордых змеев, поляков и латинян и христоненавистных русских изменников. В царствующий град Москву на самую Казанскую вступили воеводы Дмитрий Михайлович Пожарской да Дмит-

рий Тимофеевич Трубецкой, а в Кремле всё опровержено и рассечено — пресёкся царский корень, осквернились храмы от безбожных латинян, возрос плевел вместо плодородящего колоса. К тому же не дремал враг рода человеческого, посеял рознь между воеводами; глаголют люди, что некие лжи ласкатели стали шептать в уши державствующих, чтоб им быти царями. Возгордились два князя Дмитрия, а не помнят того, что именовали себя царём Дмитрием оба самозванца — Расстрига и Тушинский вор. На первое возвратимся.

По первопутку прискакал в Торопец гонец из Москвы с зазывной грамотой. Воевода Иван Яковлевич Лопухин стал звать к себе грамоту честь детей боярских, нас, стрелецких сотника, пятидесятников и десятников, атамана казачья да людей посадских добрых. Грамота от бояр и от Совета всей земли, а подписали оба князь Дмитрия, Пожарской да Трубецкой, а в грамоте написано: на совете всей земли решили сослаться со всеми людьми Русского государства и выбрать на Владимирское да на Московское, да на иные государства государя царя и великого князя, кого нам Бог даст. Нам, всем торопчанам, следовало выбрать с посада и уезда 10 добрых человек и отправить их в Москву к Николину дню. А выборным людям было б быть разумным и постоянным, и об государевом деле говорить вольно и бесстрашно безо всякой хитрости. А во всём том нам бы поспешать следовало; знать, без государя нисколько быть невозможно, — ни в котором царстве государство без государя не стоит.

Призадумались мы крепко, и было о чём: кого посылать, ума не приложим. Атаман казачий, Михаил Кольцо, нелепые слова крикнул: кинуть, де, жребий — на кого выпадет, тот своею головой и поедет в Москву на Собор. А как падёт жребий на вора, и будет в Москве воровскую думу думать с такими же ворами с других городов, и завладеют воры добрыми людьми, и будет, как в Таборах при Тушинском царе, срам и прах!? Иван Яковлевич Лопухин рассудил добро: отпишем боярам, что Торопец — город украинный, литовскими людьми вывоеван, и все добрые люди на ратных местах, а которые худые мужики крикуны, и тех посылать нелепо, а коли велят бояре прислать одного или двух человек, и мы, торопчане, подумаем. И то правда: пост на дворе, Литва в Велиже поутихла — тоже Христовы дети, да и православные среди них есть. К Рождеству, однако, снова грамоту из Москвы привезли: дескать, вашим, торопчан и других городов людей скудоумием, государское обирание продлилось, а в рязанских пригородах стоит вор Ивашка Заруцкий и людей побивает, и Москву грозит взять, и на Московское царство ворёнка, маринкиного сына посадить. Тут все опамятовались и порешили: ты, де, Семён Иванович, человек бывалый, в Москве бывал, с Литвой и ворами бился и мирился — тебе и обирать царя, а мы будем Богу за тебя молиться.

Нечего делать, пришёл я домой, поцеловал жену с сыновьями, запрягли мы с человеком моим, Ванькой Щуром, лошадей — мне коня бурого, ему мерина сивого, — взяли сабли да пистоли, мешки с мукой, луком да са-лом и тронулись в путь.

На Рождество снегу навалило — все пути замело; под Ржевом в лесу чуть к разбойникам не попали. Тот шиш, который на ёлке сидел, промахнулся: стрела из саадака мимо уха у меня пролетела — пришпорили мы лошадей и были таковы. Приехали в Москву перед Крещеньем, мороз стоял — птицы на лету замерзали; встали на дворе у московского стрельца Сергушки Бабича в слободе у Москвы-реки. Наутро пошли на реку, митрополит Кирилл Ростовский отслужил на водосвятии и пошли в Кремль. В Кремле пошли к Успенью, и весь Освященный собор объявил пост на три дня: дескать, оскоромилась Российская держава в Смуту — негоже приступить к царскому обиранию в блуде самовластном. Ну и нам и то добро: хоть отоспаться с дороги да покалякать про московское житьё-бытьё. Сергушка Бабич поведал про здешние беспорядки после изгнания ляхов.

Москву, де, освободили два войска — Пожарского да Трубецкого. С первым разный народ пришёл — и дети боярские, и мужики простые с Вологодчины да Устюга, и казаков малое число. А с Трубецким вошли почти сплошь казаки, тысяч 11 с атаманами и чурами, молодыми то есть казаками. Ходили казаки толпами: где ни двинутся гулять в базар — идут гуртом, человек 20 или 30, а все вооружены, а меньше 10 или 15 и не ходили. Дети боярские с ними и разговаривать не смели — с пути сворачивали, а казаки ещё и задирают: «Что, сукин сын боярский, рожу воротишь?» Князь же Дмитрий Тимофеевич Трубецкой ставил столы многие у себя на дворе и казаков приводил целыми станицами, а особливо атаманов, моля их, чтоб быть ему на России царём. Казаки ели, пили, похваляли его лестно, а прочь в станицы отходили, смеясь над его безумием. Сергушка говорил, что и Пожарский, де, тысяч 20 рублёв изсорил, подкупая атаманов да московских людей посадских, да толку было ещё меньше.

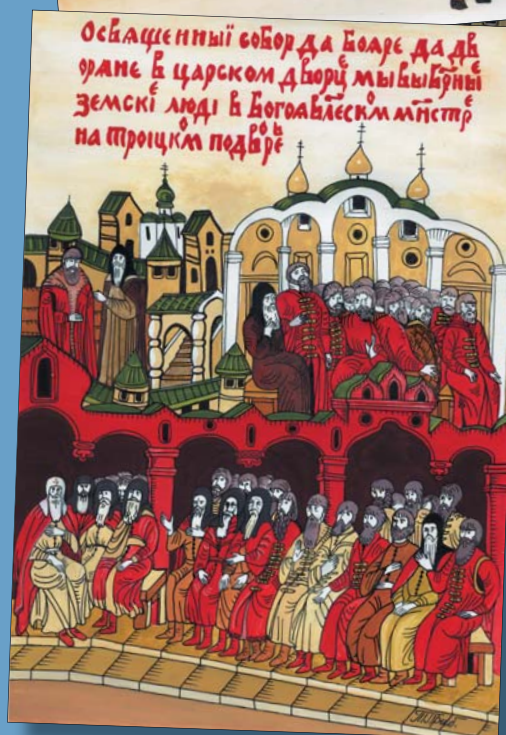
Минули три постных дня — потянулись выборные люди в Кремль. Сидели все врзъ: Освященный собор да бояре, да дворяне московские в царском дворце; мы, выборные земские люди, сидели в Богоявленском монастыре, на Троицком подворье, а с нами келарь Авраамий Палицын, зело мудрый человек. Я столь мудрых людей отродясь не встречал; на Соловках скончал живот свой сей великий старец — три года тому минуло.

Освященный собор возглавлял митрополит Кирилл, старец осанистый; в Польше был в полону, где тогда Филарет томился, а Собор возглавил не так просто: ходатайствовали перед боярами и Авраамий Палицын, и архимандрит Троицкий Дионисий, и вывели-таки Кирилла в возглавители. Да и то правда: других митрополитов на Руси не было: Новгород под шведами, Казань сама по себе — вот Кирилл и повёл своё стадо.

«Тот шиш,
што на ёлке сидел,
промахнувся...»

«Кзаки ели, пили,
похваляли его лестью...»

«...выборные земские люди
сидели в Богоявленском монастыре,
на Троицком подворье...»

Рисунки Т. Прибуровой.
Стилизация книжных миниатюр середины XVII в.

Преж сего, говорили на Соборе, всем бояре заправляли да окольные: когда Бориса Годунова на царство выбирали, посадским да детям боярским городовым и слова не давали сказать, а ныне бояре гораздо вежливые стали. Да и то: рыльцо у многих в пушку — кто самозванцам служил, кто полякам, а таких, как князь Пожарский, почти и не было.

Командовали всем воеводы из войска Пожарского, тоже люди немалые: кто стольник, кто дворянин московский, а и князья из них были — Пронский, Прозоровский, Борятинский, Голицын. Я-то приглядывался к людям и товарищей себе нашёл, разных выборных людей из городов, а одного так прямо знавал: приезжал к нам в Торопец на торг посадский человек из Осташкова с кожами Ивашка Горлов, так мы с ним обнялись-поцеловались, а потом и по чарке горячего вина пропустили. Пока ходили-говорили, стало ясно: нас-то, выборных с городов, больше, чем всех других, — никак, триста человек. Ходили сидеть с нами и атаманы казачьи со своими казаками, сначала кричали много и шумно, всех грозились разорить и по своему, по-казачьи сделать, да нас не проймёшь.

Начали говорить речи про государя: из кого выбрать. На первое помянули вельмож всех: князя Мстиславского Фёдора, второго князя Воротынского Ивана, третьего князя Трубецкого Дмитрея, четвёртого Романова Ивана, пятого князя Черкасского Ивана, шестого Шереметева Фёдора, седьмого Пожарского Дмитрея, осьмого князя Пронского Петра. Мы спросили Аврамея Палицына: «Только ли из тех вельмож по Вашему умыслению избран будет?» А Мстиславский князь отвечал ничтоже сумняшеся: «Из тех изберём по жребию, кому Бог подаст». Первые нижегородцы возроптали: посадский человек Фёдор Марков кричал больше всех, говорил горячо. «Мы, — говорил, — живот свой весь заложили в Нижнем, чтобы прийти на Москву и царя доброго обирать, а нам опять дают боярина». Так в пустословии и январь прошёл.

Авраамий Палицын добрую мысль дал: сначала назвать тех, кого никак царём избирать невозможно. Первое: не обирать на царский престол иностранных принцев не греческой веры — ни Владислава польского, ни Карла Филиппа свейского. Маринку с ворёнком также решили не обирать, чтобы сраму не было. А тут люди начали отъезжать из Москвы в свои вотчины: отъехали Шереметевы младшие оба, Плещеев, Черкасский младший, Пронский младший, Троекуров, Прозоровский. А все они, которые в ополчениях были, а многие с князем Трубецким стояли в таборах на Замоскворечье.

А другие люди стали приезжать, а в ополчениях не воевали, а многие при поляках в Москве сидели, и казаков стали теснить и выводить: сначала одной станице прикажут идти к Бронницам на свейских немцев, потом другой станице к Можайску против поляков, так казачков и повысылали из Москвы. Тут стали говорить у нас на подворье: как государь должен

быть из природных московских родов, так обирать надобно из тех, кто к прежним государям родственен. Кто более родственен царям Рюриковичам, как не Михаил Фёдорович Романов, племянник прежнего государя блаженного Фёдора Ивановича?

И всем он люб сделался — и атаманы казацки, которые в Москве остались, горой за него. Отец-то его, митрополит Филарет, и при Ростриге освобождён был из ссылки, и при Тушинском воре патриархом был. И мы тоже думаем: молод Михаил Фёдорович-от, обижен от людей мало, ни дружитья, ни мститься никому не будет, и будет при нём государство Московское крепко и стоятельно, а как в возраст придёт — и полякам и свеям мощь государскую покажет. На том и порешили. 21 февраля на Красном крыльце выкрикнули Михаила, а потом на Лобном месте крикнули народу — так и стал Михаил Фёдорович государём. Тут уж все люди выборные домой потянулись, и я поехал — знать, дома без меня притужно.

Как приехали в Торопец, так сказали всему народу про нового государя, ан его не знает никто. На другой год снова пришлось в Москву ехать: государь запросные деньги собирал на ратных людей — то дело великое, надо выборных спросить, мы и на то добро дали. Устоялось государство, а в 7126 году и перемирие с поляками заключили, кончилась Смута, вернулся Филарет из Польши, отец государев, и зажили мы, как при Фёдоре: не сильно сладко, но и не полынно, как в Смуту. А только вспросят торопчане меня: бают, ты царя видел, а я его и не видел вовсе. В феврале 7121 года он с матушкой своей в Костроме ещё был, а как на следующий год ездил я на Собор запросные деньги утверждать, тоже царя не видел: на богомолье он был в Троице. Виду, однако, не подаю, говорю: «Как же, видел, — наш государь, православный, за веру Христову крепко стоит».

А что ещё скажешь?

Владимир АРАКЧЕЕВ

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ ВЫРАЖЕНИЙ И СЛОВ

Бают — говорят.

Блаженной памяти — выражение, применявшееся к покойным царям и патриархам.

Блуд — в данном случае: неверность, измена.

Воры — государственные преступники.

Вотчины — привилегированное земельное владение, передававшееся по наследству.

Гораздо — значительно, более.

Животы — движимое имущество, пожитки.

Запросные деньги — чрезвычайный налог, взимавшийся по постановлению царя и Земского собора в 1614—1617 годах.

Зело — очень.

Изсорил — здесь: истратил.

Круг — собрание казачьей станицы.

Латиняне — католики.

Лжи ласкатели — лицемеры, подхалимы.

Ляхи — поляки.

Нелепые — здесь: глупые.

Николин день — день памяти Николая Чудотворца 6 декабря («Никола зимний»).

Обирать — выбирать.

Остальцы — оставшиеся в живых.

Память — записки.

Постоятельный — способный дать отпор, постоять за себя и других.

Поспешать — спешить, торопиться.

Притужно — тяжело, трудно.

Саадак — лук со стрелами.

Свейские немцы — шведы.

Скудоумие — глупость, неразумие.

Се — это.

Сослатся — связаться.

Сторожи — караулы, пограничные заставы.

Таборы — лагеря, разбитые вне города.

Чернец — монах.

Шии — разбойник, профессиональный преступник.

Яз — я.

В инсталляции использованы реплики документов XVI-XVII веков: листов из альбомов Менерберга и Кизеля, книга путешественника и дипломата Герберга «Занески о московитских делах» (около 1600), путевое звание голландского путешественника и дипломата Николааса Витсена (1664-1665 гг.) и карты балтийского моря изображением русско-шведской войны 1700 г. Олауса Магнуса.

Кладовая истории

МК 3610
ПРЕДМ
МА
ДААТ

Книжка
той мост и в сс
мы родаты

Tragårdar etc.

ИМЯ РОССИИ – СИМВОЛ ОТЕЧЕСТВА

*Победу на Неве, Ледовое сражение
История запомнит навсегда...*

Николай Михайлович Карамзин в своей «Истории Государства Российского» летописное обращение Александра Невского к псковичам перевёл так: «Если забудете Александра, если самые отдалённые потомки мои не найдут у вас верного пристанища в злополучии, то вы будете примером неблагодарности».

Но Ледовая битва Невского — не последняя на Псковской земле. Летом 1242 года он дважды разбивал здесь литовские отряды, после чего и литовцы «начата блюстися имени его». В 1245 году Александр Невский взял приступом занятый литовцами город Торопец (для Невского Торопец был особым местом: в 1239 году он венчался здесь с дочерью полоцкого князя Александрой Брячиславной), а затем у Жижицкого озера нагнал крупный отряд бежавших литовцев и уничтожил их. На обратном пути у Усвята Александр встретил ещё один отряд литовцев, обратив их в бегство.

Псковичи никогда не забывали наказа А.Невского: в 1252 году после поражения от татар Андрей Ярославич, брат Александра, находился в Пскове; в 1253 году псковичи пригласили на княжение Ярослава, младшего брата...

Второй сын Невского Василий, княживший в Новгороде, громил литовцев под Торопцом. Спустя десятилетие после Ледового побоища Василий Александрович отогнал немцев от Пскова. В 1257 году он вновь в Пскове...

Дмитрий Александрович, новгородский князь, вместе с псковским князем Довмонтом-Тимофеем в 1268 году разгромил рыцарей под Раковоре (Раквере)... Довмонт женился на дочери Дмитрия Марии, внучке Александра Невского (похоронена Мария в соборе Иоанна Предтечи Иоанновского женского монастыря, старейшей — после Мирожского — обители Пскова)...

В 1293 году младший сын Невского Андрей, сотрудничавший с монголами, во второй раз навёл ханские войска на Русь — Дмитрий Александрович вновь укрылся в Пскове, у дочери Марии и её мужа Довмонта-Тимофея, — псковичи свято выполняли завет Александра Невского о помощи его близким.

Внука Александра, князя Юрия Даниловича, потерпевшего в 1322 году поражение в борьбе за великокняжеский престол во Владимире, «прияша псковичи с честью от всего сердца». В 1327 году пристанище в Пскове получил Александр Михайлович, князь тверской, внучатый племянник Невского. Защитили его, не выдав Ивану Калите, затем посадили его на княжение — Александр княжил в Пскове до 1337 года (при нём была построена Изборская каменная крепость на Жеравьей горе). Самый младший сын Невского Даниил (1261-1303) — первый удельный князь московский...

...Мощи Александра Невского были обретены в 1380 году, перед началом Куликовской битвы (Дмитрий Донской — правнук Александра Невского). При Иване Грозном, потомке А.Невского в восьмом поколении, на Московском соборе 1547 года Александр Невский был причислен к лику святых — с этого времени в его честь можно было ставить храмы.

Исследователь псковской старины Ф.А.Ушаков (1850-1917) считал, что в 1566 году в Пскове существовал «Святого Александра Невского Сретенский монастырь», — правда, местоположения его Ушаков определить не смог; по Е.Болховитинову, находился монастырь «за Великими воротами», в 1581 году разорён Стефаном Баторием...

Построенный в 1699 году, при Петре I, Троицкий собор имеет два придела: один — в честь первого псковского князя Всеволода-Гавриила, другой — в честь Александра Невского.

В 1805 году в Пскове в тюремном замке была освящена домовая церковь во имя Святого Александра Невского. В 1862 году в Губернской гимназии также освящена домовая церковь во имя Святого Благоверного Великого князя Александра Невского, а в 1869 году при ней создано Александро-Невское братство. В 1883 году — часовня А.Невского при Александровской (Александра II) богадельне на берегу Великой; ещё одна часовня в его честь — при Паровозном депо. В 1898 году в здании железнодорожного вокзала поставлен дубовый киот с иконами Иоанна Предтечи и Александра Невского... В октябре 1914 года Святейший Синод предложил увековечить память погибших на войне сооружением церквей и часовен, установлением памятников и мемориальных досок, устройством братских кладбищ. При Мирожском кладбище к этому времени уже существовали воинские захоронения Псковского гарнизона, а при них — часовня Александра Невского (взорвана в советские годы), что удостоверяют и «Епархиальные ведомости»...

Воинский храм во имя Святого Благоверного Великого князя Александра Невского.

История его такова. В 1894 году в Псков из села Медведь Новгородской губернии был переведён 96-й Омский пехотный полк. Для полкового храма епархия выделила на берегу Великой старинную церковь Климента,

Псковъ.

Храм Ал. Невского
Открытка 1911 г.

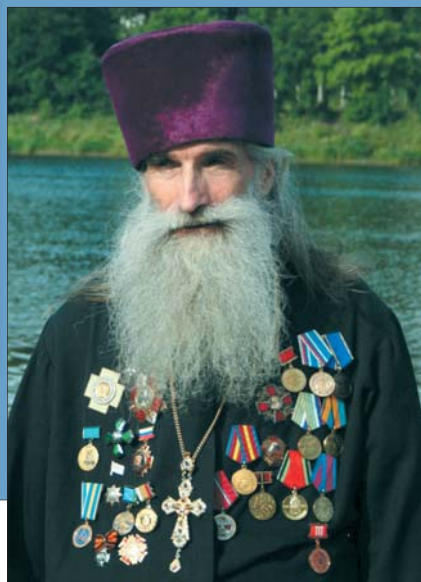

Фото из фондов храма. 2010 г.

Батюшка с воспитанниками
Воскресной школы

Отец Олег освящает танки

Папы Римского, но она оказалась холодной и тёмной, поэтому на территории Омского полка был выстроен новый храм, — он освящён 4 октября 1908 года епископом Псковским и Порховским Арсением (Стадницким) во имя Святого Благоверного Великого князя Александра Невского (В мае 1915 года Николай II наградил митрополита Арсения орденом Святого Александра Невского)...

В начале 20-х годов XX века снесены колокольня и глава — с 1924 года храм превращён в солдатский клуб; с 1947 года здесь длительное время находился Дом офицеров (помню, как мы, студенты, в 60-е ходили сюда на танцы; чуть позже — на концерты: здесь я слушала народные песни Александры Стрельченко, стихи А.С.Пушкина в исполнении Василия Ланового, Алису Фрейндлих...), затем склад.

Вторая жизнь храма началась в 1992 году и возрождалась быстро, но до окончания его реставрации (проект московских архитекторов А.И.Хамцова и Н.С.Василенко) службы велись в небольшом деревянном здании бывшего детского сада (в 1991 году погибших на Кавказе воинов отпевали у церкви на улице), который арендовал храм.

У этого храма особая миссия — её в большей степени возложил на себя сам настоятель, протоиерей Олег Тэор, человек энергичный, деятельный. Здесь ведётся колоссальная работа государственной значимости... Здесь постоянно служатся молебны о здравии новобранцев 76-й дивизии ВДВ (234-й парашютно-десантный полк дивизии носит имя А.Невского), даётся благословение на верное служение Отечеству, а накануне Дня защитника Отечества — особый молебен о здравии в присутствии военнослужащих, расквартированных в Пскове; для них организуются паломнические поездки по святым местам Псковской земли (в 2000 году храм отмечен Грамотой Министерства обороны РФ). Воины принимают участие в Богослужениях, крестных ходах... 24 января 2002 года в храме Христа Спасителя воинам Псковского гарнизона были вручены хоругви с изображением Александра Невского и Сурдгской Божией Матери для храма Александра Невского. А алтарники братья Дионисий и Павел Винидиктовы приняли участие в молодёжном крестном ходе «Царский путь» — по местам, связанным с жизнью императора-страстотерпца Николая II, — от Петропавловской крепости Петербурга в Кронштадт-Ломоносов-Петергоф-Стрельну-Красное Село-Царское Село (Фёдоровский собор)... Храм постоянно поздравляет ветеранов со всеми праздниками, им оказывается всяческая помощь... Также постоянно устраиваются детские праздники... Тут очищают свои души страждущие... Здесь, естественно, особо почитается и имя Александра Невского.

Среди святынь храма — образ Сурдгской Божией Матери, перед которой заповедано молиться о том, чтобы не проливалась невинная кровь...

Крещение солдат

Отец Олег в Чечне

По дороге во Владимирский лагерь...

«Житие Александра Невского» – работа палехских мастеров.
Фото Т. Вересовой

Вручение «Знака Ордена Доблести Георгиевского союза».
Март 2008 г.

А. Турчак, И. Клебанов, В. Шаманов, представители 76-й дивизии, протоиерей О. Тэор у «Купола», памятника 6-й роте.
Март 2010 г.

Крестный ход с главной храмовой иконой А. Невского.
Июль 2009 г.

Украшает церковь дар Патриарха Московского и всея Руси Алексия II – Житие Александра Невского, выполненное мастерами Палеха, лауреатами Государственной премии в области литературы и искусства Б.Н.Кукулиевым, С.Я.Адеяновым, В.А.Бушковым, Н.В.Кукулиевым и В.С.Макашовым. Колокола подарены – в 1995 году Президентом РФ Борисом Николаевичем Ельциным (660 кг); в 2008 году, к 100-летию храма, сенатором от Псковской области Андреем Анатольевичем Турчаком, нынешним губернатором, самый большой колокол (1 тонна 200 кг), и Владиславом Николаевичем Тумановым, бывшим первым губернатором (более 700 кг).

В храме пребывали на поклонении мощи Александра Невского (частица мощей из гробницы, находящейся в Александро-Невской лавре, передана храму по благословению Патриарха Алексия II) и Фёдора Ушакова...

В 1996 году по инициативе батюшки недалеко от храма, в сквере Дома офицеров, была воздвигнута часовня-памятник в честь иконы Державной Божией Матери, а за нею – гранитная стена с именами погибших после Второй мировой войны.

В 1993 году к обязанностям отца Олега прибавилась ещё одна – он стал настоятелем храма Илии Пророка в Выбутах, на родине княгини Ольги. Крестный ход, водосвятие, молебны в дни памяти Святой равноапостольной Великой княгини совершаются здесь регулярно. Годом позже в его «владении» появилась церковь Климента, Папы Римского, которая скоро будет отдана в распоряжение военных моряков, – в ней уже произведён внутренний ремонт; в 2009 году – монастырь Пантелеймона Дальнего, от которого остались лишь колокольня и ветхая школа для псаломщиков. Всё переданное – это не собственно храмы, в которые необходимо вдохнуть церковную жизнь, но и архитектурные памятники, требующие исторически достоверной реставрации.

Библиофил и книгочей, отец Олег передал храму свои книги, которые и составили основу библиотеки (Первоначально она ютилась на левом клиросе храма). Её фонд постоянно пополняется – за книгами ездили в православные издательства Москвы и Петербурга, монастыри; принимали дары. В фондах библиотеки – редкие издания, а среди раритетов – Ветхий Завет с пометами императора Николая II, старопечатные книги XVII- XVIII веков. Выделен раздел, посвящённый житию Александра Невского и местным святым. А первыми книгами библиотеки стали «Основы православия» протоиерея Ф.Хопко, Библии, Жития святых (в редакции святителя Димитрия Ростовского) – книги, составляющие основу православного образования. Разнообразна литература по истории Церкви, краеведению. В настоящее время библиотечный фонд насчитывает более 23 тысяч книг – один «зал» давно их не вмещает... Библиотекой пользуются не только прихожане, но и жители области; поступают заявки и из-за границы. Кроме того, здесь богатая фильмотека: 500 видеокассет

«За труды и Отечество»

Грамота издательству «Светоносец»

Наградная грамота
«Знака Ордена
Доблести
Георгиевского союза»

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ

03 - 12 2008 г.

119034 Москва, Чистый пер. 5

№ 7772

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему ЕВСЕВИЮ,
Митрополиту Псковскому и Великолукскому

**Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка Митрополит,
уважаемые военачальники и воины Российской Армии,
всечестные отцы, дорогие братья и сестры!**

Сердечно поздравляю всех вас со знаменательным юбилеем – 100-летием храма во имя святого благоверного и великого князя Александра Невского во Пскове.

Милостью Божией к нам возвращается историческая память. Преодолев годы смуты и богоборчества, Русская Православная Церковь восходит ныне на новую высоту деяний. Богозаповеданное стремление ко Граду Небесному, промыслительно совпадающее с

судьбоносный
знаком благо
повсеместно
монастырей
Знаков
святого благо
воздвигнуто
времена Ц
патриотическ
защитниках
служение, О
носящий воен
помощь Бож
Настоящий в
ближних, с
верующие во
благочестивы
святых, имена
Воин, благо
Дмитрий Дон

Находясь во Пскове в 1992 году, я посетил сей храм, и видел его в весьма плачевном состоянии, ибо тогда только еще начиналось его возрождение после десятилетий запустения. Ровно через 3 года он был восстановлен, обрел былое благолепие и в канун 50-летия Великой Победы и 775-летия святого благоверного и великого князя Александра Невского широко распахнул церковные врата, куда во множестве устремились новые прихожане.

Воинский храм, возрожденный трудами православных псковичей и воинов расположенной здесь доблестной десантной дивизии, при поддержке администрации города и области, достойно исполняет свою высокую миссию. В нем регулярно совершаются богослужения. Здесь, получив в дар «Житие Александра Невского», принимала присягу ушедшая в бессмертие 6-я рота. Здесь укреплялись духовно воины, выполнявшие свою историческую миссию по защите братских осетинского и абхазского народов. Торжественно отмечаемое ныне 100-летие со дня освящения храма вселяет надежду на дальнейшее укрепление плодотворного сотрудничества Церкви и Армии.

Пусть же всех нас вдохновляют и помогают в жизни слова святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова: «Сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5,4).

Желаю всем участникам юбилейного торжества крепости духовных и телесных сил, терпения, вдохновения, помощи Божией и благословенных успехов в усердных трудах во благо России и нашего народа.

Молитвами святого благоверного и великого князя Александра Невского, память которого ныне совершает Святая Церковь, да дарует вам Господь все благое и потребное для праведной жизни и достойного служения.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Бывший детский садик –
единственная –
«собственность» храма

Фото Т. Вересовой

Эти два заброшенных
дома переданы
храму А. Невского –
они ждут капитального
ремонта...

Фото Т. Вересовой

и более двух тысяч аудиокассет православного и исторического содержания — песнопения можно прослушать не только на русском языке, но и на болгарском, сербском, греческом, арабском, финском... К слову: уже дважды выпущен диск Большого хора храма с песнопениями и акафистом (нараспев), посвящёнными Александру Невскому. Библиотека располагает коллекцией дореволюционных грампластинок с записями хоров храма Христа Спасителя и Императорской Санкт-Петербургской оперы, но воспользоваться ею мешает отсутствие патефона или проигрывателя, — и я призываю читателей альманаха откликнуться на эту нужду библиотеки.

При храме создан музей, значительная часть экспозиции которого посвящена подвигу Шестой роты. Необходимо сказать, что отец Олег и сам всегда на передовой: он не раз летал в «горячие точки» — Чечню, Сербию (Косово). Он поддерживает отношения со всеми храмами мира, носящими имя Александра Невского. Общается с православными монастырями Греции, Святой Земли, Франции, Германии, Швейцарии, Италии, Сербии... А где только в Псковской области не бывал батюшка! И паломнические тропы прихожан, часто во главе с батюшкой, начинались с мест, связанных с именем Александра Невского...

Библиотека, музей, издательство «Светоносец», Воскресная школа для детей и взрослых — все «живут» в небольшом деревянном домике... Особого рассказа заслуживают Александро-Невские чтения, много лет существующие при библиотеке, заведует которой Ирина Анатольевна Беньяк. Чтения проводят известные историки, исследователи, краеведы, учёные. В апреле этого года прошли первые Всероссийские чтения «Александр Невский и его роль в государственной и общественной жизни России: история и современность», в его организации приняли участие областные и городские государственные структуры. Поражает не только их многогранная тематика, но и география (Петербург, Москва, Ставрополь, районные центры области), возраст участников. За два дня работы проведены «круглые столы» «Военное духовенство: традиции, значение, перспективы» и «Опыт изучения жизни и деятельности А.Невского на уроках и во внеклассной работе в школе» и научно-практическая конференция «Александр Невский в русской истории и культуре». В рамках этого масштабного мероприятия прошли и региональные юношеские чтения, и детский конкурс «Александр Невский — защитник Земли Русской». Под аналогичным названием была представлена литературно-музыкальная композиция, автор её сценария — Ирина Фёдоровна Сидякова, музыковед, преподаватель колледжа искусств им. Н.А.Римского-Корсакова. Величание святому благоверному великому князю Александру исполнил старший хор храма (солист — заслуженный работник культуры РФ Ю.В.Наконечный, регент — Нелли Горобец), а Тропарь — юношеский хор храма (муз. рук. Марина Пономарёва, регент Анна Ямщикова).

Со «Сказом об Александре Невском» выступили ученики Воскресной школы, а «Песню воина» (музыка монаха Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря Харлампия) — хор алтарников (руков. Ирина Семёнова, регент Павел Винидиктов). Клуб исторической реконструкции «Плесковград» у входа в музыкальную школу им. М.П. Мусоргского показал театрализованное «Ледовое побоище»... Это далеко не все мероприятия праздника, в котором были задействованы многие культурные площадки Пскова...

Совсем недавно, 18 и 19 августа, на Псковской земле пребывал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. 19 августа, в День Преображения Господня, Святейший посетил десантников в Черёхе, где возложил венок из живых цветов к памятнику бойцам Шестой роты. На территории части, у часовни Георгия Победоносца, Патриарх произнёс святительское слово, пожелав военнослужащим хранить заветы отцов, чтить память погибших, и благословил присутствующих иконой Спасителя, принеся её в дар десантникам. В ответ командир дивизии И.В.Виноградский подарил Патриарху книги о дивизии. Протоиерей Олег Тэор от имени духовенства, воинов и ветеранов 76-й дивизии преподнёс в дар Предстоятелю РПЦ икону Илии Пророка (Илия Пророк является покровителем Воздушно-десантных войск), современную копию иконы XIII века «Илия Пророк в пустыне» с житием и Деисусом. Сама икона сейчас находится в Третьяковской галерее, а до 1918 года принадлежала Ильинской церкви села Выбуты (родина княгини Ольги).

За строками этой статьи остаётся ещё много хороших дел храма Александра Невского, но я хочу подчеркнуть, что работа государственной важности и масштаба, какую ведёт этот храм, требует не только желания и

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посещает войсковую часть, где служили бойцы Шестой роты
19 августа 2010 г.

Отец Олег преподносит Святейшему
икону Илии Пророка

сил его служителей, но и соответствующих помещений, а их как раз и не хватает: негде достойно разместиться музею, библиотеке, издательству «Светоносец»; нет читального зала, в котором можно было бы проводить и Александро-Невские чтения; негде заниматься Воскресной школе и проводить детские праздники, готовиться к ним; нет благоприятной столовой для обездоленных... — нет, нет, нет... Несколько лет назад храму были переданы два соседних заброшенных (аварийных) дома, в которых хозяйничали бомжи. Храм ведёт ремонт этих зданий своими силами, хотя многие регионы давно ждут и просторного музея, и библиотеки с читальным залом, а вот о помощи никто не догадывается... Между тем помощь необходима — и материальная, и физическая: храму одному не осилить эти дома, к тому же в самой церкви сейчас идёт реставрация... Значение деятельности храма Александра Невского для Псковской земли бесспорно велико, так неужели мы (всем миром!) не воздадим ему должного?!

Тамара ВЕРЕСОВА

РЕКВИЗИТЫ ХРАМА

Почтовые: 180002, Псков, ул.Мирная, д.1, а/я 518.

Настоятель — протоиерей Олег Гаясович Тэор.

Телефон 8(8112)721441, факс 8(8112)660054.

Электронная почта temple@ellink.ru

Р/счёт 40703810751000001111 Псковское ОСБ №8630 г.Псков,

БИК 045805602, Кор. сч.30101810300000000602. ИНН 6027034336,

КПП 602701001, получатель Приход храма Александра Невского

Псковской епархии Русской Православной Церкви.

ЧТО ОСТАВИМ ПОТОМКАМ...

Ещё в 1945 году, когда Псков был до основания разрушен войной, Юрий Павлович Спегальский предупреждал: «...Изменяя и приспособлявая планировку Пскова к современным требованиям, нужно бережно относиться к красоте Пскова — к его памятникам, — потому, что то «кое-что», что осталось от древнего Пскова, имеет такую ценность и такую силу, что именно оно украшает и делает его Псковом». Ю.П. Спегальский предлагал определить охранные зоны, но его никто не услышал.

Охранно-заповедные зоны Пскова и характер застройки его исторического центра в конце 1960-х определила — и они были утверждены Минкультом! — Елена Николаевна Морозкина. Но и это не спасло наш город... Постоянное противостояние, желание извлечь из памятника (порой даже ценою его уничтожения) максимальную выгоду стало причиной немалых утрат. Сражённая глухотой тех, кто по должности своей обязан оберегать наше достояние, Елена Николаевна боль и крик души в отчаянии доверила бумаге: «Если бы на Персях псковского Крома — на стене Кремля его, обращённой к городу, как и прежде, стояла «колокольница», на которой висел вечевой колокол, я подобралась бы к нему и ударила в набат, дабы сбежался весь Псков... Но хочется, чтобы этот набат услышала вся Русская земля».

С 1990-х ситуация с охранными зонами заметно осложнилась: застроена коттеджами примыкающая к Гремячей горе Хлебная горка; на берегах Псковы и Великой, объявленных в 1976 году заповедными, возводятся гостиницы, так что туристам и выходить из номеров не надо — все достопримечательности видны из окна.

В апреле 2003 года в Пскове проходила Международная научная конференция «Псков в российской и европейской истории». Доктор искусствоведения Алексей Ильич Комеч, директор Института искусствознания, на брифинге, устроенном в Малом зале Областной администрации, сказал: «...В Пскове воюю очень много, часто бесполезно. Прежде воевал из-за плохого состояния памятников... За музей фрески воевали уже

много: выбирали место, отвергали место. Я думаю, музей фрески обязан быть в Пскове. Вот в Новгороде сначала шла речь о создании музея копии фрески. А то, что у вас найдено в раскопках, показывает — музей будет полон не копий, а подлинников. Причём такого времени, такого качества, которых на Руси нет. Поэтому я мечтаю о том, чтобы музей фрески был. Думаю, будет...

Считаю, что будущее псковского туризма ничем не должно отличаться от туризма цивилизованного. Я только очень хочу, чтобы в городе появилась система небольших гостиниц (на 50-60 мест), «влезających» в исторические постройки. И чтобы не 5-звёздочных, губительных для исторического центра, а 2-3-звёздочных, доступных для людей, недорогих. Во Флоренции вообще, по-моему, в пределах старого города нет ни одного 5-звёздочного отеля. Страсбург — центр мирового значения, его тоже заполняют 2-3 «звёздочки», а дальше от исторического центра — пожалуйста, 4 «звёздочки», ещё дальше — 5. Если, скажем, у вас по другую сторону реки Псковы — напротив Кремля — возникнет 5-звёздочная гостиница, тогда такая долина Псковы никому не нужна. А уже ведь начало положено: престижными особнячками — за плотиной, где стоят просто кукольные домики с террасками, которые к Пскову не имеют никакого отношения... В Пскове проблем масса. Возьмите хотя бы всю застройку Советской, Пушкинской, Романову Горку. Все палаты, которые там стоят, — район совершенно исключительный. Фантастическое соединение XVII и XIX веков — в таком уютном месте! И там так медленно всё идёт — грустно...

Очень хочется, чтобы в Пскове была развита система ландшафтного анализа будущих проектов, чтобы эти проекты выносились на общественные обсуждения. Мечтаю, чтобы город не потерял своих исторических качеств... Впрочем, моя тревога связана и с Псковской губернией, где памятников тьма, а состояние их крайне аварийное. Я не буду их перечислять, но, скажем, есть у вас такая изумительная усадьба — Волышово. Она просто уходит, никто за неё не берётся. А сколько отдельных храмов в таком же состоянии?!»...

Эти раны время не залечивает — наоборот, они всё сильнее кровоточат... Кровоточат до тех пор, пока не стираются их следы... Впору бить в набат, но услышат ли? Услышит ли Россия?!

Тамара ВЕРЕСОВА

ЧУДО И СЛАВА ПСКОВА

Среди пяти тысяч памятников древности, коими обладает Псковская земля, совершенно исключительное место, грандиозное по художественной значимости, занимают ансамбли древней фресковой живописи. Несколько храмов, сохранивших такие росписи, составляют нашу главную ценность, настоящее чудо и славу Пскова:

- Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря (1-я половина XII века).

- Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря (1313 год).

- Церковь Успения Богородицы в селе Мелётово (1465 г.), в 45 километрах от Пскова.

- Кроме того, экспедиция Эрмитажа обнаружила в т.н. Довмонтовом городе множество фрагментов росписей из разрушенной церкви Святой Софии /Николы с Гребли — по С.В.Белецкому/, а в храме Рождества Христова /Покрова — по С.В.Белецкому/, сохранившемся до сводов, сняла со стен и отправила на реставрацию в Ленинград целые композиции фресок, датируемых второй половиной XIV-XV веков. Все они находятся ныне в фондах Эрмитажа.

Эти сокровища так же ценны, как Акрополь с Парфеноном в Афинах, Колизей и Ватикан в Риме, Собор Богоматери и Лувр с «Моной Лизой» в Париже. Однако трудно себе представить человека, который, побывав в столицах Греции, Италии и Франции, умудрился бы не увидеть всего названного.

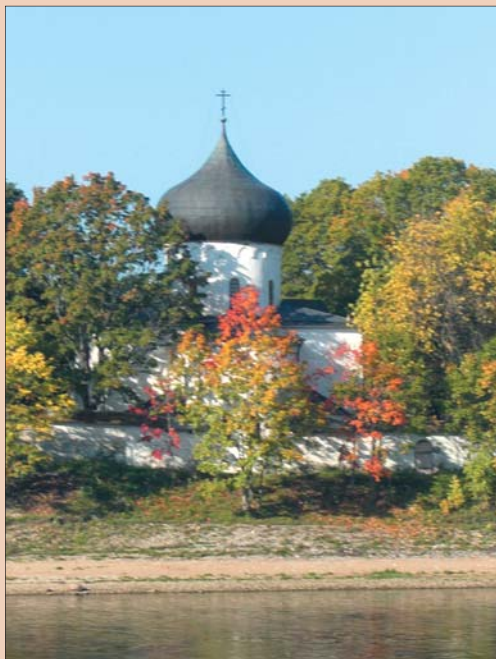
Но с псковскими фресками происходит именно так: главные свои шедевры мы давно и талантливо скрываем от людей. Проведя социологический опрос в любой аудитории, можно легко убедиться, что фрески Снятного и Мелётова «живьём» в лучшем случае видели один раз в жизни 1-2% **псковичей** (не говоря уже о туристах)! С Мирожей дело обстоит лучше, фрески же Довмонтова города были увидены совсем малым числом счастливых. Подобное положение имеет свои сложные и многообразные причины. Одно только описание истории открытия древней жи-

вописи в XIX веке, освобождения от побелок, чудеса её реставрации и трудности хранения может претендовать на то, чтобы стать в своём роде бестселлером, полным детективных поворотов и прекрасных обретений.

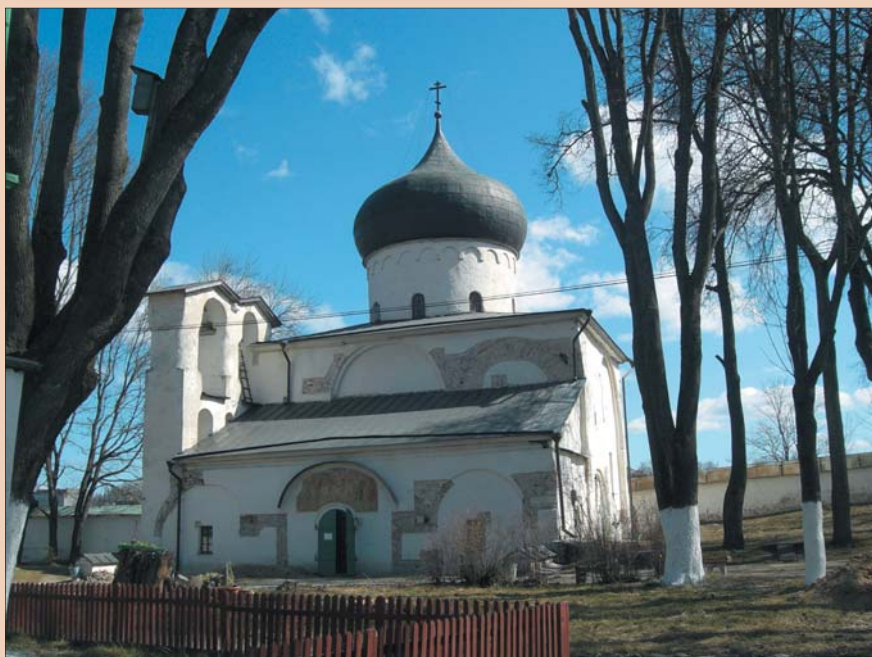
Если обобщённо представить **проблемы подлинников**, то на первом месте будет именно **проблема сохранности** древней живописи. Мировое, общечеловеческое значение псковских фресок — безусловная истина; значит, должно хранить их как можно дольше и как можно лучше. Это исключает как периодическое, так и спонтанное посещение памятников туристскими группами. Здесь не только говорить и ходить, но и «дышать надо вполголоса», как сказал недавно лучший реставратор монументальной живописи в России, знаток наших фресок и их «лечащий врач» Владимир Дмитриевич Сарабьянов. **Нужно ясно представлять, что фрески «уходят», — это неизбежный процесс**, который где-то заторможен хорошим хранением и реставрацией, а где-то активно разрушителен. Значит, число посетителей должно быть очень ограничено. Однако для чего, в конце концов, такие строгости, — не хранение же ради только самого хранения!? Безусловно, и для того, чтобы была возможность показа и рассказа туристам со всего света о великих шедеврах искусства, делающих честь не Пскову, но человечеству! Налицо явное противоречие, из которого может быть только один выход — **скорейшее принятие решения о создании Музея фрески** как стратегическом направлении реализации главного аспекта культурно-туристского потенциала Псковской области.

Вторая проблема подлинников существует одновременно с первой — их доступность для туристов и паломников. Из всех указанных памятников **лишь мирожские фрески возможны для осмотра**, хотя и с известными ограничениями. Другие храмы, не будучи до конца музеефицированными и находясь в отдалении от города, исключают появление здесь туристских групп. Количество согласований и препятствий на пути энтузиастов, желающих эксклюзивно попасть в **Снетогорский монастырь и Мелётово**, может быть описано исключительно в духе родной нам русско-византийской, а также постсоветской бюрократии. Особо засекреченными для псковичей оказались **фрески Довмонтова города**. Открытые известным археологом Василием Дмитриевичем Белецким и отреставрированные лучшими мастерами Эрмитажа, более 150 квадратных метров превосходной живописи XIV-XV веков находятся ныне **в фондах** (даже не экспонируются!) знаменитого **петербургского музея**, и вход туда затруднителен даже для специалистов. А на родине фресок, в Довмонтовом городе, за непрезентабельным забором до сих пор стоят сохранившиеся до сводов храмы. Именно с их стен и были сняты фрески, которые Псков «забыл» вернуть домой, — именно они художественно ясно свидетельствуют о становлении самобытной школы живописи так же, как сами церковные здания — о становлении архитектурной школы

Мирожский монастырь,
собор Спаса Преображения XII в.
Вид с правого берега р. Великой
Фото Т. Вересовой, 2009 г.

Спaso-Преображенский собор
Фото Т. Вересовой
Апрель 2010 г.

Купол Спасо-Преображенского собора
Фото Т. Вересовой

Богоматерь из сцены Благовещения

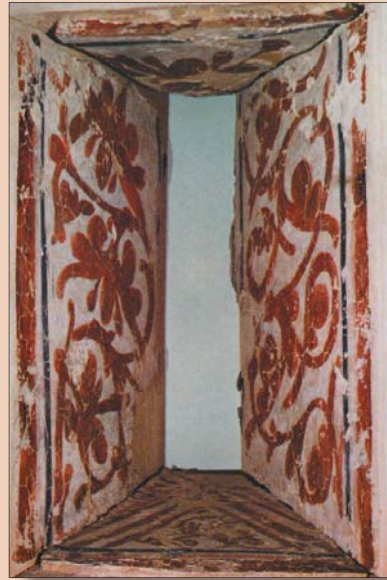

Спас-Вседержитель
Фото Т. Вересовой

Фреска Спасо-Преображенского собора

Довмонтов город,
роспись оконного проёма

Довмонтов город.
Фреска. Лик святого.
XIV – XV вв.

Фреска Спасо-
Преображенского собора

Фрагмент росписи
Преображенского собора. XII в.

Фрагмент росписи
Рождественского собора. 1313 г.

Рождественский собор Снетогорского монастыря.
«Вознесение Господне». 1313 г.

Пскова уже в XIV веке. Весь Довмонтов город — эти подлинные Псковские Помпеи! — в настоящем своём виде представляет лишь досадную непонятность для туристов, а подчас — и для слабо подготовленных экскурсоводов. На вопросы: Что это и почему в таком виде? — отвечать чрезвычайно сложно. Почётный гражданин Пскова и первооткрыватель фресок В.Д.Белецкий мечтал о том, что большая часть их вернётся в Псков при условии достойного хранения и показа **в экспозиции Музея фрески в Пскове**, где они должны стать ядром коллекции и его гордостью. Блистательная коллекция довмонтовских фресок путешествовала по лучшим европейским городам, но Псков её не видел...

Третья проблема подлинников — своеобразная **информационная блокада** — слабейшее положение дел в просветительской, рекламно-издательской области и особенно **в деле пиара фресок как главного бренда Пскова**. Несколько буклетов и проспектов, посвящённых фрескам, небольшое количество серьёзных монографий, привлекающих узких специалистов, — этого явно недостаточно. Необходимы красочные, солидные альбомы-каталоги, масса цветных и разноформатных буклетов, наконец, путеводителей, компакт-дисков по Пскову, где фресковой живописи — как главному художественному достоянию Пскова, наряду с архитектурой, — уделялось бы достойное место...

Очевидное противоречие — Псков имеет уникальные памятники монументальной живописи мирового уровня, однако почти не показывает их и крайне бедно даёт о них информацию — может и должно разрешиться созданием Музея фрески.

Что для этого необходимо предпринимать?

1. **Хранить идеально всю монументальную живопись Пскова**, осуществляя систематически реставрационные, ремонтные и прочие мероприятия.

2. **Музеефицировать** те объекты, которые целесообразно показывать туристам (с учётом изложенного выше). Так, если расширить временные рамки и обратиться к более поздним памятникам, то антипримером здесь может послужить часовня Святой Анастасии с фресками Николая Константиновича Рериха. Эта изящная архитектурная часовня-шкатулочка не должна, во-первых, быть в ведении перманентно возводящейся здесь гостиницы/?/; во-вторых, следует помнить, что такое редкое произведение чрезвычайно интересует многочисленных зарубежных и русских почитателей Рериха, — держать её закрытой и отгороженной от людей просто неприлично.

3. Вести систематическую, концептуальную **выставочную деятельность** по пропаганде и просвещению главного наследия псковской культуры. Здесь явные успехи Псковского музея, подготовившего за последние два года три выставки:

Мирожский монастырь, собор Спаса Преображения XII в.,
фреска «Сошествие Св. Духа на апостолов»

- копий фресок, исполненных различными художниками, из собрания Музея-заповедника;
- оригиналов (!) из Довмонтова города, представленных Государственным Эрмитажем летом 2007 года;
- и, наконец, копий фресок работы профессора Санкт-Петербургской Академии художеств Александра Константиновича Крылова /декабрь 2007-февраль 2008/.

Удивительно, что выставки разного художественного достоинства демонстрировались с большим успехом и, не будучи коммерческими по определению, стали таковыми по итогам посещаемости и беспримерному вниманию прессы. **Всё это подтверждает наше мнение о всеобщем огромном интересе к фрескам древнего Пскова.**

4. Необходимо постоянно делать копии, копии-реконструкции, графические обмеры, макеты, фотографии всех местных фресок, а также создавать большой сравнительный ряд по непсковским памятникам. Эта работа давно велась разными художниками и реставраторами, и копии хранятся как в их личных коллекциях, так и в различных музеях, вплоть до Русского. Подобные документы (а копии фресок можно назвать и так, хотя лучшие художники стараются не только уловить внешнее подобие,

но вникнуть в духовный замысел оригинала) в первую очередь ценны как свидетельство того, какого характера росписи были в храме. К сожалению, слишком многое исчезло на наших глазах, поэтому непозволительно копирование считать простой учебной работой.

Сама идея копирования древних фресок — как идея собирания духовных ценностей — явилась впервые у М.В.Ломоносова, в непростых условиях наступления западной светской культуры, попирающая ценности древнерусского искусства, в чём он усматривал национальную опасность. И ещё в своём XVIII веке предложил путь спасения: тотальное копирование древнерусской живописи. Эту работу можно назвать главной для создания Базы Данных об исчезающих на глазах фресках, она же закономерно приводит к идее в духе времени — созданию **Виртуального Музея Фресок**.

5. Наконец, **венцом всех усилий должно стать создание полноформатного, с оригиналами и копиями, использованием современного музейного оборудования в прекрасном старинном здании уникального Музея фресок в Пскове**. Ибо фрески Пскова — настоящая энциклопедия духовной жизни, глубокое и редкое по красоте «умозрение в красках». Священная история Старого и Нового Заветов вновь и вновь переживалась в каменных книгах Мирожского, Снятного, Мелётова. Целью этой громадной духовной работы была и демонстрация исторической эрудиции, и приобщение к мировым ценностям — Псков искал свой путь в Вере, искал истово и искренне. Это был путь духовной аскезы, подвижничества, жертвенности, эсхатологической ответственности. На пути Богоискательства мистические озарения преображают лик псковской живописи. Классическая ясность Мирожского сменилась порывисто-экспрессивной манерой Снетогорья, а Мелётово предстало как блистательный по живописной культуре, разнообразию манер и мощи замысла истинный шедевр не только псковского, но русского и мирового искусства.

Музей фрески — это мечта всех знатоков и ценителей истинного чуда Пскова.

И основывается эта мечта на уникальной возможности Пскова представить великолепную историю монументальной живописи с древнейших времён.

Фрагменты росписей XVI века сохранились в главном Успенском пещерном храме Псково-Печерского монастыря — правда, фрески на преддальнейшей стене за иконостасом закрыты.

Кроме того, фресками, по свидетельству летописей, были украшены почти все храмы Пскова — и не только изнутри, но и снаружи. В XVII веке росписи были в каменных административных и жилых палатах: традиция, видимо, никогда не умирала, так что крупные художники «серебряного века» А.В.Шусев и Н.К.Рерих возобновили её, создав на берегу Великой

Снетогорский монастырь

Снетогорский монастырь,
собор Рождества Богородицы,
фреска 1313 г. «Страшный суд»

Снетогорский монастырь ,
собор Рождества Богородицы ,
копия фрески
«Богоматерь с младенцем»,
1313 г.

Анастасиевскую часовню, где, вдохновлённые Псковом, стилизовали и архитектуру, и живопись в древнерусском духе.

Таким образом, в отличие от большинства российских городов, где сохранились лишь разрозненные фрагменты настенной живописи, Псков может представить энциклопедически полную картину её развития. А это путь исканий особой по силе духа и искренности веры псковской культуры в уникальном **Музее фрески — без этого музея**, как сказал известный знаток древнерусского искусства Адольф Николаевич Овчинников, **Псков — не Псков**.

«Летом прошедшего 1860 года удалось мне исполнить мое давнее желание — посетить... Псков. Ещё много сохранилось... древнего, хотя много уже уничтожено временем и невежеством», - эти слова графа М.Толстого звучат ещё более актуально для нас. Старинный Псков стремительно уходит. Сколько церквей с замечательными росписями утрачено безвозвратно! Немного жизни, несмотря на реставрацию и особое хранение, остаётся и главным памятникам города — храмам с фресковыми росписями. Привлечённые их сохранить, мы должны помнить: фрески «уходят». Непонимание первоочерёдности проблемы сохранения фресок может привести к непоправимым потерям — ответственность за это лежит на сегодняшнем поколении псковичей: «слава» Герострата, уничтожившего великий храм древности, реально угрожает и нам. Новый Музей фрески мог бы широко открыть двери для всех желающих войти в сложный мир православного искусства. Его созидание должно быть делом не отдалённого проблематично-богатого будущего, а практически первоочередной, концептуально-осознанной работой.

*Тамара ШУЛАКОВА,
кандидат искусствоведения*

Из истории вопроса по созданию Музея фрески:

1. **Конец 80-х годов XX века.** Музей фрески в составе Псковского музея-заповедника планируется создать согласно генеральному решению музеефикации, одобренному Коллегией МК РСФСР «60 от 19 июня 1980 г., и перспективному плану развития музея. Научная концепция Музея Фрески (под авторством Т.В.Шулаковой) была рассмотрена Учёным советом и утверждена генеральным директором Музея-заповедника (А.И.Голышевым) 27 декабря 1989 года (См.: Шулакова Т.В. Научная концепция Музея фрески в Пскове//Охраняется государством. Сборник материалов I Российской конференции. СПб, 1992, ч.2, с.104-118).

2. **В 1993-1994 годах** Русской Православной Церкви был передан Мирожский монастырь (за исключением Преображенского собора с фресками XII века, который остался в ведении Музея-заповедника) с

Мелётово,
ц. Успения Божией Матери,
1461г.

Копия-реконструкция фрески
на западной стене храма

Мелётово, ц. Успения Божией Матери. Ант-скоморох

Мелётово, ц. Успения Божией Матери.
«Уверение Фомы» (копия-реконструкция)

Лик святого

Апостол Пётр

Мелётово, интерьер ц. Успения Божией Матери.
Фреска «Неясыть», 1465 г.

Приказные палаты. 2007г.

Выставка копий псковских фресок профессора Академии художеств А.К. Крылова

единственным условием: в этом монастыре должна располагаться **первая в постсоветской стране иконописная школа во главе именно с о. Зином, всемирно известным мастером.** Обустроившая обитель, архимандрит Зинон поддержал идею создания Музея Фрески и существенно обогатил, усмотрев в ней необходимое звено для восстановления древней живописной традиции в новое время. По инициативе председателя городской Думы Л.Н. Трифонова и пожеланию о.Зинона, обновлённый авторский коллектив, возглавляемый Г.П. Степановым, доктором архитектуры, профессором Петербургской Академии художеств, заслуженным деятелем искусств РСФСР, разработал новый вариант научной концепции и создал первый проект Музея Фрески. Эта работа получила высокие отзывы академиков Д.С. Лихачёва, А.М. Панченко и других, известных в нашем Отечестве людей.

Из статьи профессора Г.П. Степанова: «На Афинском Акрополе уже более ста лет установлены мраморные копии кариатид... Они стали историческим памятником культуры. Аналогичный случай со статуей Давида Микеланджело. Подлинный Давид хранится в залах Флорентийской Академии художеств, а перед палаццо Веккио стоит замечательная копия... Она спасает гениальное произведение, и в силу этого сама по себе имеет историческую ценность...

Сохранение и изучение национальных сокровищ фресковой живописи, приобщение к ним широких слоёв населения — одна из важнейших задач

Довмонтов город.
Фрески второй половины XIV – начала XV вв.
Св. Георгий (?) и ктитор храма (?)

Орнаменты

Апсиды храмов
Довмонтова города,
в которых открыты росписи.
Фото Т. Вересовой

Фреска Довмонтова города,
представленная Эрмитажем
на выставке «Святая Русь».
*Париж, Лувр,
март-апрель 2010 г.*

развития отечественной культуры России. Реальным решением этой проблемы является **создание музея копий фресковой живописи**. Во-первых, это позволит избежать полных и безвозвратных утрат живописных произведений в связи с катастрофическим положением многих наших памятников. Во-вторых, вовлечёт этот бесценный материал в серьёзный научный оборот и сделает достоянием как отечественной, так и зарубежной общечеловеческой культуры.

Практически пробой такого рода становится **создание первого в стране Музея Фрески в Пскове... Реализация этой идеи будет пробным камнем в деле... сохранения культурного наследия в нашей стране**». (См.: Степанов Г.П. Сохранить бесценные сокровища отечественной культуры// Охраняется государством. Сборник материалов I Российской конференции. СПб, 1992, ч.1)

3. **Последующее десятилетие принципиально отвернулось** от этих существенных шагов в важнейшем для Пскова деле. Вынужденно оставил монастырь выдающийся иконописец архимандрит Зинон; скончался замечательный человек, талантливый архитектор и искусствовед Георгий Петрович Степанов, не раз восхищавший российских и зарубежных зрителей своих персональных выставок, среди экспонатов которых были и эскизы Музея Фрески в Мирожской Иконописной школе... Тамаре Васильевне Шулаковой 19.04.2010 года (№1060) руководитель Государственного Комитета Псковской области по культуре ответил, что **«...Идея создания виртуального Музея фрески имеет право быть... Создание же реального Музея фрески — дело отдалённой перспективы...»**

УМИРАЮЩАЯ СТАРИНА

*Печально, когда умирает старина. Но ещё страшнее,
когда старина остаётся обезображенной,
фальшивой, поддельной. Это страшнее всего
и больше всего подлежит наказанию...
Н.К. Рерих. «Слово», 1908 г.*

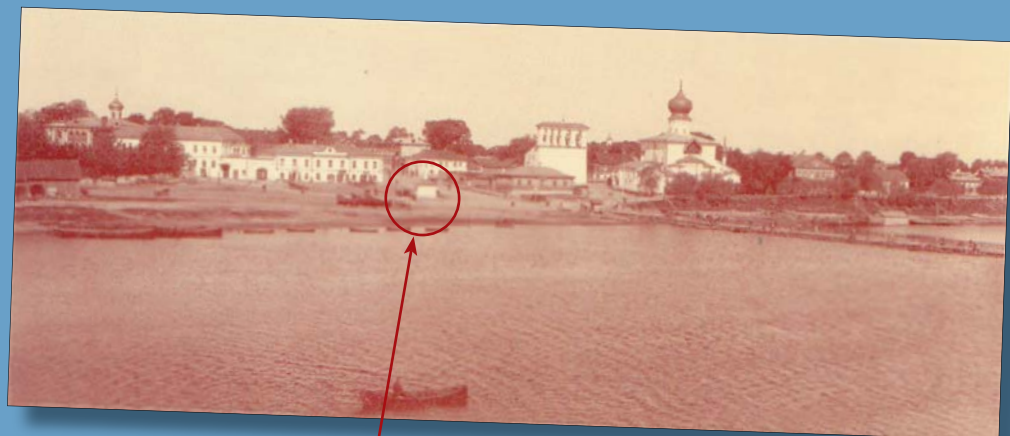
Говорить о культурном и историческом наследии Пскова можно бесконечно, и проблема сохранения этого наследия, похоже, относится к проблемам вечным...

Есть один памятник в нашем прекрасном городе, который вызывал у меня любопытство с детства. В первую очередь, из-за замка, висящего на двери столько, сколько я себя помню. Речь идёт об Анастасиевской часовне, которая находится под Ольгинским мостом. Помню, как в возрасте семи лет с друзьями ходили мы кругами вокруг этой загадочной, но необъяснимо прекрасной и притягательной часовни, как заглядывали в щёлочки дверей и ставен, высунув от любопытства языки, пытаюсь узнать, что же там находится.

Прошло много лет, и вот совсем недавно часовня Святой Анастасии стала открывать свои секреты: сначала это было лишь теоретическое знакомство с историей её возведения, росписями, идеей авторов. Я испытал настоящий шок (в хорошем смысле) и восторг, когда, как мне показалось, понял глубину этого шедевра.

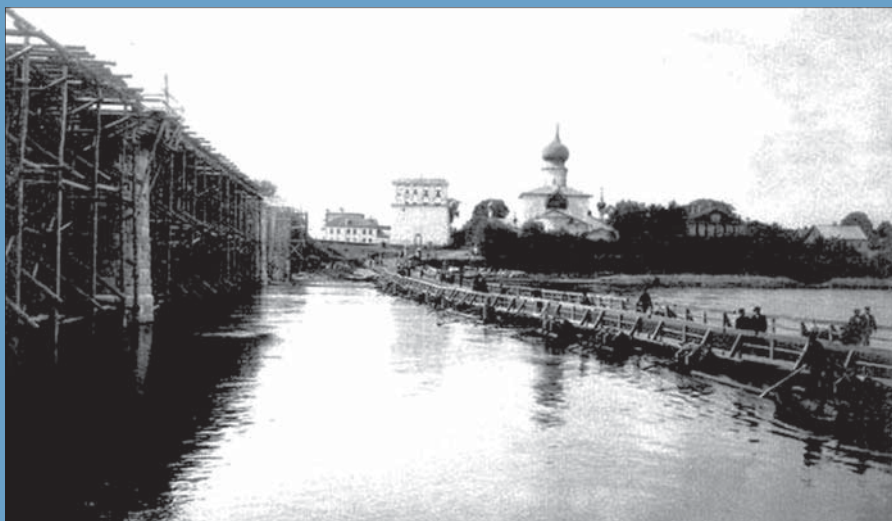
О самой часовне написано много — на профессиональном уровне, но я всё же коротко напомню читателям её историю.

Часовня была возведена в 1911 году, на месте более древней Анастасиевской часовни 1710 (11) года, построенной по обету о прекращении страшного мора, пришедшего из Прибалтики: «По обещанию во время мора построена во Пскове сентября 1 часовня во имя Преподобномученицы Анастасии Римляныни. Строители оной записаны на поминование во псковские синодики», — отмечает митрополит Евгений (Болховитинов) в своей «Истории княжества Псковского». Возобновление часовни связано со строительством постоянного моста через реку Великую, очень необходимого городу: до этого через реку ежегодно возводился наплавной деревянный мост, который на зиму разбирался, а во время ледохода

Анастасиевская часовня 1710 года

Строительство Ольгинского моста.
Фото начала XX века

Анастасиевская часовня и Ольгинский мост.
Открытка 1911 г.

сообщение между центром и Завеличем вообще прекращалось. Новый мост проходил над часовней, поэтому «...с согласия духовенства над часовней 1710 года возвели каменную надстройку до уровня земляной насыпи и сверху, как на фундамент, поставили новую часовню, во имя той же Святой...» (Ларионов И.Н. Для потомков. // Псковская правда, №294, 1971).

/Святая преподобномученица Анастасия Римляныня (в честь Анастасии Римлянки в центре Пскова ещё раньше освящён храм), оставшись трёх лет сиротой, была взята на воспитание благочестивой Софией, игуменьей женской обители, находившейся недалеко от Рима. На 21 году от роду вступила в подвиг страданий за исповедание Иисуса Христа, мучена при Декии и усечена от игемона Прова в царствование Валериана. — Жития святых. М., 2004. Часовню называют ещё «Анастасии-Льняницы»: псковские купцы святили в ней лён — перед тем, как увезти его за границу, чтобы удачно продать./

Возводилась часовня по проекту Алексея Викторовича Щусева, академика архитектуры, четырежды лауреата Сталинской премии, автора таких известных проектов, как храмы Сергия Радонежского на Куликовом поле и Покрова в Марфо-Мариинской обители, Казанского вокзала и мавзолея В.И. Ленина в нашей столице.

Закладка часовни состоялась 5 августа 1911 года и строилась из местного плитняка (в сочетании с кирпичом). «...Щусев изучал древнюю архитектуру Пскова, обращаясь с традициями свободно и вдохновенно: белые чистые стены почти лишены декора, используется лишь мотив типично псковского орнамента — «бегунца, поребрика и кокошников». **Памятник представляет собою особое явление.** Его силуэт устремлён ввысь, что подчёркнуто узким и высоким барабаном, чем она и отличается от традиционно приземистой псковской архитектуры» (Короткина Л.В. Творческий путь Н.Рериха. СПб, 2001).

Торжественное открытие моста, его освящение состоялось 30 октября 1911 года, о чём сообщали Епархиальные ведомости и Вестник Псковского губернского земства. А 7 декабря на Земском собрании губернатор барон Н.Н. Медем объявил о Высочайшем повелении присвоить новому мосту в городе Пскове наименование Ольгинского.

Открытие моста явилось столь значимым событием, что затмило все другие, — о новой часовне не упоминает ни одна газета, однако с 1911 года Анастасиевская часовня становится неотъемлемой частью не только Ольгинского моста, но и всего Пскова. И мемориальная доска, установленная на часовне, напоминает: «В лето сотворения мира 7419 и от Рождества Христова 1911, в царствование благочестивого государя императора Николая Александровича сооружена бысть сия часовня во имя святой великомученицы Анастасии на средства Управления внутренних

Перенос часовни
с моста на берег Великой.
Фото 1969 г.

Фото автора, май 2010 г.

Зима 2010 г.
Фото автора

Вид на Завеличье
с правого берега р. Великой.
Фото Т. Вересовой, июль 2010

водных путей и железных дорог. Под наблюдением начальника работ по строительству моста инженера Л.П. Блавицина и помощников его В.Д. Леонтьева и В.П. Тихомирова. При участии строительно хозяйственного комитета под председательством инженера В.К. Орловского и членов оно-го. Управляющего псковской контрольной палатой Н.Г. Арсеньева, М.Л. Михайлова, С.И.Зубьянинова, Л.Б. Крейтора, А.К. Альбова, Г.Д. Герца и П.Д. Батова под фактическим контролем Я.И. Оглоблина. По проекту академика архитектуры Алексея Викторовича Щусева».

Кроме архитектурных достоинств, часовня обладает ещё и уникальными росписями, выполненными в 1913 году по эскизам Николая Константиновича Рериха. Для Святой Анастасии Н.К. Рерих выполнил четыре эскиза, два из которых находятся в Русском музее, судьба двух других неизвестна. Расписывал часовню художник Чириков — об этом свидетельствует А.В. Щусев в письме Н.К. Рериху: *«Хочу Вам сообщить о псковской часовне, со слов Чирикова: она окончена, поставлен иконостас и пр., вышла очень хорошо, и комиссия чрезвычайно довольна...В орнамент включена надпись, что по Вашему проекту выполнил Чириков. Проекты Чириков должен вернуть. Если у Вас есть маленький эскизик, то Вы пришлите письмом мне на память»* (Короткина Л.В. Творческий путь Н.Рериха. СПб, 2001).

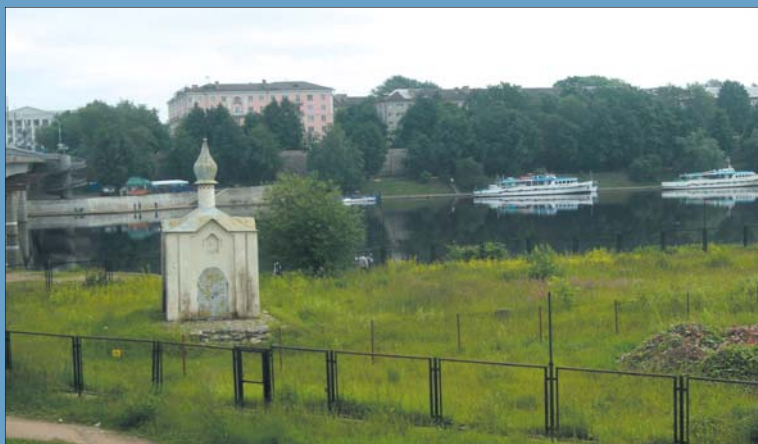
И если мы вспомним о единстве живописи и архитектуры, то росписи Анастасиевской часовни — ярчайший пример этого единства. Описание и анализ этих фресок вы найдёте в научных статьях. Я лишь отмечу, что сюжеты фресок как бы стирают границы стен часовни, делают их условными. Так, изображение Богоматери в люнетах на восточной стене перекликалось с находящейся с востока рекой Великой и самим Псковом, его крепостью. Богоматерь как бы защищает собой город... Именно этот образ, по мнению многих исследователей, трансформировался впоследствии в образ Царицы Небесной или Матери Мира над Рекой Жизни (1930 г.).

Образ Святого Николы Можайского, находящийся напротив, также представляет собой образ защитника города и чётко соотносится с «зеркальным» изображением Пскова и реки Великой на майолике дома Петра Денисовича Батова (1913 г.).

Спас над дверью, поддерживаемый архангелами, и молящиеся по бокам от двери святые Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей как бы защищали вход в Псков с севера, со стороны древнего водного пути, и с запада, пути пешего, проходящего через мост.

Четыре же ангела, находившиеся в углах с востока и запада, напоминают слова Откровения об ангелах, держащих ветры земли: войны, болезни, пожара и наводнения.

Становится ясна идея написания этих фресок: заступничество, покровительство, сохранение города Пскова от любых врагов — как видимых,

Часовня в конце июля 2010 г.
Фото Т. Вересовой

Памятная
закладная доска.
Фото автора

Н.К. Рерих. Эскиз Спаса

Спас.
Фото автора

Н.К. Рерих. Эскиз плафона

Плафон.
Фото автора

так и невидимых. И совершенно очевидно, что сам город, река Великая, мост, Завеличье и дорога на Запад, — всё оказалось вписано в эту идею. А над всем этим мир горний: солнце, луна, звёзды и Святой дух...

...Второй шок, но уже весьма неприятный, я испытал, когда узнал об истории Анастасиевской часовни в советское время. Её закрыли в 1924 году, как «не представляющую никакой художественной и исторической ценности». В разные годы в часовне располагались кассы кинотеатра, газетный киоск, керосиновая лавка. Но она пережила войну, уцелела каким-то чудом, утратив лишь главу и барабан, — фрески были забелены ещё при закрытии. Некомпетентный вердикт «не представляющая никакой художественной и исторической ценности» вновь чуть не решил её судьбу в 1969 году: было решено строить новый мост — вместо старого, уже не отвечающего современности, а часовня мешала, и её решили снести. Невероятными усилиями её удалось спасти. Заслуга в этом принадлежит Элле Марковне Петуховой, возглавлявшей Производственную группу по охране памятников архитектуры, и архитектору ПСНРПМ Наталье Сергеевне Рахманиной (жене реставратора В.П. Смирнова). Им удалось сделать невозможное, переломив непонимание и неприятие властей и строителей. Элла Марковна вспоминает: «Уже была приготовлена специальная техника. Я нашла одного нормального прораба из Мостопоезда, которому удалось объяснить ценность часовни, необходимость её перенесения. Но, когда он попытался подъехать к часовне, его практически закидали камнями... Потом приехал Юра Спегальский, он сказал: «Я могу написать статью в любые московские и ленинградские газеты, но вы же понимаете, что их никто не пропустит...»

Часовня была снята и установлена на берегу Великой, в весьма неудобном месте, при этом её развернули «правильно», то есть вход оказался с западной стороны, а не с исконно северной. Кроме того, был принят странный проект переноса: часовню распилили пополам и переносили двумя частями, при этом нижние фрески оказались утраченными. Находившаяся же в основании древняя часовня была просто снесена.

В 1971 проведены реставрационные работы: восстановлен барабан и главка с крестом, расчищены и укреплены росписи... Однако в 1988 году, когда, вопреки общественному мнению и Закону об охране памятников истории и культуры, берег Великой был отдан под строительство гостиницы «Интурист» (этот долгострой «украшает» берег уже более 20 лет, а за ним, ближе к израненному дому Батова, — гостиница Облсвопрофа возводится уже 35-й год...), нашу часовенку заключили в клетку: она вдруг отошла к территории гостиницы, став совершенно недоступной...

Можно бесконечно говорить о фресках Рериха, об архитектурных достоинствах часовенки... Преподаватели Московской Государственной

Ангелы. Фото автора

Академии архитектуры, которым недавно мне довелось показать часовню лишь снаружи, воскликнули: «Боже, какая красота!» — и замолкли...

Святая Анастасия накренилась: основание, на которое её поставили в 1969 году, сложено из известняковой плиты, легко поддающейся воздействию снегов и дождей, весенним подтоплениям... На глазах псковичей погибает ещё один памятник республиканского /федерального/ значения (Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области», 1997).

Призываю всех неравнодушных: **ДАВАЙТЕ КРИЧАТЬ, СТУЧАТЬ В КАБИНЕТЫ ТЕХ, КТО РЕШАЕТ СУДЬБУ НАШЕГО ГОРОДА, — СПАСИ АНАСТАСИЕВСКУЮ ЧАСОВНЮ ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО!**

В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ ЕЙ ИСПОЛНИТСЯ 100 ЛЕТ...

*Олег ФЁДОРОВ,
экскурсовод*

ЕЩЁ РАЗ О ПАЛАТАХ МЕНШИКОВЫХ

В предыдущем выпуске альманаха уже говорилось о печальной судьбе купеческих палат на Романовой горке — к сожалению, древний Псков уходит от нас реально. А некоторым отреставрированным памятникам помогают уйти беспризорные подростки или циничные «разборки» между потенциальными «собственниками»: так, дважды поджигали Среднюю башню Кремля; в 1995 году сгорел шатёр Покровской башни, осенью 1581 года выдержавшей штурм и осаду поляков и литовцев и тем самым спасшей наше Отечество; подожжён отреставрированный Областной научной библиотекой «дом Батова», а рядом с палатами Меншиковых — «дом Карамышевых» (ул. Советская, 46); в апреле этого года погибли в огне Власиевская башня и шатёр т.н. Рыбницкой... Перечислять утраты нового времени больно... Поэтому стоит сказать и о хорошем, хотя его скудно мало.

На Романовой горке существует и светлый островок — до начала 2010 года, открытия палат Поздновых, единственный в городе, так что этой статье больше подходит рубрика «Что имеем — сохраним...».

Десять лет назад Михаил Васильевич Шараев, директор треста «Зеленхоз», отважился взять в долгосрочную аренду погибающие первые и вторые палаты Меншиковых. Как он на это пошёл, до сих пор удивляются знающие «цену вопроса» люди. Однако 23 июля 2004 года Палаты Меншиковых были торжественно открыты. В сенях палат разместился своеобразный музей местной керамики — коллекции завода «Гончар», мастерской «Савва», эксклюзивные работы — живопись, береста, батик, флористика — городских художников, другие авторские произведения. Уголок сеней отведён и литературе по краеведению. В двух залах — царство цветов: специалисты составят для вас букет или композицию на любой жизненный случай, соберут необычные подарки на различную тематику... Сюда можно зайти, чтобы поднять настроение, отдохнуть и обогатиться духовно — на это настраивает и бассейн с японскими карпами посередине сеней, и малый бассейн в цветочном зале, где по тонким нитям струится вода прямо с потолка, — здесь всё по-домашнему уютно и прекрасно.

Вторые палаты Меншиковых. Фото автора, июль 2010 г.

Первые и вторые палаты Меншиковых. Фото автора

Окна палат.
Фото автора

Вторые палаты Меншиковых. Фото из архива М.В. Шараева

Крыльцо вторых палат. Фото автора

Интерьер палат Меншиковых.
Фото автора

Интерьер палат Меншиковых.
Фото автора

Фрагменты экспозиции
Галереи наивного искусства
Фото автора

Столовая («весёлая» палата) предоставлена Псковскому музею-заповеднику, который расположил в ней Галерею наивного искусства, удачно вписавшуюся в интерьер старинных палат.

«У Меншиковых» действительно отдыхаешь душой, но... нет-нет да и посетит единственная тревога: стоят Палаты в стороне от экскурсионных дорог...

Всё же, если кому-то из читателей альманаха захочется увидеть всё своими глазами, — звоните (8 8112 661575) и приходите (ул.Советская, дом 50)!

Мне остаётся напомнить историю палат: построены они из местного камня — известнякового плитняка. И действительно представляли собой семейную крепость: имели толстые стены, небольшие окна с лепными наличниками и могучие своды. Меншиковы в Пскове слыли богатыми купцами — они были вторыми (по обороту внешней торговли) после С.И.Поганкина. Первые палаты (3 этажа — каменные, верхние /один или два/ — деревянные, жилые) были возведены в начале 1670-х, вторые (2-этажные) — не позднее 1695 года; они были пристроены к первым. В XVIII-XIX столетиях, начале XX владельцы палат неоднократно менялись, но и после 1917 года палаты оставались жилыми. После Великой Отечественной войны во всех палатах Меншиковых были устроены «комнатушки» для работников культуры, в конце 1970-х они «обезлюдели»; во вторых палатах в 1980-х годах располагался Молодёжный театр — уже тогда они находились в жутком состоянии...

Первые и Вторые палаты спас от окончательного разрушения «временем» Михаил Васильевич Шараев — найдётся ли благодетель на другие древние постройки Романихи?

Тамара ВЕРЕСОВА

Учитель!
Перед именем твоим
позволь смиренно
преклонить колени

Год учителя

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ ПСКОВА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Данная проблема нашла отражение в многочисленных публикациях местных краеведов, поэтому я анализирую только один источник — формулярные списки преподавателей псковских гимназий, а также личные дела преподавателей средних учебных заведений после революции.

Надеюсь, вдумчивый читатель найдёт много общего и различного в составе и положении преподавателей до и после революции.

Формулярный список заполнялся на основании подлинных документов о рождении, происхождении, образовании и браке.

В фонде Псковской мужской гимназии Государственного архива Псковской области (ГАПО) есть несколько дел, содержащих формулярные списки сотрудников гимназии, заполненных в 1910-1913 годах. Знакомство с их содержанием позволяет определить возраст, вероисповедание, продвижение по карьерной лестнице, награды, размер денежного довольствия, социальное происхождение, образование, место прежней работы, причины увольнения, семейное положение, количество детей.

Итак, возраст преподавателей колеблется от 67 лет (Иван Фёдорович Жданко родился в 1843 г.) до 22 лет (Константин Иеропольский 1888 г.р.). В 50-е годы родилось 6 преподавателей; в 60-е — 12; в 70-е — 9; в 80-е — 4. Таким образом, основная масса преподавателей — это мужчины от 40 до 50 лет.

Вероисповедание преподавателей в основном православное, за исключением лютеран Р.Гутмана, К.Иогансона, В.Луйга.

Все преподаватели начинали карьеру с чина коллежского асессора, то есть 8-го чина по Табели о рангах и далее продвигались по службе, получая чины надворного советника, коллежского советника и статского советника. За выслугу лет преподаватели награждались орденами Святого Станислава (III и II степени) и Святой Анны (III и II степени), а также медалью Александра III и за участие во Всероссийской переписи населения 1897 года. Например, Дмитрий Михайлович Ляпунов вступил на службу в Псковскую гимназию в 1896 году, в 1900 — коллежский асессор

со старшинством, 1901 — надворный советник со старшинством, 1904 — коллежский советник, 1908 — статский советник. Орден Св. Станислава III степени он получил в 1902 году, II степени — в 1911 г. и Анну II степени — в 1915 году.

С продвижением по службе изменялось и денежное содержание. Так, в 1914 году в гимназии работали 13 штатных и 6 вольнонаёмных преподавателей. Штатные преподаватели имели содержание от 1500 до 2000 рублей, а вольнонаёмные — 750. Преподаватели со стажем работы 25 и 30 лет получали пенсию в размере оклада. Большинство преподавателей снимали квартиры в доходных домах по улицам Успенской, Пушкинской, Великолукской, Гоголевской, Сергиевской, получая дополнительно квартирные. Социальное происхождение преподавателей было очень разнообразным: из дворян — Д.М.Ляпунов, В.М.Клембровский, Д.М.Овсов, В.И.Попов, И.Е.Устинов, А.Ю.Купалов; из купцов — Р.Гутман; из мещан — Д.Кантемиров, И.Жданко, С.Закусев, И.Кюппар, М.Овчинников, Ф.Архипов; из духовного сословия — К.Островский и его сын А.Островский, М.Селезнёв, А.Турбин, А.Смирнов, С.Ладинский, А.Порфиридов, Г.Бекаревич, А.Коржавин; из крестьян — А.Фаддеев, П.Рощин, И.Никитин, А.Черниговский. А также сын сельского учителя Лифляндской губернии К.Иогансон, сын чиновника Н.Калинин, из граждан г.Дерпта — В.Луйг, сын придворного лакея С.Мирошников, сын унтер-офицера К.Шварсалон. Таким образом, самая большая группа преподавателей по происхождению была из духовного сословия (9), равное количество (по 6) из дворян и мещан, крестьянское происхождение имели 4 преподавателя.

Что касается образования, то большинство закончили различные отделения Петербургского университета: В.Клембровский, П.Рощин, К.Шварсалон, Ф.Архипов, А.Островский, А.Фаддеев, М.Овчинников, С.Закусев, А.Купалов. Выпускниками Московского университета были Д.Ляпунов, Д.Кантемиров, К.Иогансон. В Варшавском университете учился К.Иеропольский, Нежинский университет имени князя Безбородко окончили С.Ладинский и Г.Бекаревич. Петербургскую духовную академию окончили А.Коржавин, М.Селезнёв и К.Островский. В Дерптском университете учились Р.Гутман и В.Луйг. Новороссийский университет окончили А.Готлиб и В.Попов. В Псковской учительской семинарии учился И.Никитин.

Как видим, большинство имели университетское образование, но все молодые проходили испытательный стажёрский срок, прежде чем занять место штатного преподавателя. Многие преподаватели, прежде чем поступить на службу в Псковскую гимназию, работали в других учебных заведениях. Так, директор гимназии А.Г.Готлиб работал в Одессе, Петербурге, Кишинёве и только в 1905 году — в Пскове. К.Шварсалон вступил

в должность преподавателя истории частной женской гимназии княгини Оболенской в Гатчине в 1880 году, затем в Одессе, Миргороде, несколько раз был командирован за границу «для усовершенствования в науках» и только в 1912-1914 годах преподавал в Пскове. Г. Бекаревич работал в Могилёве, Пяну, Ревеле, Риге, с 1904 — в Пскове. А вот А. Фаддеев и В. Клембровский после окончания университета не меняли места работы и к 1917 году имели более 30 лет стажа.

В последней графе формулярного списка имеются сведения о семейном положении. Если проанализировать 30 дел, то можно определить количество женатых и холостых. Холостых преподавателей было 7: М. Селезнёв, Д. Кантемиров, А. Турбин, Н. Калинин, С. Ладенский, И. Устинов, А. Купалов. Три преподавателя — К. Иогансон, В. Клембровский и К. Шварсалон — вступили во второй брак.

Самое солидное семейство было у И.Ф. Жданко — 9 детей. В семье В. Луйга росло 7 детей, по 6 было у П. Рощина и Д. Овсова; К. Шварсалон, К. Островский и А. Фаддеев имели по 5 детей; 4 ребёнка было в семье А. Смирнова; по 3 ребёнка воспитывали в 7 семьях: Иогансоны, Порфиридовы, Никитины, Кюппары, Поповы, Коржавины, Черниговские; по 2 ребёнка имели Гутманы и Овчинниковы; один ребёнок был в семье Д.Ляпунова, Г.Бекаревича и С.Мирошникова. За этой статистикой стоят очень интересные сюжеты. Так, у К.Шварсалона от первого брака 3 детей, которые остались с Людмилой Дмитриевной Зиновьевой, а после её кончины находились при отчине. От второго брака с дочерью генерал-майора Марией Дмитриевной Рудневой родилось ещё двое детей.

Дети многих преподавателей обучались в гимназии. Так, в 1910 году в 8 классе учились Михаил Рощин, Альбер Иогансон, Николай Готлиб, Николай Фаддеев, Николай Овсов, Ганс Гутман, Генрих Луйг.

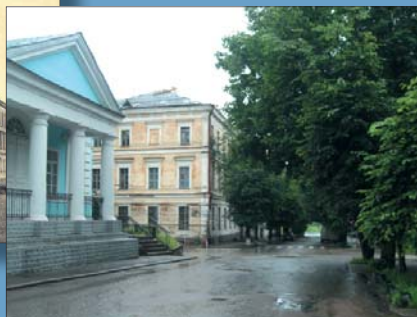
Формулярные списки фиксировали болезнь и смерть. Так, после 10-летней работы преподавателем русского языка стал душевно больным И.Устинов. Ему была в 1903 году императорским указом назначена пенсия. В деле И.Ф. Жданко отмечена дата увольнения со службы 28 ноября и дата смерти — 1 декабря 1900 года. Есть запись о смерти в 1913 году К.И.Иогансона. В 1917 году уволен А. Турбин «по расстроенному здоровью». В 1907 году по состоянию здоровья получил отставку и пенсию В. Луйг. А М.Н. Селезнёв в 1900 г. был уволен, так как «не удовлетворял требованиям устава гимназии». О переводе Д. Овсова и П.А. Рощина в Малую Вишеру также есть запись в формулярных списках.

Последние записи относятся к 1918 году, когда фамилии некоторых преподавателей были внесены в кандидатский список школьных работников советских школ.

Первое собственное (1817 г.)
здание Губернской гимназии
Фото Т. Вересовой

Главное здание гимназии.
1855 г.

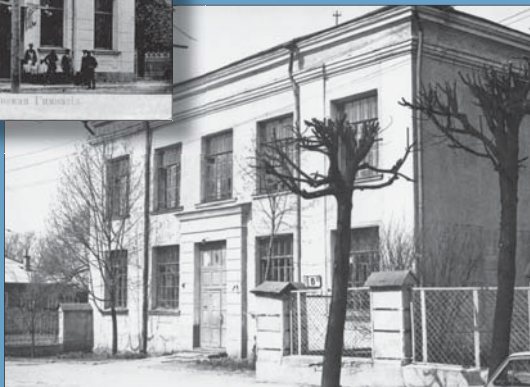

Здание гимназии. Июль 2010 г.
Фото Т. Вересовой

Здесь с 1911 года занимались
начальные классы гимназии

Фото Н. Бондарчука, 1990 г.

Мариинская гимназия.
Открытка начала XX в.

Весна 2010 г.
Фото Т. Вересовой

Здание Епархиального училища
весной 2010 г.
Фото Т. Вересовой

Формулярный списокъ
о службѣ

Марии Ивановны Стуколкиной
Почетной
Патриаршьяго
Дѣтскаго Оубра

Въ классѣ 1910 г.
№ 40 ел.

Въ классѣ 1910 г.
№ 40 ел.

Машинерство

Марии Ивановны Стуколкиной
Почетной
Патриаршьяго
Дѣтскаго Оубра

Гос. Канцеляр
Патриаршьяго Дѣтскаго
Оубра

Въ классѣ 1910 г.
№ 40 ел.

Удостоверенъ Васъ, Машинерство Государств.
это Канцелярскій Оуборъ при Патриаршьяго
Дѣтскаго Оубра, въ классѣ 1910 г.
Этотъ классъ, постановкой присутств.
въ классѣ 1910 г. постановкой
протопр. классѣ 1910 г. постановкой
№ 40 ел. Постановкой 24 мая 1880 года.
Въ классѣ 1910 г. постановкой
протопр. классѣ 1910 г. постановкой
протопр. классѣ 1910 г. постановкой

Почетной Канцеляр
Патриаршьяго Дѣтскаго
Оубра

Учащиеся
Агаповской гимназии
Стуколкина О. Лурье Е.
с мадемуазель
Рейснер Г.
1911 г.

Духовная семинария.
Открытка начала XX века

Здание бывшей
духовной семинарии.
Фото Т. Вересовой
Февраль 2010 г.

Кадетский корпус. Фрагмент.
Фото Т. Вересовой
Апрель 2010 г.

Кадетский корпус.
Фото 1920-х г.

Сохранившиеся формулярные списки о службе преподавателей Агаповской гимназии за 1913-1918 годы дают представление о составе учителей этого учебного заведения.

Высоким требованиям соответствовала начальница гимназии Мария Ивановна Агапова. Она родилась в 1864 году, окончила в 1882 году с золотой медалью Мариинскую женскую гимназию, затем Высшие женские курсы в Петербурге, с 1896 года заведовала воскресной школой, а затем стала начальницей гимназии, одновременно давая уроки математики и географии. За большой вклад в развитие женского образования в 1910 году она была награждена золотой медалью «За усердие» на Анненской ленте. Годовое жалование её составило 1500 рублей.

Большое влияние на учениц оказывал преподаватель Закона Божьего протоиерей Георгий Васильевич Цветаев, окончивший в 1884 году Петербургскую духовную академию, служивший инспектором в Псковской духовной семинарии и законоучителем в Епархиальном училище, где преподавал и дидактику. Один из его сыновей обучался в Московской духовной академии, другой избрал Петербургский политехнический институт, дочь — Высшие женские курсы, другая же дочь окончила Агаповскую гимназию. Годовое жалование Г.В.Цветаева составляло 500 рублей; скончался он 18 января 1915 года.

К старшему поколению преподавателей относилась Алиса Марковна Лейкард, окончившая частное учебное заведение в 1887 году в городе Валк Лифляндской губернии, где преподавание велось на немецком языке. Ей пришлось при поступлении в гимназию Агаповой в 1908 году сдавать экзамен, после чего она в течение 10 лет преподавала немецкий язык.

К молодым преподавателям принадлежал учитель физики и космографии Владимир Матвеевич Ковтун. Он окончил Псковскую мужскую гимназию, учился в Петербургском университете, но вернулся в Псков и стал учителем с размером годового жалованья в 1210 рублей. В 1915 году он продолжил обучение в электронно-техническом институте, но начавшиеся революционные события заставили его вернуться в Агаповскую гимназию, а в 1918 году покинуть город вместе с отступающими немцами.

В качестве домашней наставницы поступила в 1909 году на службу учительница географии Аделаида Фёдоровна Шурадэ, сама окончившая Агаповскую гимназию. Здесь же работала её сестра Эмилия Фёдоровна Шурадэ, окончившая гимназию Александровой; она преподавала математику. Ирма Германовна Расмуссен учила гимназисток немецкому языку. Уроженка Порхова, получившая хорошее домашнее образование, а затем окончившая Порховскую женскую прогимназию, она вышла замуж за датского подданного Эдуарда-Карла Христиана, дове-

ренного коммерческого банка «Юнкер и Ко». В Агаповской гимназии обучалась и их дочь Ингеборг-Мария.

Историю преподавала Вера Палладиевна Каракулова, окончившая Высшие женские курсы в Петербурге. Французский язык гимназистки изучали под руководством Надежды Гей, окончившей Московский Николаевский институт домашнего образования. В 1918 году после окончания Псковской художественно-промышленной школы им. Фан-дер-Флита поступил на службу учителем рисования Иосиф Гольберг.

Профессиональным был состав учителей и в гимназии Александровой-Сафоновой. Законоучителями, например, служили здесь священники М. Закураев и В. Быстров, лютеранский пастор Чешко и католик Р. Петренис, русский язык преподавали Вера Петровна Панфилова, Арфида Эрастовна Берзина (Берзинь) и Вера Тимофеевна Корзино; математику — Лидия Антоновна Александрова (в замужестве Диц, первая начальница гимназии), Ядвига Зоргенфрей, Виктор Ксавериевич Гринкевич; физику — Феофан Васильевич Архипов; историю — Николай Иванович Серебрянский; педагогику — Иван Иванович Лавров. Новая начальница гимназии, Мария Ивановна Сафонова, вела уроки французского языка и истории, а также была классной наставницей выпускного педагогического класса. Занятия по рисованию вели Юлия Грек и Александр Михайлович Порфиридов, пению — Иосиф Иванович Тульчиев. Наиболее опытной была М.И. Сафонова, имевшая более 15 лет педагогического стажа, но и большинство других учителей имели за плечами до 10 лет; были в то же время и совсем молодые. Л.А.Александрова в 1907 году была награждена золотой медалью «За усердие», В.П. Панфилова и А.Э.Берзина в 1915 году удостоились медали Св. Владимира III степени, такую же награду получил врач Кадетского корпуса И.И.Исполатов, оказывавший на общественных началах медицинскую помощь гимназисткам.

В гимназии Н.П.Барсуковой русский язык преподавал Иван Васильевич Малышев, выпускник Петербургского педагогического института; математику — педагог с более чем 20-летним стажем Николай Михайлович Барсуков; французский язык — Софья Клементьевна Мелье; немецкий — Анжелика Штюрмер; пение — Кинсарин Павлович Соколов; географию — Елена Александровна Дрессен.

Все личные листки и анкеты в личных делах заполнялись преподавателями техникумов в 1921, 1923 и в 1924 годах, т. е. в тот период, когда проводилась чистка педагогических кадров от «бывших» и, следовательно, выяснялось социальное происхождение, возраст, уровень образования, партийность и участие в политической жизни до и после революции, но главное — это выяснение отношения к советской власти и новой системе образования. Проанализирую данные по этим направлениям.

По социальному происхождению педагогические кадры следует разделить на «бывших» и новых. Так, к первой категории можно отнести потомственных дворян Д.М. Ляпунова, Н.А. Силина, К.Н. Качалова, С.Л. Заклинковскую. Сыновьями царских чиновников были Н.А. Эрн, Н.В. Фалютинский, А.В. Пирожков, из семей священнослужителей вышли К.А.Иеропольский, К.С. Преображенский, М.Е. Гроздов. Дети рабочих и крестьян были М.С. Силезион, И.Г. Самохвалов, Н.И. Корзов, И.Н. Лагун, А.К. Галлер, Р.Л. Лицис, З.В.Массино, дети трудовой дореволюционной интеллигенции — В.Г. Воано, С.И. Железняк, П.И. Курский, В.Я. Разлетовский. Вероятно, многие уже понимали, для чего требуются эти данные и, тем не менее, отвечали очень честно и в силу нравственных принципов, и в силу того, что понимали бесполезность скрывать социальное происхождение, так как все документы проходили через комиссию, в состав которой входил представитель ГПУ.

По возрасту также можно отметить две категории. Трудовая жизнь С.И. Железняка (1853 г. р.), А.К. Геллера (1866), Д.М.Ляпунова (1871), З.В. Массино (1871), И.В. Кучина (1874 г. р.) началась в конце XIX века, в то время как большинство заполнявших анкеты в середине 20-х годов имели возраст в пределах 35-40 лет, и их трудовая жизнь началась незадолго до революции, а педагогический стаж составлял всего несколько лет.

Уровень образования. По данным 1921 года, где в списке преподавателей значится 46 человек, 12 окончили университет: Д.М. Ляпунов и Н.А.Эрн — Московский; А.В. Пирожков, В.К. Гринкевич, Н.В. Фалютинский, В.Г. Воано — Петербургский; в Харьковском университете учился Н.И. Корзов, в Юрьевском — П.И. Курский, в Варшавском — К.А. Иеропольский; Петербургскую духовную академию закончили М.Е. Гроздов и В.Я. Разлетовский. Институты различных специализаций: сельскохозяйственный — В.М. Ганьшин, Н.А. Силин, А.В. Костюков, М.С. Силезион; историко-филологическое образование получили Н.Г. Кушков и И.Н. Лагун; лесной институт окончил И.В. Кучин, технологический — С.И. Железняк...

В анкетах отмечается неоднократное пребывание за границей, где завершалось образование (стажировка) или пополнялись знания. Например, А.К. Галлер объясняет посещение Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Египта, Греции и Турции необходимостью «пополнить свои знания как преподавателя истории и географии». Многие едут для совершенствования разговорного языка, так как все преподаватели старшего поколения владеют одним или несколькими европейскими языками, чаще всего отмечают знание английского, немецкого, французского. А «молодые» чаще пишут, что «читают и переводят со словарём».

Добротное образование, полученное в университетах и дореволюционных институтах, позволяет преподавателям активно заниматься научной работой. Так, методические пособия по математике издают А.В. Пирожков и С.И. Железняк, М.С. Силезион пишет в 1917 г. брошюру «Как люди владеют землёй в других странах», издают пособия по русскому языку и книгу для чтения по русской литературе в период немецкой оккупации В.Я. Разлетовский и Л.И. Окулич. Неоднократно участвует в Менделеевских съездах, являясь членом Русского химико-физического общества, и публикует статьи в сборниках В.Г. Воано. Список трудов ректора Вольшовского института-техникума И.В. Кучина содержит 23 наименования статей, брошюр, книг по проблемам лесоводства. А.К. Геллер создал оригинальный труд, оставшийся в рукописи, — «Словарь русских древностей до XVII века». Большинство преподавателей активно участвует в журналах, издаваемых в Пскове. Статьи В.Я. Разлетовского, К.А. Иеропольского, В.К. Гринкевича, Н.А. Эрн публиковались в журналах «Вестник псковского учительства», «Единая школа», «Новая жизнь», «Познай свой край». В газете «Псковский набат» под псевдонимом Е. Понарский и Гр. Тайных публикует статьи М.Е. Гроздов, о чём он сообщает в анкете.

Любопытен путь, который многие прошли, прежде чем стать преподавателями средних учебных заведений. Так, В.Г. Воано, химик по специальности, вначале трудился в лаборатории профессора Гировец в Лесной академии, затем работал на пороховых заводах Вятки, но по состоянию здоровья жены вынужден был перебраться в Псков, где и стал преподавателем педтехникума. Окончив Московский университет, служил прапорщиком в Таврическом полку Н.А. Эрн, затем совершенствовал знания за границей, работал в частных учебных заведениях различных городов России и только в 1918 году начал работать в Псковской учительской семинарии, затем был деканом, профессором института народного образования и с 1923 года — в педтехникуме. Богата сменой деятельности биография К.Н. Качалова, который, имея юридическое образование, идёт после революции работать в Петроградский дворец искусств, затем возглавляет музей в Порхове и только после этого становится преподавателем педтехникума и заведующим драматическим техникумом. Молодые преподаватели Р.Л. Лицис и Н.А. Силин сразу после революции прошли через службу в уездных и губернских земельных комитетах и отделах.

В отличие от вышеназванных К.А. Иеропольский, А.К. Геллер, А.В. Пирожков, Д.М. Ляпунов после окончания учебных заведений пришли работать в псковские гимназии, а затем трудились в единой трудовой школе и техникумах.

Партийность. Откровенно о своём кадетском прошлом пишет Д.М. Ляпунов. Отмечает свою партийную принадлежность к РКП(б) Р.Л. Лицис. Основная масса считает себя беспартийными. Любопытен от-

вет С.И. Железняк: «С ранних лет был социалистом, ходил в народ для агитации, был под политическим надзором, в административной ссылке в Сибири. Но в партию не записался, так как а) с некоторыми пунктами большевиков не согласен, б) в эту партию записалось много нежелательных людей». Участвовал в студенческих забастовках и Н.В. Фалютинский, в дни Февральской революции в Петрограде организовал домовые комитеты и пункты питания. Удивляет откровенный ответ М.Е. Гроздова, что он «самостоятельно изучал труды Маркса, Плеханова, Кропоткина и только сейчас приступил к изучению Ленина».

В конце анкеты все отвечали на вопрос: «Ваш взгляд на современную эпоху». Многие уходят от прямого ответа и пишут — оптимистический. С коммунистических позиций отвечает на вопрос Р.Л. Лацис: «Современная эпоха является эпохой укрепления экономической мощи СССР и эпохой ожесточённой борьбы революционного пролетариата с капиталистами». И.Г. Самохвалов отвечает, что это «эпоха величайшего строительства, ведущего к светлому будущему». Н.И. Карзов называет эту эпоху «началом мировой революции». А вот другие мнения. Так, К.С. Преображенский считает, что «необходим медленный путь к социализму через государственный капитализм». П.И. Курский откровенно пишет о том, что «произведён разрыв со старой идеологией, но пережитки рабства сильны и они составляют тормоз осуществления нашей цели». С.И. Железняк отмечает, что в «современной эпохе много хорошего и много худого (очень мало честных и идейных работников)». Он же даёт интересный ответ и на вопрос о перспективах современной школы: «Старая педагогика преклонялась перед своими ложными богами, новая бросила их и создала новых ... ложных богов. Создавать себе бога нигде не следует, а в педагогике — в особенности».

В конце личных дел имеются характеристики, которые подписаны заведующим губоно Э.М.Экштейном или заведующим губпрофобром И.А. Покровским, а характеристики преподавателей Вольшовского техникума подписывал его директор П.И. Курский. В характеристиках отмечались следующие моменты: профессиональная подготовка, деловые качества, отношение к советской власти, а затем делался вывод — оставить в должности или перевести на другое место работы. Пр процитирую несколько характеристик.

Например, З.В.Массино: «Хорошо понимает задачи новой школы и нового учителя, как завпедтехникума умело ведёт порученное ей дело. Лояльна к советской власти и РКП(б)». Подобные характеристики даны М.С. Силезиону, Н.И. Корзову, И.Г. Самохвалову, П.И. Курскому, Р.Л. Лицису.

Но есть и другие. Так, в характеристике Н.А. Эрна отмечается, что он «хороший специалист, но в духе старой школы. К новшествам в школе

относится скептически. Религиозен. Отношение к советской власти не-удовлетворительное. Желательна замена». И рекомендации — «постепенно заменить, как выявившего себя политически неблагонадёжным». Характеристика А.К.Геллера такова: «Аккуратен и пунктуален, но мелочен. Не имеет широты охвата в работе ... с детьми не справляется. Как научный работник слаб, не может понять путей новой школы». И резолюция — «перевести делопроизводителем в детскую комиссию губоно, уволить из школы». В характеристике на А.В.Пирожкова читаем: «По способностям и высокой математической образованности является одним из лучших работников техникума. Недостаток в том, что не может просто передать знания учащимся, которые на него жалуются. К делу относится добросовестно. Но не имеет инициативы. Плохой общественник». Комиссия рекомендует освободить от должности зав. учебной частью землеустроительного техникума, но оставить как преподавателя.

К концу 20-х годов педагогические кадры техникумов значительно обновились вследствие политики «вытеснения» неблагонадёжных и замены их выпускниками учебных заведений советского времени.

*Маргарита МАРКОВА,
кандидат исторических наук*

ИСТОЧНИКИ:

1. Вестник архивиста. 1999, №50 (Интернет).
2. ГАПО, фонды 1, 8, 300, Р-590.
3. ГАНИПО, фонд 9.
4. Псковский набат. 1919, 7 января.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КОЛИБЕРСКИЙ

Колиберский — один из представителей старой школы во всех смыслах этого слова: он учился в Псковской губернской гимназии, своими мудрыми традициями воспитывавшей настоящих граждан Отечества, не удовлетворённых даже теми прекрасными знаниями, которые давало это известное на северо-западе Европы учебное заведение. И потому, вновь и вновь следуя этим лучшим традициям российского образования, совершенствуя себя в самых популярных высших учебных заведениях страны и мира, выпускники гимназии часто повторяли путь своих любимых учителей...

Отличник народного образования, Заслуженный учитель школы РСФСР, персональный пенсионер республиканского значения — это только официальные педагогические «регалии» Николая Николаевича Колиберского...

Первая школа, бывшая губернская гимназия, для студентов филфака долгие годы была самой-самой, потому что в ней преподавал Н.Н. Колиберский: к примеру, учиться давать «Войну и мир» Л.Н. Толстого нас «водили» на его уроки; экскурсии по городу на английском языке просили провести Николая Николаевича...

Вениамин Александрович Каверин в наши встречи в Переделкине часто вспоминал Колиберского, высоко оценивая его человеческие и профессиональные качества, считал его своим другом. Однажды В.А. Каверин подарил мне журнал «Народное образование» со своей статьёй («Учитель словесности») о Николае Николаевиче и его фотографией, которую я здесь и помещаю. Не признаю сухих биографических строк, поэтому — как продолжение книги «В начале жизни школу помню я...» (Лев Зильбер, Вениамин Каверин, Август Летавет, Николай Нейгауз, Юрий Тынянов — о времени и о себе. М., 2003) — публикую **ВОСПОМИНАНИЯ Н.Н.КОЛИБЕРСКОГО**, написанные им в 1978-1979 годах и предоставленные мне музеем школы №1 специально для этого выпуска.

Тамара ВЕРЕСОВА

КАК Я УЧИЛСЯ

Я окончил Псковскую губернскую мужскую гимназию. Одновременно со мной учились Л.М. Поземский, организатор псковского комсомола, чьё имя носит сейчас 1-я школа, и Г.В. Гей, делегат VI съезда Партии, первый секретарь Губкома партии. На 3 класса ниже меня учились Юрий Тынянов и Лев Зильбер, будущие знаменитости.

Гимназия — единственное заведение, дававшее льготы по её окончании: в любой университет принимали без экзамена; при поступлении на гражданскую службу следовал сразу третий чин. В 1907 году, когда я поступал, со всей губернии съехалось около 500 человек, принять нужно было 90 (три первых класса). После очень серьёзного экзамена и было принято 90 — все уже окончили начальную школу или получили домашнюю подготовку. Продолжительность обучения в гимназии — 8 лет, плюс 3 года начального образования: получалась школа-одиннадцатилетка.

Занятия начинались в 9 часов утра и, с часовым перерывом на обед, заканчивались в 3 часа дня. Никаких кружков, ни дополнительных занятий, ни вечеров не разрешалось — после 3-х часов двери гимназии закрывались. Ходить по городу разрешалось только до 7 часов вечера, летом — до 9 часов. Ученики в обязательном порядке должны были носить форму (светлая шинель с белыми пуговицами, синие петлицы, фуражка с белым кантом) и иметь при себе школьный билет; за появление на улице во внеурочное время — запись в кондуит и снижение оценки за поведение.

Образование с резко выраженным гуманитарным уклоном: Закон Божий, литература, история, география, психология, логика, законоведение, математика, физика, космография, природоведение — только в 1-х классах, химия — только одну четверть; языки: русский, немецкий, французский, латинский, церковно-славянский, факультативно — греческий и стенография (оба эти предмета я изучал); в обязательном порядке — гимнастика, военное дело, по воскресеньям — танцы.

Все преподаватели гимназии имели университетское образование, за исключением надзирателей, которые должны были следить за поведением учащихся во время перемен (гимназисты, взявшись под руки, гуляли по рекреации; во время урока должны были проходить мимо дверей — они были стеклянными). Кроме того, в обязанности надзирателей входило посещение учеников на квартирах: проверять, не читают ли они запрещённых книг.

Мы учились в самые жестокие годы реакции — после 1905 года, и всё-таки наших преподавателей нельзя было упрекнуть как черносотенцев, а такие передовые учителя, как А.Я. Купалов, В.И. Попов, А.Н. Остолопов и многие другие пользовались большим уважением родителей и любовью

учеников. В первые годы моего пребывания в гимназии директором был чех Михаил Михайлович Янко.

В то время среди молодёжи пользовались большим спросом книжонки о сыщиках: Нат Пинкертон, Шерлок Холмс /не смешивать с Конан Дойлем/, Ник Картер, русский Путилин, мисс Эдит, серия книг «Пещера Лейнтвейса», лорд Листер /великосветский вор/ — подобной литературой был наводнён книжный рынок; стоил каждый выпуск 5 копеек, по прочтении его можно было продать за 3 копейки на Магистратском рынке, который располагался на месте, где сейчас пединститут.

Я тоже не избегал общего психоза. Приносить с собой в гимназию и вообще читать эту литературу /её называли «сногшибательной»/ запрещалось. В третьем классе, перед вторым уроком /географии/, я взял на перемену учебник Янгина, вложив в него какого-то Пинкертона, и, маскируясь учебником, так увлёкся, что столкнулся со стариком Янко. Я успел, однако, перевернуть страницу. Михаил Михайлович погладил меня по стриженной голове и сказал, что очень хорошо, выучив дома урок географии, ещё раз повторить материал на перемене. Пожалуй, я тогда впервые испытал, что значит незаслуженная похвала, бросился вслед за удалявшимся по коридору директором и, чуть не плача, сказал: «Михаил Михайлович, я не географию учил, а Пинкертона читал», — и показал ему книжку. До конца жизни я буду помнить его слова: «А вот теперь ты вдвойне молодец! Иди, мой мальчик, не читай этих книг: они опустошают человеческую душу». Он снова погладил меня по голове и отпустил.

Такой директор был, конечно, негоден, его скоро сняли под благовидным предлогом /пенсия/. Новый директор был карьерист, но карьерист умный, знающий, его статьи печатались в энциклопедии. Он понимал, что какую-то отдушину дать молодёжи нужно, и нам разрешили утренники по воскресеньям: например, мы отмечали 100-летие со дня рождения Н.В.Гоголя — в 1909 году, 100-летие Отечественной войны 1812 года — в 1912 году...

В каждом классе была икона. Перед первым уроком дежурный читал молитву, посещать свою домовую церковь было обязательно /в субботу вечером ко всенощной, а в воскресенье утром — к обедне/. После церковной службы, в воскресенье, расходились по домам, за исключением тех, кто был записан в кондуит за неделю, — они собирались в вестибюле, и сторож разводил каждого в отдельный класс на 2 часа, запирали на ключ, отбирались книги и письменные принадлежности...

Итак, желали поступить в гимназию 500 человек, принято 90, окончили гимназию 26 человек. Так мало было доступно образование. Причины: 1/ очень трудно было учиться (на подготовку к урокам у среднего ученика выходило не меньше 5 часов, а в старших классах около 7 ежедневно, требовались восьмилетние непрерывные усилия — это не каждому было

Николай Николаевич Колиберский

по силам); 2/ были случаи увольнения за невзнос платы за обучение (60 рублей в год — стоимость 5 крестьянских коров); три человека из нашего класса были освобождены от платы; 3/ увольнение по политическим мотивам: среди гимназистов издавался нелегальный рукописный журнал «Узник», существовало несколько групп по изучению «Капитала» Маркса (конечно, нелегально), налажена связь с высланными в Псков под надзор полиции, жандармское отделение и губернатор были обеспокоены «состоянием умов» в гимназии — очевидно, были шпионы.

Наш выпуск совпал с Первой мировой войной, и всех призвали на военную службу, в том числе и тех, кому удалось поступить в университет, как, например, мне.

НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПУТИ

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции я демобилизовался из старой армии, где был пулемётчиком, и стал готовить себя к будущей педагогической деятельности. Эта склонность к данной профессии появилась ещё в годы обучения в гимназии, чему не в малой степени способствовали обаятельные личности некоторых моих учителей: Анатолия Юлиановича Купалова, Владимира Ивановича Попова и директора Михаила Михайловича Янко.

Всегдашняя корректность, выдержка, справедливость, глубокое знание предмета, какая-то одухотворённость были характерны для Анатолия Юлиановича и Владимира Ивановича. Импонировал и их внешний облик: всегда чистый воротничок, очень тщательно разглаженный сюртук, вычищенные ботинки.

Михаил Михайлович Янко, наш директор, был необыкновенной доброты человек, талантливый воспитатель-педагог.

Гимназия дала мне много фактических знаний в области литературы, истории, географии, логики, психологии; изучение языков обогатило зна-

нием многих коренных слов, потому я почти не прибегал к словарю иностранных слов, быстро расшифровывал терминологию /в том числе и общественно-политическую/. Гимназия приучала работать.

Но всего этого для педагогической деятельности было недостаточно, и я стал читать педагогическую литературу /статьи Добролюбова, сочинения Л.Н.Толстого, Демкова.../. Меня особенно поразило одно высказывание Льва Николаевича о том, что учителю, который не уважает и не любит учеников, не место в школе. Увлечение к личности ученика сопутствовало мне на всём протяжении моей более чем полувековой педагогической деятельности. Кроме того, по договорённости я систематически посещал уроки двух наиболее опытных учителей Пскова: Стеховского и Лубарева.

Начинался 1918 год. В самом начале года, примерно в январе, я подал заявление в Псковский уездно-городской отдел народного образования. Он помещался на Гоголевской, почти на углу Сергиевской /теперь Октябрьский проспект/ и Гоголевской, в доме Уездной земской управы. Заведовал отделом народного образования товарищ Григорьев, вскоре погибший на фронте гражданской войны.

Получил назначение в Тениковскую начальную школу Докатовской волости Псковского уезда, километров около 50 от Пскова. Пошёл на базар искать попутную подводку, но безуспешно. Никаких других видов транспорта не существовало, железной дорогой можно было доехать до станции Карамышево, но и оттуда около 30 километров, да и поезда ходили нерегулярно. Оставалось шагать 50 километров — другого выхода не было. В военной шинели, в ботинках с обмотками, за плечами «шелгунок» со сменой белья, с пайкой /200 граммов/ хлеба, я пошёл, подгоняемый январским морозом. Рассказали мне, что идти надо через Черёху, потом деревня Барбаши, деревня Рябово, в стороне окажется Быстрцово, потом Оклюдицы, а там — «рукой подать». Такой дорогой я и пошёл, по пути зашёл обогреться и съел пайку хлеба.

Когда прибыл на место, уже смеркалось; у встречной крестьянки спросил, где в деревне советская власть. Она указала на покосившуюся избу, там сидели и дымили самосадом четыре пожилых крестьянина в залатанных полушубках и в треухах с опущенными «ушами». По всем правилам воинского устава я представился, чем они были и смущены, и польщены. Долго обсуждали вопрос, куда поместить учителя на «фатеру». Наконец, выбор остановился на Климе, и один из крестьян повёл меня к нему. У Клима семья была из 6 человек: сам старик, ещё крепкий и бодрый, его жена Василиса, женщина рыхлая (её почему-то все называли Васютуткой); три сына: Егорка /самый младший, парень лет 20/, Ваня, средний, и Яша, женатый, который в помощь старику ведал всем хозяйством, а его жена помогала старухе «обряжаться» /ходить за скотиной и выполнять другие работы/. Все помещались в одной избе, четверть которой занимала

русская печь. Я оказался седьмым. Старик Клим очень доброжелательно меня приветствовал ещё по-старому: «Здравствуйте, господин учитель». Семья села ужинать. У меня ничего не было. Старик и, «в особенности», Васютутка ласково пригласили меня к столу. Старуха «запекала» в печке овсяные блины и швыряла их на стол, на котором стояла чашка с творогом, разведённым молоком; блины свёртывали в трубочку и макали в творог. Затем хозяйка сказала самому младшему сыну: «Егорушка, слазь в «истёпку» /подвал/, принеси кочан кислой капусты». Когда кочан появился на столе, его «повольжили», т.е. полили льняным маслом /сами приготавливали из распаренного льняного семени, в чём я потом принимал самое активное участие, работая у самодельного аппарата/. Клим разрезал хлеб домашнего печенья: он приставлял большой каравай к груди и отрезал «ускרון», т.е. куски, которые раздавал всем. Ужин окончен, и семья очень рано улеглась спать. К широкой лавке придвинули скамейку, набили матрац соломой и положили меня в углу под образами.

Долго я не мог заснуть — думал о предстоящей работе; о том, как жить: мне полагалось 8 фунтов овса в месяц, за которыми нужно было ходить в волость, и сколько-то деньгами, но они были совершенно обесценены.

Была ещё глухая январская ночь, когда я проснулся от холода, — думал, что упала шинель, которой покрывался, но дело было в другом. Молодая хозяйка, жена старшего сына, Донька, как её в семье называли, «обряжалась», т.е. поила скотину из лохани, стоявшей у дверей избы /семья имела корову, лошадь, несколько овец/. Над лоханью висел глиняный кувшин с двумя отверстиями сверху, привязанный к потолку верёвками, или, как тогда говорили, урыльник /висел «у рыла», т.е. лица/; пользуясь им, умывались. Дверь оставалась открытой, и белый морозный пар стлался по полу избы. Я посмотрел на часы со светящимся циферблатом /остаток военного времени/ — было начало шестого часа утра. Вскоре начала просыпаться и вся семья. Встал старый Клим, приладил «светец» /металлический стержень с зажимом, на котором укреплялась лучина/, высек огня — спичек не было, как и керосина, — зажгёт лучину, под которой было поставлено ведро с водой. Младший сын Егорушка принёс две охапки хворосту /край был безлесый/. Васютутка стала хозяйничать у печки, «запекать» те же овсяные блины, все уселись за стол, был приглашён и я.

Когда заметно посветлело, я пошёл в школу, познакомился с учительницей, которая жила при школе. Деревня была большая, около ста дворов, почти 500 «жихарей» /жителей/. Вскоре стали собираться дети, в большинстве в лаптях и онучах, некоторые в залатанных валенках, с сумками из домотканой холстины; у многих отцы, братья были на фронтах. Хотелось быть особенно чутким к таким детям. Все три класса школы помещались в одной комнате, учительница вела 2 класса — 2-й и 3-й, я —

1-й класс. Составлялись планы занятий по русскому языку и арифметике /я советовался с учительницей/, вёл журнал знаний и занятий. Дети пользовались грифелем и аспидной доской, стирали написанное смоченными в воде тряпками; приходилось пользоваться и обратной стороной обоев, так как бумаги не было. Вскоре мы с учительницей принялись очищать шкаф с книгами для чтения, очищать от часословов, евангелий и явно монархической литературы. Прислали книги для чтения в издательстве «Донская речь» /всё-таки более прогрессивное издательство/. В школе был керосин, но я избегал заниматься по вечерам в школе: деревенские кумушки могут ославить учительницу, ещё довольно молодую женщину. Готовиться к урокам приходилось в избе у Клим, при свечке; нередко в зимние вечера здесь устраивались «супрядки», когда женщины приходили со своими прялками и с куделью. Вообще сюда часто приходили и мужчины: войдёт кто-нибудь, стряхнёт снег с обуви веником, хозяин скажет: «Проходи, садись», — начнётся разговор о войне, о деревенских новостях — разговор, часто прерываемый долгими паузами. Ведь не было в то время радио, не работали избы-читальни, люди никогда не видели кино, газеты приходили от случая к случаю. До сих пор не знаю, по чьей инициативе был созван деревенский сход. Вопрос стоял один: как кормить учителя. Некоторые предлагали, чтобы учитель кормился по очереди каждым двором, что при наличии 100 дворов было бы необременительно /один раз в 3 месяца/. Мне неудобно было быть на сходе, но я знаю, что Клим, мой хозяин, сказал: «Не гоже учителю, как пастуху, кормиться по домам. Пусть кормится у меня — не обеднею. А если какая хозяйка принесёт кувшин молока, то учитель и знать не будет». Так я остался у этого малограмотного крестьянина, а он мне сказал: «За твоим овсом я съезжу в волость».

Большая дружба у меня была с этой семьёй, хорошо я жил и с другим деревенским людом — по природе я был прост в обращении с людьми, не кичился своим образованием, с подлинным уважением я пожимал руку трудовому человеку; чем мог, помогал: писал письма на фронт, читал, старался объяснить происходящие события, хотя и сам, конечно, не во всём разбирался. Иногда ездил в «губернию» похлопотать о ком-нибудь, так как власти на местах не всегда правильно применяли принципы нового законодательства, часто по отсутствию опыта.

Так началась моя педагогическая деятельность. В январе 1920 года я уже служил в Красной Армии, занимая командные должности и состоял в кадрах Частей особого назначения /ЧОН/; последняя моя должность — штатный преподаватель 74-х пехотных командных курсов. Так как желание продолжать педагогическую деятельность меня никогда не оставляло, то с этой должности я и демобилизовался, потом в течение 5 лет отбывая месячные военные сборы. За это время удалось получить высшее образование, так что с 1923 года моя педагогическая работа возобновилась...

ПАВЕЛ СЕМЁНОВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

«Странная зима установилась в конце 1960 года. Снег изредка выпадал, но сразу же таял. К февралю исчезли последние невзрачные сугробины, — вспоминал спустя десятилетия после описываемых событий «старый пскович» Н.Иванов. — В один из таких промозглых дней по городу распространилось известие о кончине известного учителя истории Павла Семёновича Вознесенского. Ему к тому времени перевалило за семьдесят, он усох телом, потемнел лицом. По малолюдной улице, где жил, передвигался как-то неуверенно, словно стесняясь своего пенсионного положения. Давно уже ушли в мир иной младшие современники разночинной интеллигенции последней четверти XIX столетия. Эти люди, а именно к их числу относился Павел Семёнович, умели поставить себя так, что только невежда мог рассказать в их присутствии скабрёзный анекдот или выругаться...».

За плечами Павла Семёновича Вознесенского было не одно десятилетие педагогического стажа, долгие годы работы в различных общеобразовательных и специальных учебных заведениях.

Родился он в 1884 году в селе Нижнеозеро Онежского уезда Архангельской губернии в семье сельского священника. Отец в 1910 году скончался, а Павел тогда же окончил с дипломом I степени историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета и в течение четырёх лет преподавал историю, русский язык и литературу в коммерческом училище города Ковно. С началом Первой мировой войны и объявлением местности на военном положении он в числе сотен других представителей гражданского населения вынужден был покинуть город и переехал в Псков, где с 29 сентября 1914 года был принят на вакантное место преподавателя истории губернской мужской гимназии. Одновременно он работал по найму и в частной женской гимназии М.И.Агаповой. В этих учебных заведениях Павел Семёнович трудился всё военное время. После революции и освобождения Пскова от девятимесячной германской оккупации в губернии приступили к реализации

«Положения о единой трудовой школе», изменившего структуру школьного образования и порядок приёма на работу педагогического персонала: в печати помещались объявления о вакансиях в учебных заведениях, и желающие занять их должны были подавать соответствующие заявления. Так, в начале января 1919 года в кандидатском списке желающих «занять учительские должности» в бывшей губернской мужской гимназии появилась и фамилия Вознесенского. Вслед за этим она оказалась в таком же списке и бывшей гимназии Агаповой, но Павел Семёнович с февраля 1919 года работал лишь в бывшей мужской гимназии, ставшей теперь школой II ступени.

Недолго — в перерыве между германской оккупацией и захватом Пскова белогвардейскими войсками — отдел народного образования под редакцией его заведующего О.Г.Сарика выпускал в свет журнал «Единая школа». Редакция его в условиях начавшейся перестройки школы ставила задачу способствовать созданию «совершенно новой школы, отвечающей потребностям нового социалистического государства, теоретически разработать основные положения школьного строительства и указать на конкретные, реальные формы, в которые должны отливаться эти теоретические идеалы». Всего вышло в свет пять номеров журнала, среди авторов и создателей его были многие известные деятели просвещения Пскова — Д.И. Воскресенский, К.А. Иеропольский, И.В. Малышев, П.В. Нестеров, Н.Ф. Окулич-Казарин, В.Я.Разлетовский, Н.Ф. Роот, Н.А. Эрн, не остался в стороне от этого важного дела и П.С. Вознесенский. В первом же номере журнала (15 января 1919 г.) была опубликована его статья «К вопросу о применении трудового начала при преподавании истории». Павел Семёнович ратовал за изготовление силами учащихся простейших наглядных пособий по истории (рисунков, макетов), собирание коллекций монет и журналов; высказывал мечту, чтобы «при каждой школе был исторический музей и при нём кабинет», которые можно было создать «трудами и подношениями учащихся, их родными», а в кабинете сосредоточить все наглядные пособия, альбомы, книги, «необходимые для рефератов и докладов».

С начала 1919 года в среде педагогической общественности Пскова всерьёз обсуждался вопрос о возможности создания в Пскове университета, хотя эта идея и не встречала единодушной поддержки. Однако подготовительная работа шла, и в апреле 1919 года проект получил одобрение Наркомпроса, но вопрос об университете снял с повестки дня захват Пскова белогвардейцами, прекративший и выпуск журнала «Единая школа». После освобождения города идея университета в определённой степени была реализована открытием трёх институтов, в том числе Института народного образования (ИНО). Занятия в нём начались в октябре 1919 года, среди преподавателей был и П.С.Вознесенский, читав

ший курсы истории культуры и методики обществоведения, а также исполнявший обязанности секретаря Президиума института и декана словесно-исторического факультета.

Преподаватели ИНО, помимо непосредственно педагогической деятельности в институте, вели занятия в школах города, других учебных заведениях, выступали с лекциями перед населением. П.С. Вознесенский, например, продолжал работать в 1-й школе II ступени, где в начале 1920 года учебная нагрузка его была очень большой — 36 часов в неделю; он же являлся членом Президиума школы, а вдобавок вёл уроки и в опытной школе. В 1920 году «Псковский набат» регулярно печатал объявления о предстоящих публичных лекциях П.С. Вознесенского, которые он читал в разных аудиториях, но чаще всего в рабочем клубе (Дворец Труда, бывший дом губернатора). Темы его выступлений были различными: «Империализм в начале XX века», «Либерализм в России начала XX века», «Крестьяне и рабочие во время Великой Французской революции», «Демократические идеи 30-40-х годов XIX в.», «Возникновение социализма и первое коммунистическое движение»... С образованием в 1922 году Псковского общества краеведения, решающая роль в создании которого принадлежала преподавателям ИНО, и развёртыванием его деятельности П.С. Вознесенский стал активным членом педагогической секции общества. Привлекало его в числе других работников образования к своим мероприятиям (например, к проведению переписей) и губернское статистическое бюро.

Но история Института народного образования оказалась короткой: в 1923 году он сделал первый и единственный выпуск и в том же году был преобразован в педагогический техникум. Часть преподавателей уехала в Ленинград, другие перешли в учебные заведения и школы Пскова. П.С. Вознесенского губоно назначил заведующим 1-й школой II ступени, поэтому ему не пришлось коренным образом менять места работы.

Эта школа в начале 1920-х годов была наиболее крупной в городе: в 1925 году, например, здесь работали 17 учителей и обучались 725 учеников, и имевшиеся учебные помещения вмещали их с большим трудом, что неоднократно отмечал заведующий в своих отчётах. Кроме повседневного руководства педагогическим коллективом и жизнью школы, П.С. Вознесенский активно участвовал в проводимых преобразовани-

ях системы образования: выступал перед учителями города с обоснованием разрабатываемых Государственным учёным советом (ГУСом) учебных программ, заботился об их практическом внедрении. Так, ещё в бытность работы в ИНО он в 1922 году на собрании учителей Пскова ознакомил их с новыми программами по истории, а с 1 по 8 сентября 1924 года состоялась конференция школьных работников города. Устраивалась она, главным образом, для учителей школ I ступени, но в работе её приняли участие и работники школ II ступени, преподаватели педагогического техникума, воспитатели детских домов. Всего на конференции прозвучало 16 докладов, по каждому из которых после обсуждения принималась резолюция. По докладу П.С. Вознесенского «Марксистское обоснование программ ГУСа» она была следующей: «Выражая радостную готовность отдать все свои силы для проведения в жизнь новых программ, псковское учительство надеется, что Народный Комиссариат просвещения, научно-методическая секция ГУСа, равно как и местное губоно и научно-методическое бюро, придут на помощь учителю в этой сложной и трудной работе путём снабжения школ и преподавателей учебной и методической литературой, созданием передвижных учительских библиотечек и постоянным методическим руководством, соответственно обещанию ГУСа». Сообщение о конференции и принятые резолюции были опубликованы в первом же номере «Листка просвещенца», который с ноября 1924 года начал издавать Псковский губоно, а во втором номере были напечатаны тезисы доклада П.С. Вознесенского.

«Школьные программы, — подчёркивал он в духе ведущихся в 20-е годы методологических поисков, — должны удовлетворять следующим требованиям:

- 1) соответствовать целям и задачам школы;
- 2) иметь соответствующее философское обоснование;

3) соответствовать интересам и силам детей... Новые школьные программы и вся педагогика должны быть построены на основных принципах марксистской философии. Марксизм — это диалектический материализм, рассматривающий все явления действительности в их взаимной причинной связи, а не оторванными друг от друга, не статически, а динамически. Поэтому необходимым условием программ ГУСа является комплексность, объединение всех школьных дисциплин вокруг общих, центральных тем, представляющих ценный, жизненный и вполне своевременный материал...».

8 ноября 1924 года на общем собрании членов профсоюза работников просвещения (Рабпрос) П.С. Вознесенский выступил с новым докладом — «Учитель, школа и производство», а 5 января 1925 года на заседании местного комитета профсоюза — «О роли и задачах Всесоюзного съезда учителей».

П.С. Вознесенский – в центре 3 ряда

В 20-х годах органы народного образования не только регулярно проводили комплексные проверки деятельности учебных заведений и школ, но и постоянную аттестацию всех работников просвещения и прежде всего руководящего состава. Не было исключением и заведующий школой П.С.Вознесенский. «Работоспособность и отношение к делу вполне удовлетворительные, — отмечалось, например, в одной из первых его характеристик от 12 февраля 1924 года. — Все начинания Советской власти и партии в жизнь проводит». «Человек скромный, боязливый и честный, — писалось в новой аттестации, составленной через несколько месяцев после предыдущей. — Честно служит трудовой школе как преподаватель, усваивающий все новые приёмы, но как администратор никуда не годится, допуская в своей школе слишком много воли заведомым контрреволюционерам...». П.С.Вознесенский, как и многие другие заведующие школами, вышедшие из среды дореволюционной педагогической интеллигенции, оставался беспартийным, что лишним раз давало повод упрекнуть его в лояльности к тем, кто считался «неблагонадёжным». В марте 1925 года была сформирована даже специальная комиссия «по рассмотрению ответственных беспартийных работников», вынесшая в отношении П.С.Вознесенского всё же «оправдательное» заключение: «Оставить на занимаемой должности, как правильно используемого». Но в октябре того же года фракция РКП(б) губернского отдела Союза

работников просвещения, обсуждавшая вопрос о работе 1-й школы, усмотрела в деятельности П.С. Вознесенского «непорядки» личного характера, проявления «семейственности». Председатель профсоюза Рабпроса Шитов проинформировал, что «вследствие нахождения в школе № 1 II ступени родственников заведующего школой Вознесенского (жена и сестра жены) там создались не вполне нормальные отношения между педагогическим персоналом, имеются две группировки», на что последовало решение: «Признать необходимым снять с работы жену заведующего школой Вознесенскую и заменить её другим работником — безработным членом союза, делопроизводителем школы Червинскую (сестра жены заведующего школой) перевести в другую школу». Попытка жены П.С. Вознесенского добиться «восстановления ей полного количества часов по школе», т.е. остаться в качестве учителя, не увенчалась успехом. «Подтвердить прежнее постановление о Вознесенской» — решила партийная фракция Рабпроса. Самому же Павлу Семёновичу тоже оставалось работать в этой школе недолго: с 1 сентября 1926 года он был переведён в педагогический техникум, где преподавал более десяти лет несколько предметов: педагогику, методику обществоведения, историю и географию. Из всех предметов руководство партийных органов и системы образования особое значение придавало обществоведению. В сентябре 1926 года Главпрофобр разослал на места новые программы по этой дисциплине для техникумов. В Псковском педтехникуме курс исторического материализма был введён на последнем, четвёртом, году обучения, но политпросветотдел губоно своим решением отвёл гораздо больше часов на обществоведение на всех курсах и отделениях, и вели их, как правило, наиболее опытные и квалифицированные преподаватели. К ним относился и П.С. Вознесенский. Когда в 1932 году в Пскове открылся педагогический институт, испытывавший на первых порах острую нехватку преподавателей по ряду дисциплин, то руководству вуза приходилось привлекать совместителей. Так, в течение двух лет (сентябрь 1933 — июнь 1935 гг.) историю на вечернем отделении преподавал и П.С. Вознесенский.

А в сентябре 1937 года последовал новый поворот судьбы: Павел Семёнович был переведён преподавателем в железнодорожную школу № 16, где работал вплоть до начала Великой Отечественной войны. Так случилось, что бывшие ученики именно этой школы оставили больше всего свидетельств о своём учителе.

«В шестом классе к нам пришёл Павел Семёнович Вознесенский, историк, — вспоминала, например, Т.Е. Ярмончик, будущая учительница. — Я не знала более прекрасного, человеческого, интеллигентного учителя! Это был, пожалуй, единственный преподаватель, на уроках

которого мы были, что называется, тише воды, ниже травы. Мы его обожали и, разумеется, не смели и в мыслях выдюриваться на его уроках... У него были чёрные, пронзительные глаза, и когда он, укоризненно улыбаясь, смотрел на ученика, не знающего задания, тот был готов провалиться сквозь пол, и поэтому было правилом признаваться перед уроком о неготовности. В седьмом классе был такой предмет — конституция. Сталинская. Перед экзаменами я стала зубрить. Брат иногда проверял меня, объяснял, чего не понимала. На экзамен пришла совершенно спокойной. Билет попался лёгкий, последний вопрос в нём был «Освобождение Западных Украины и Белоруссии Красной Армией в 1939 году». Я всё оттараторила и только вместо «Красная Армия освободила» произнесла «оккупировала»... Но... шёл 1940 год... Конечно, Павел Семёнович деликатно поправил меня, как он это обычно делал, но... Но это был экзамен за седьмой класс и рядом находился ассистент... Милый Павел Семёнович, как я его понимаю теперь! Ведь в душе он, конечно, был согласен с моей оговоркой. Меж тем, ассистент спросила меня: «Кто вам сказал это?». К моему стыду, по величайшей глупости моей я вдруг брякнула: «Брат» (хотя это была неправда). Они переглянулись... Короче говоря, конституцию я сдавала осенью. По своей наивности я тогда не понимала, какой смертельной опасности я подвергала своего любимого младшего брата, занимавшего в тот период довольно ответственную должность на ж/д узле!.. Ассистент, видимо, оказался порядочным человеком...».

«Отчётливо вспоминаю его первые уроки в нашем 6 «а», — свидетельствовал уже упоминавшийся «старый пскович» Н.Иванов. — Серебристые нити паутины в прозрачном воздухе. Гудки маневровых паровозов за окном. Наше внимание приковано к только что вошедшему в класс учителю. Янтарными, глубоко упрятанными под надбровными дугами глазами человек в чёрной вельветовой толстовке рассматривает нас, а мы его. Флегматичный Серёга Иванов старается угадать, часто ли будет учитель поднимать его с места и задавать каверзные вопросы. Генку Галактионова волнует другое: имеет ли Павел Семёнович привычку вызывать в школу родителей проштрафившихся учеников. В том, что он обязательно и неоднократно проштрафится, сомнений у него лично не возникало.

Тогдашние «физики» опасались, что необходимость заучивать историческую хронологию отнимет у них упоительные часы, уходившие на бесконечную возню с детекторным радиоприёмником. «Лирики», составлявшие абсолютное меньшинство, также не любили зубрить знаменательные даты, смотрели на историю, как на собрание забавных происшествий, коими иногда не вредно обогатить свою память. Девчонки же прежде всего отметили, что Павел Семёнович хорошо

воспитан, безупречно вежлив, никому не говорит «ты», у него симпатичные черты лица, высокий лоб и глубокая ямка на подбородке.

К истории, как и к любому другому объекту изучения, можно чувствовать или не чувствовать влечения. Вознесенский умел заинтересовать своей наукой учеников самых различных наклонностей. И если кто-то хватал «двойку», то только случайно.

Когда раздавался звонок, Павел Семёнович редко получал возможность отдохнуть в учительской, пообщаться с коллегами. Его окружали плотным кольцом, забрасывали вопросами. Преподавал он и географию, но заметно суше, скучнее. Такого жадного насыщения знаниями, как на уроках истории, здесь не происходило.

Описываемые мною события относятся к середине тридцатых годов. А тогда у нас, кроме рассчитанной на взрослую аудиторию толстенной книги М.Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» и дореволюционных учебников, а следовательно, по большевистскому понятию, обязательно идейно порочных, иных и не существовало. Поэтому мы познавали прошлое со слов Павла Семёновича. Ставка была на думающего, а не на зубрящего ученика. Вот уж воистину: ничто не ново под Луной. Ведь сейчас этот приём считается чуть ли не повторением.

Когда началась гражданская война в Испании, Вознесенский выкраивал время для того, чтобы знакомить нас с оперативными сводками с театра боевых действий. А чуть позже требовал, чтобы сами ученики на основе публикуемых фактов комментировали происходящее в далёкой стране, развивая тем самым наши способности к анализу и обобщению.

Преподавателей, особенно квалифицированных, катастрофически не хватало. Павлу Семёновичу приходилось вести уроки во многих школах города, в учительском институте, на курсах партийных и советских работников. Время на подготовку к занятиям он выкраивал за счёт выходного дня и ночного бдения. Имелись у него и замыслы научно-исследовательского характера. Для их осуществления требовались многие часы вдумчивой работы над первоисточниками. Но о такой роскоши даже мечтать не приходилось. И всё же успел Павел Семёнович написать и опубликовать — правда, не в научной, а в местной печати — оригинальный свой труд о Псковской Судной грамоте...».

Эта самая статья посвящена не столько Судной грамоте, как важнейшему юридическому документу и важнейшему источнику по истории средневековой Псковской земли, сколько её статьям, касавшимся положения крестьянства. Опубликованная в газете «Псковский колхозник», она заняла целый «подвал» и была насыщена конкретными примерами, касавшимися отношений псковских крестьян с землевла-

дельцами, земельной аренды, порядка перехода крестьян от одного владельца к другому, крестьянских побегов и многому другому.

В годы Великой Отечественной войны П.С.Вознесенский, находясь в эвакуации, работал в Уломской средней школе Вологодской области, но и там волей судьбы у него случались весьма неожиданные встречи, напоминавшие о Пскове. Вот, например, как описывалась одна из них в появившейся в конце войны первой статье об учителе:

«Лейтенант торопливо шёл по улице села Коротово. Навстречу ему катился людской поток. Офицер, погружённый в думы, не обращал внимания на окружающих. Внезапно взгляд его остановился на медленно шагавшем мужчине лет 60, одетом в чёрное драповое пальто. Из-под густых нависших бровей на офицера глядели вдумчивые чёрные глаза. Эти глаза и колючие смолистые усы показались лейтенанту знакомыми. Он остановился, потёр ладонью лоб, вспоминая что-то, и вдруг окликнул человека в пальто:

— Павел Семёнович!

Мужчина вопросительно посмотрел на офицера.

— Сколько лет, сколько зим! Не узнаете? — воскликнул лейтенант.
— Да я у Вас в 1927 году учился в псковской школе!

Павел Семёнович улыбнулся и протянул руку.

— Да, да, вспоминаю. Вы, помнится, ещё по истории хорошо шли, а с русским языком, кажется, не в ладах были.

...Эта встреча вспомнилась Павлу Семёновичу, когда он в своей квартире при школе № 9 сидел, склонившись над ученическими тетрадями. Тихо шелестели странички... Откинувшись на спинку стула, Павел Семёнович задумался...

...Вот и этот лейтенант, что встретился в Вологодской области, — уже сформировавшийся мужчина, воин. А где они, остальные сотни здоровых юношей и девушек, обученных им? Где эти тридцать четыре выпуска? Кем стали? Как работают?..».

Эти строки писались вскоре после того, как П.С.Вознесенский вернулся из эвакуации в Псков. «Как мы ждали этого дня три долгих года эвакуации в Вологодской области! — вспоминала спустя много лет дочь Павла Семёновича Ольга. — И вот мы дома! Но перед нами предстала грустная картина. Вместо вокзала стояла пустая каменная коробка, площадь перед вокзалом заросла высокой травой, везде стояли таблички «Мины». На центральных улицах — Октябрьской и Советской — не было ни одного целого дома. Весь город просматривался насквозь. Мы спешили к своему дому на Запсковье, где прожили 15 лет, где прошли моё детство и юность. Но, увы, Школьной улицы больше не было: все деревянные дома сожжены, а от нашего дома осталось только каменное крыльцо. Низко поклонились мы пепелищу и пошли к месту 9-й школы.

Когда я пишу «мы», то это значит целая педагогическая семья Вознесенских, у которых учился почти весь Псков. Родители мои работали с 1914 года в гимназии, а затем в средних школах. Я вела уроки физики с 1937 года, с основания семилетней школы № 9.

И вот с августа девятая школа начала готовиться к первому послевоенному учебному году. Директором стал мой отец — Павел Семёнович. Небольшим коллективом учеников и учителей здание привели в порядок. Побелили стены, потолок, окна сверху забили картоном и металлическими листами, а внизу вставили найденные кусочки стекла. По городу собирали столы и парты. Но многие ученики на первых уроках стояли у стен, подоконников, писали на газетах.

Дети хотели учиться, несмотря на голод и холод. Собирались в школу из всех концов города. Занимались в три смены. Вечером на учительском столе горела керосиновая лампа. Чтобы протопить печи, согреться, бродили по городу в поисках дров. И всё же дети учились хорошо, соскучились по школе, общению, у каждого была цель — окончить школу, поступить в институт, получить специальность, работать. Ученики и учителя, несмотря на различия в возрасте, были очень дружны, делились скудными завтраками и обедами, вместе ходили на очистку города.

Я с четырёхлетней дочерью и родителями жила в школе в очень трудных условиях. Спала на кровати, сделанной из двери и поставленной на четыре чурбана, матрац был набит сухой травой. Дочь была вынуждена оставлять на целый день одну...».

Так начиналась послевоенная педагогическая деятельность П.С. Вознесенского в средней школе № 9 — первой восстановленной школе Пскова. К тому времени он был уже (в 1944 г.) награждён орденом Трудового Красного Знамени, в ноябре того же года стал кандидатом в члены ВКП(б), а в 1945 году был отмечен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Наладив в тяжелейших условиях учебный процесс и создав для него самые элементарные и первоочередные условия, Павел Семёнович после года работы директором стал в августе 45-го преподавателем 6-месячных областных партийных курсов. Ещё через год курсы были преобразованы в годичную партийную школу, и П.С. Вознесенский стал здесь штатным преподавателем истории СССР. К тому времени (февраль 1946 г.) он был принят в партию. «Вознесенский П.С. имеет опыт педагогической работы в течение 35 лет, — отмечалось в заключении бюро Псковского обкома ВКП(б) при утверждении его в качестве преподавателя. — За образцовую постановку учебно-воспитательной работы и активное участие в общественной жизни награждён орденом Трудового Красного Знамени. С августа 1945 г. работает преподавателем истории СССР и завучем 6-месячных областных партийных курсов. Заре-

комендовал себя с положительной стороны. Хорошо знает свой предмет, умело преподаёт его слушателям. Среди преподавательского состава и слушателей курсов пользуется авторитетом».

Работал П.С.Вознесенский в партийной школе с большой нагрузкой: в 1946 году некоторое время исполнял обязанности заведующего учебной частью, а в 1947 году ему пришлось работать на полторы ставки. По-прежнему много времени занимали общественные дела. В первые послевоенные выборы в местные Советы депутатов трудящихся (декабрь 1947 г.) П.С.Вознесенский был избран депутатом Городского Совета, и 2 января 1948 года на правах старейшего депутата открывал его первую сессию. В июле 1947 года сотрудники местного Краеведческого музея выступили с инициативой создания областного общества краеведения, и директор музея А.А.Пурышев направил в облисполком соответствующую докладную записку. Но только через год, 24 сентября 1948 года, Псковский облисполком «в целях привлечения широких слоёв населения к изучению Псковской области» признал целесообразным организовать «Псковское областное добровольное общество краеведения», утвердил проект его Устава и образовал оргкомитет, в состав которого включил и П.С.Вознесенского. Состоявшееся в октябре 1948 года первое заседание оргкомитета решило созвать в начале 1949 года областную конференцию краеведов, однако организационная работа по созданию общества так и не завершилась.

Тем временем в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) обком партии принял постановление о ликвидации с 1 сентября 1948 года партийной школы. Слушатели её переводились в Ленинградскую партийную школу, а в Пскове вновь оставались только курсы. Всё это повлекло сокращение штатов, и П.С. Вознесенский перешёл преподавателем методики истории в педагогический институт. Четыре года он преподавал этот предмет, руководил студенческой педагогической практикой в школах города. «Студенты второго курса Псковского учительского института проходят практику в школах города, — сообщала в короткой заметке «Псковская правда», поместившая при этом и фотографию. — Под руководством старейшего и опытного преподавателя, руководителя педагогической практики П.С.Вознесенского, имеющего 39 лет педагогического стажа, студенты дают уроки в 5-7 классах, ведут среди учащихся воспитательную работу во внеучебное время».

Однако в 1950 году приём на исторический факультет педагогического института, где трудился П.С.Вознесенский, был прекращён. Это повторилось и в 1951, и в 1952 годах — приём проводился только на историческое отделение двухгодичного учительского института. А в 1952 году последний был ликвидирован, и исторический факультет оказался на грани закрытия, что имело следствием сокращение

штатов преподавательского состава. С сентября 1952 года сократили и П.С.Вознесенского — он перешёл в Псковское педагогическое училище, где преподавал историю СССР, Конституцию СССР и методику истории, неоднократно был председателем предметной комиссии на выпускных экзаменах. Для лучшего усвоения учебного материала на занятиях использовался альбом наглядных пособий, материалы газет и журналов. П.С.Вознесенский, кроме этого, руководил историческим кружком, в котором занимались 15 человек. Члены кружка читали отрывки из произведений на исторические темы, составляли характеристики исторических деятелей — Петра I, Суворова, Ивана Грозного и других, просматривали диапозитивы «Борьба русского народа с иноземными захватчиками», готовясь таким образом к преподаванию истории в начальной школе. Знакомились кружковцы и с историческими памятниками Пскова, прошлым города: для них проводились экскурсии «Возникновение и развитие Пскова» (экскурсия по Кремлю), «Героическая оборона Пскова в 1581 году»...

В 1953 году был возобновлён приём на исторический факультет в пединституте, и в декабре 1954 года П.С.Вознесенский был принят по совместительству на полставки преподавателем методики истории. Основным же местом его работы оставалось педучилище, коллектив которого в ноябре 1956 года торжественно проводил группу своих ветеранов на заслуженный отдых. Приветственные адреса были вручены преподавателю музыки В.И.Яшневу, рисования — А.А.Ивановскому и истории — П.С.Вознесенскому, педагогический стаж которых составлял 40-50 лет. П.С.Вознесенский пробыл на заслуженном отдыхе более четырёх лет, скончался он 4 марта 1961 года и был похоронен на Мироносицком кладбище.

«Большой путь прошёл учитель Вознесенский, — писала ещё в 1945 году «Псковская правда». — Этот путь был устлан не розами, а трудностями, лишениями, борьбой. И эта борьба принесла свои плоды. Сотни бойцов и командиров, воспитанных Павлом Семёновичем, сражаются сейчас на фронтах за независимость нашей Родины. Целую плеяду педагогов и специалистов выпестовал Вознесенский... И когда знакомые Павла Семёновича, встречая его в школе или на улице, с уважением жмут ему руку и смотрят на орден Трудового Красного Знамени, сияющий на его груди, они хорошо понимают, что эту высокую награду старый учитель достойно заслужил на скромном и почётном посту».

В жизни и деятельности П.С. Вознесенского, как в фокусе, отразилась история развития образования города Пскова, т.к. во многих учебных заведениях — от школы I ступени до вуза — остался его след. Многие его ученики последовали примеру своего учителя, став педагогами,

в том числе жена Софья Ивановна и дочь Ольга Павловна. «Вся жизнь П.С. Вознесенского прошла в Пскове, — заключает Н.Иванов. — Тысячи горожан, теперь уже преклонного возраста, с гордостью называют себя его учениками. Завидная доля!».

*Анатолий ФИЛИМОНОВ,
зав.кафедрой отечественной
истории ПГПУ, профессор*

ИСТОЧНИКИ

1. Иванов Н. Учитель (Записки старого псковича) //Новости Пскова. 1994, 22 сентября
2. Архив ПГПУ. Дела 190, 334.
3. Псковский набат. 1919, 4 января; 1920, 4 февраля, 5, 12 и 16 марта.
4. ГАНИПО. Фонды 1, 9, 1216, 1219.
5. ГАПО. Фонды 310, 326, 492, 590, 903, 1753.
6. Иеропольский К.А. Псковская пресса в 1917-19 гг. //Красная летопись.1930. № 2(35). Сс.237-238.
7. Единая школа. Орган отдела народного образования Псковского губисполкома. 1919. № 1 (15 января). Сс.56-58.
8. Познай свой край. Сборник Псковского общества краеведения. Вып.1. Псков.1924. Сс.74-75.
9. Листок просвещенца. Издание Псковского губоно. 1924. № 1, С.29; №2, с. 11-12.
10. Ярмончик Т. Школьный вальс //Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Вып.2. Псков.2002. Сс.195-196.
11. Вознесенский П. Псковское крестьянство в XV веке по Псковской Судной грамоте //Псковский колхозник. 1939, 29 марта.
12. Розенфарб И. Учитель //Псковская правда. 1945, 1 мая.
13. Вознесенская О.П. Так начиналось //Стерх. 2004, 16 апреля.
14. Псковская правда. 1948, 3 и 6 января; 15 октября; 1949, 25 февраля; 1956, 17 ноября; 1961, 7 марта.

УЧИТЕЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

Псковский государственный педагогический институт (университет) за свою жизнь подготовил огромное количество первокурсных специалистов — воспитателей молодого поколения по разным специальностям. Среди таких наших воспитанников большая армия выпускников, учителей русского языка и литературы, — предмета, который помогает человеку приобщиться к русской и мировой культуре.

Словесники всегда отличались высоким уровнем педагогического мастерства и знаний самого предмета. Кто же с кафедры русского языка составил славу вузу; кого, даже по прошествии десятилетий, с благодарностью и почтением вспоминают бывшие выпускники, сами достигшие признания своим трудом Учителя и воспитавшие своих учеников?

Первым назову легендарного **Николая Николаевича Колиберского** (1897 — 1981), возглавившего после войны кафедру и внёсшего в преподавание широту знания древних языков, что всегда способствует развитию языкового кругозора и культуре обращения со Словом.

В одной статье невозможно сказать о всех членах кафедры русского языка, которые оставили свой яркий, индивидуальный след в судьбе института, в обучении и воспитании сотен, тысяч таких выпускников, многие из которых (особенно в прошлом) остались верны избранному в юности предназначению и выросли в разных уголках нашей страны и даже за рубежом своих достойных питомцев. Это был бы особый рассказ — об истории самой кафедры русского языка как отдельного подразделения в сложной системе педагогического вуза. Поэтому сейчас вспомню о тех, кого уже нет с нами, кого нынешнее поколение студентов может знать с наших слов или по опубликованным работам самих Учителей. Это будет воспоминание о тех, 1) без кого невозможно представить значимость того, что называется теперь Псковской научной школой в области лингвистики; 2) без чьего самоотверженного труда не получились бы те достижения, которые служат науке и помогают тем, кто занимается смежными проблемами; 3) кто не эпизодически связал свою жизнь с нашим вузом.

С марта 1946 года после окончания службы в армии **Иван Терентьевич Гомонов** (1909 — 1972) связал свою жизнь с Псковским педагогическим институтом, начав с должности старшего преподавателя. Опыт работы у Ивана Терентьевича уже был: после окончания в 1938 году Ленинградского Герценовского пединститута он преподавал русский язык в Барнаульском учительском институте. А до этого путь в профессию у Ивана Терентьевича оказался неизменно целенаправленным: в 1930-1933 годах, после окончания педтехникума в Белоруссии, преподавал белорусский и русский языки и белорусскую и русскую литературы, будучи и завучем, и заведующим в Образцовой Крупской школе.

Талантливый лингвист, с тонким чувством языка, хорошо знающий реалии и их названия, известный белорусский поэт, Иван Терентьевич в 1948-1951 годах успешно учился в аспирантуре Герценовского пединститута по кафедре русского языка под руководством Н.П.Гринковой, защитил (в 1952 году) кандидатскую диссертацию «Предлоги и предложные сочетания в прозе А.С.Пушкина». С 1 сентября 1952 года до своей кончины (13 августа 1972 года) И.Т.Гомонов заведовал кафедрой русского языка в Псковском пединституте (с учётом и долгосрочной /1955-1957 годы/ командировки в Китай, где творчески преподавал русский язык в университете, создал и опубликовал /на ротаторе/ два тома пособия по русскому языку — «Морфология», «Синтаксис»).

Как зав. кафедрой Иван Терентьевич поддерживал научные начинания, идущие от Софьи Менделевны Глускиной, ученицы профессора Б.А. Ларина: в самом конце 40-х годов XX века Б.А. Ларин задумал работу над уникальными псковскими говорами: Александра Ивановна Лебедева, его ученица, будучи аспиранткой, ездила в специальные топонимические экспедиции по Псковской области, собирая материал по микропонимии, т.е. записывала, обрабатывала местные названия небольших географических объектов. С.М. Глускина и И.Т. Гомонов были активными участниками оргкомитета первой широкой межвузовской научной конференции, посвящённой псковским говорам, которая прошла в 1961 году, на которой обсуждался и «Проект» «Псковского областного словаря с историческими данными», составленный Б.А. Лариным (с 1957 года кафедра русского языка ПГПИ включилась в сбор диалектного материала по местным говорам). Вместе с С.М. Глускиной И.Т. Гомонов руководил семинаром по обсуждению словарных статей для «Псковского областного словаря». Хорошо зная восточнославянское сельское хозяйство, его быт, Иван Терентьевич, как крестьянский сын (о чём он говорил с гордостью), давал бесценные пояснения многим понятиям, конкретным предметам. Это было чрезвычайно важно, так как никто из участников семинара часто не был в состоянии даже представить, что «скрывается» за тем или иным наименованием.

Одарённый лингвист, Иван Терентьевич создал очень интересные словарные статьи на «*в — вѣкушка*». Словарная статья на предлог «в» разработана автором настолько чётко и логично, что и до сих пор служит образцом для подхода к аналогичным статьям, например, на предлоги «к», «на», «о», «от».

Итак, начало Псковской научной школе было положено Б.А. Лариным с конца 40-х — начала 50-х годов XX века. До своей кончины в марте 1963 года Б.А. Ларин руководил словарным семинаром в ЛГУ (Ленинградском госуниверситете), на заседания которого приглашал и преподавателей, и даже студентов из Пскова: шло обсуждение подготовленных начинающими авторами-лексикографами словарных статей.

Научная школа (исследовательское направление) «Псковская народная речь в прошлом и настоящем. Её место в общей системе русского языка. Псковский областной словарь с историческими данными» на кафедре русского языка формировалась в том направлении, которое было предложено Б.А. Лариным и которое развивалось вместе с работами диалектологов, историков языка и из Ленинградского университета, работающих над «Псковским областным словарём...». В Пскове научной работой руководила прежде всего С.М. Глускина (до выхода на пенсию в 1992 г.; с 1992 г. руководство Псковской школой продолжает Л.Я. Костючук). В последние десятилетия XX века научная школа утверждена (зарегистрирована) на федеральном уровне — традиции Ларинской школы сохраняются псковичами.

Софья Менделевна Глускина (1917 — 1997) после окончания аспирантуры (1940, 1946-1948) при Ленинградском Герценовском институте с 25 февраля 1948 года по 20 июня 1992 года работала на кафедре русского языка Псковского пединститута, ведя курсы старославянского языка, истории русского языка, введения в языкознание, общего языкознания. Защита кандидатской диссертации /под руководством Б.А. Ларина/ «Космография Богдана Лыкова 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора» состоялась в 1949 году.

С 1957 года по 1987 год Софья Менделевна непосредственно руководила собиранием диалектных материалов для «Псковского областного словаря с историческими данными» (работа над которым продолжается и сейчас): организацией самих диалектологических экспедиций студентов во главе с преподавателями по сбору в полевых условиях материалов уникальных псковских говоров для пополнения Картотеки «Псковского областного словаря» (КПОС); постоянно руководила словарным семинаром; работала как автор и как редактор статей для «Псковского областного словаря».

Материал Картотеки современных псковских говоров и Исторической картотеки по псковским памятникам для Словаря давал возможность

Софья Менделевна систематически, целенаправленно заниматься интенсивной научной работой.

Софья Менделевна получила прекрасное образование: 1936-1940 годы — факультет русского языка и литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (слушала лингвистические курсы Е.С. Истриной, Н.П. Гринковой, Ф.П. Филина; работала в семинарах Б.А. Ларина, Ивана Ивановича Толстого, Д.К. Мотольской). Студенческая работа С.М. Глускиной «История слова **красный**» была рекомендована Б.А. Лариным для печати (Усилиями И.С. Лутовиновой, одной из последних учениц Б.А. Ларина, она была подготовлена к печати и опубликована).

Б.А. Ларин привлекал С.М. Глускину к работе и по подготовке Картошки для «Древнерусского словаря» (ДРС): «Соня была исключительно способная, умная и училась отлично, особенно она интересовалась языковедческими предметами. Её способности и интерес к языкам заметил зав. кафедрой русского языка проф. Борис Александрович Ларин. Он привлёк её (и меня вместе с ней) к работе по составлению словаря древнерусского языка», — вспоминает К.А. Мареева, подруга Софьи Менделевны.

В студенческие годы и аспирантские (предвоенный 1940-й, послевоенные 1946-1948) Софья Менделевна ежегодно ездила с Б.А. Лариным в диалектологические экспедиции: шёл сбор материала говоров для «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ). А в летнее время, в каникулы, он [Б.А. Ларин. — Л.К.] включал нас [С.М. Глускину и К.А. Марееву. — Л.К.] в состав экспедиций по изучению говора местных, сельских жителей Ленинградской и Калининской областей. Ездили мы туда после первого, второго и третьего курсов». Это была хорошая школа для приобретения опыта ведения бесед с диалектоносителями, записей, обработки записанного. Так приобреталось то умение, которому потом Софья Менделевна учила своих учеников и коллег.

С началом войны С.М. Глускина осталась в блокадном Ленинграде. К.А. Мареева вспоминает: «Летом 1941-го года, вскоре после начала войны, мы перешли на казарменное положение в составе подразделения ПВО (противовоздушной обороны) и стали жить в бомбоубежище под институтом [ЛГПИ им. Герцена. — Л.К.], дежурили на чердаках, в госпиталях, у дистрофиков; рыли окопы под Пулковом — точнее, противотанковые рвы; иногда разгружали по ночам за Староневским каменный уголь — щебень из вагонов и утром получали за это тарелку дрожжевого супа...

<...> Смерть на наших глазах ослабевших от голода наших учителей. Одного из них мы с Соней везли на саночках...».

Софью Менделевну спас прорыв блокады: «Когда прорвали блокаду и открылась Дорога Жизни через Ладожское озеро, Соню вывезли из Ленинграда в состоянии полной дистрофии» (из воспоминаний

сестры — Гиты Менделевны). Добралась Софья Менделевна до Татари, где уже были сёстры. Придя в себя, С.М. Глускина в 1943 году добровольцем ушла на фронт. В действующую армию, и на зенитном бронепоезде в качестве младшего сержанта, радиотелеграфистом прослужила до конца войны с немецкими фашистами — в Европе и с японцами — на Дальневосточном фронте.

Ни сама С.М. Глускина, ни Б.А. Ларин не забывали о призвании Софьи Менделевны к научной работе: «<...> считанные дни остались до того, как понадобится много-много людей для лучшей работы, в какой Вас некому заменить, в какой мало кто может сравниться с Вами», — писал Борис Александрович Софье Менделевне в армию (Какая вера в человека и в торжество созидательного труда звучит в этих словах тому, кто, пройдя нелегкий путь войны, должен продолжить начатое в аспирантуре!).

Так и состоялось возвращение Софьи Менделевны в аспирантуру, а потом назначение её в Псков, где талант учёного, счастливый дар Учителя проявились ярко и значимо для дела и для людей, которых судьба сводила с нею и которых она учила.

Справедливо мнение, что многое в человеке закладывается в детстве, идёт от семьи. Приведу строки Э.Глускина, племянника Софьи Менделевны, которого она, в помощь сестре Гите, воспитывала с пяти до семнадцати лет: «<...> та фундаментальность, которая была характерна для Сони как для человека, происходит не только от её таланта, но и от того воспитания, которое она получила. Тут в первую очередь следует иметь в виду семью, из которой Соня вышла. <...> Как по отцовской линии, так и по материнской Соня происходит из семьи крупных раввинов. Её отец вначале был главным раввином Минска, а затем (до самой смерти) Ленинграда — двух городов с крупными еврейскими общинами. <...> Несколько необычной особенностью отца-раввина был интерес к светским наукам; в этой области он проявлял большие способности и соответственно воспитывал своих дочерей».

Конечно, немаловажным было желание и самой Софьи Менделевны заниматься исследовательской работой и доводить начатое до конца. Она «была целеустремлённым, восприимчивым человеком с оригинальным и глубоким мышлением. Конечно, такие факторы, как научная работа под руководством Бориса Александровича Ларина, его личный пример, <...> замечательная научная школа, а также благоприятные условия жизни в Пскове (который она любила и ценила) тоже играли очень важную роль и по своему значению могут быть поставлены в один ряд с полученным в детстве воспитанием».

Итак, жизнь и творчество Софьи Менделевны на многие десятилетия были связаны со Псковом. «Судьба привела С.М. Глускину в Псков

И.Т. Гомонов

С.М. Глускина

З.В. Жуковская

потому, что в связи с кампанией борьбы с космополитизмом её, несмотря на добровольное участие в Великой Отечественной войне, несмотря на блестящее окончание аспирантуры, из-за «пятого пункта» не смогли оставить в Ленинграде, как ни старалась, например, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Герценовского института Надежда Павловна Гринкова, тоже мужественный и честный человек. Но можно сказать, Пскову повезло: Софья Менделевна, тесно связавшая свою судьбу с Псковским пединститутом, свою научную деятельность — с псковскими говорами, с Псковским областным словарём, все эти десятилетия являлась опорой кафедры, ведущим преподавателем, организатором лучших, прежде всего научных, начинаний на кафедре русского языка... На кафедру русского языка нашего института пришёл уже зрелый учёный».

А время было далеко не простое... Не каждый сейчас может понять, как важно было, помимо всего, выстоять, не предавая своих принципов и главных черт своей личности: «Мужество и мудрость Софьи Менделевны сказывались во всём. И в том, что в автобиографии, в личном листке по учёту кадров — везде писала Софья Менделевна, что она — дочь раввина (Это уважение к своим родителям, долг перед теми достойными людьми, которые дали жизнь детям! Другим известно, сколько тягот пришлось перенести всей семье из-за такого социального происхождения...). И в том, что в начале 50-х именно С.М. Глускина устояла во всех проверках относительно качества преподавания теоретических дисциплин в свете учения Сталина о языке (и ведь именно о ней, о её профессионализме были положительные строки в заключении комиссии!), и в том, что и в дальнейшем именно Софья Менделевна приходила на помощь тем, кто нуждался в поддержке (Надежда Яковлевна Мандельштам благодаря Софье Менделевне и при поддержке ректора института Ивана Васильевича Ковалёва смогла приехать на работу в Псков в начале 60-х; именно Софья Менделевна принимала А.И. Солженицына и И.Бродского, приезжавших в гости к Н.Я. Мандельштам...)».

Неустанная работа над псковскими говорами, местными памятниками прежде всего в связи с созданием «Псковского областного словаря с историческими данными» позволила С.М.Глускиной сделать серьёзные научные открытия, признанные в научном мире: о звуке [ch] в псковских говорах; о специальных явлениях морфонологии в псковских говорах. По поводу работ С.М.Глускиной, касающихся морфонологических особенностей в псковских говорах, профессор Ленинградского университета Ю.С.Маслов, научный консультант Софьи Менделевны на курсах ФПК (Факультета повышения квалификации) по общему языкознанию, ещё в 1967 году в своём отзыве написал: «<...> помимо

очень удачно составленного обзора важнейшей проблематики этой молодой области лингвистической науки, высказан ряд собственных оригинальных соображений, представляющих научный интерес, а также привлечены факты из диалектологического материала. Соответствующая часть реферата С.М. Глускиной рекомендована руководителем семинара для опубликования в печати».

Ценным открытием С.М. Глускиной было доказательство отсутствия второй палатализации заднеязычных согласных в псковских говорах в прошлом и о следах этого в настоящее время (например, в словах следующих корней: «кеп» вместо «цеп»; «кедить» вместо «цедить»; «кевка» вместо «цевка»). Теоретические выводы из этого явления при опоре на данные археологии позволяют и лингвистам, и археологам, и историкам делать предположения об этногенезе славян — в частности, кривичей. Это открытие было признано и поддержано польским учёным С. Штибером, отечественным учёным (ныне академиком) А.А. Зализняком, который и сам пришёл к таким же наблюдениям, но на много лет позже С.М. Глускиной и который предложил назвать его «эффектом Глускиной». Такая яркая древняя черта псковских говоров явилась одной из определяющих в созданной А.А. Зализняком теории древнего псковско-новгородского диалекта. Никита Ильич Толстой всегда проявлял искренний интерес к исследованиям псковской народной речи.

С.М. Глускина была умелым руководителем, поскольку талант учёного, преподавателя и человека позволял ей принимать необходимые решения и поступать так, что всё делалось во имя человека: «Фактически бессменно С.М.Глускина выполняла роль заместителя заведующего кафедрой. Ещё при Иване Терентьевиче Гомонове это было замечательное содружество в учебной и научной работе. Псковский областной словарь, конференции по псковским говорам, сборники по итогам конференций и т.д.; творческая дружба кафедры с Б.А.Лариным; совместная работа с коллегами из Ленинградского университета, из других научных учреждений... Получалось так, что Софье Менделевне Глускиной не предлагали заведование кафедрой даже тогда, когда не было заведующего («пятый пункт»!), но в то короткое время, когда она бывала и.о. зава (февраль 1949 г. — 20 июля 1949 г.; 10 сентября 1956 г. — 1 августа 1957 г.), Софья Менделевна успевала сделать много добрых и разумных дел. Многим занимаясь сама, С.М. Глускина умела увлечь коллег и организовать работу».

Талантливая во всём, Софья Менделевна выпустила в большую жизнь знающих учителей русского языка, хороших исследователей (даже если кто-то и не пошёл именно по научному пути), которые с благоговением и благодарностью вспоминают Софью Менделевну.

Яркий след в истории кафедры русского языка как сподвижник всех научных и учебных начинаний старшего и других поколений «кафед-

рян» оставила **Зинаида Владимировна Жуковская** (1918 – 1999). Историк языка, диалектолог, Зинаида Владимировна получила прекрасное образование: Московский институт философии, литературы, истории (знаменитый МИФЛИ), Московский государственный университет, поскольку МИФЛИ слили с МГУ (1937-1941, 1945 годы – с вмешательством войны, во время которой Зинаида Владимировна до августа 1942 года работала в Пятигорске; затем пешком ушла в Махачкалу, где до апреля 1945 года работала журналистом в газете, редактором молодёжных передач, последних известий при Дагестанском радиокомитете, научным сотрудником музея; за трудовую деятельность в годы войны З.В. Жуковская была удостоена звания работника тыла); аспирантура (1948-1952) при Институте языкознания Академии наук СССР под руководством известного диалектолога Рубена Ивановича Аванесова.

Диссертация Зинаиды Владимировны Жуковской была посвящена народным говорам западной части Воронежской области; защита состоялась в 1954 году. В Пскове она с таким же успехом и энтузиазмом до самого последнего дня исследовала псковские говоры в разных аспектах.

До поступления в аспирантуру З.В. Жуковская работала в Воронежском университете и Воронежском пединституте, где вела курсы старославянского языка, истории русского языка, истории литературного русского языка. Любовь к языковым дисциплинам совмещалась с глубоким интересом к научной деятельности, поэтому в Воронеже Зинаида Владимировна сумела приобрести и опыт преподавательской работы, в то же время утвердила себя и как исследователь народной речи. Всё, за что бралась Зинаида Владимировна, было освещено её блестящими способностями и талантом ярко и увлекательно доносить Слово до собеседников и слушателей.

Таким образом, в августе 1953 года на кафедру русского языка Псковского пединститута пришёл опытный и интересный преподаватель, который бессленно и верно, до июня 1998 года, служил нашему общему делу. Зинаида Владимировна вела исторические курсы, диалектологию, руководила исследованиями студентов, воспитала аспирантку, руководила студентами во время ежегодных диалектологических экспедиций. Всегда откликалась на новые направления научной работы, будь то Диалектологический атлас (ДАРЯ), Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА), Лингвистический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ), Псковский областной словарь (ПОС)...

В этой статье я вспомнила лишь некоторых своих коллег, кто своим многолетним – бескорыстным, добросовестным, талантливым, разносторонним – трудом заложил и научную основу на кафедре русского языка, и создал добрую славу о Псковском педагогическом... Они были

щедрыми, но строгими, принципиальными Учителями, Воспитателями, Исследователями... О каждом из них можно сказать: «Хорошо, когда учитель оставляет после себя учеников, когда ученики и друзья остаются верны дружбе и авторитету учителя, друга».

*Лариса КОСТЮЧУК,
доктор филологических наук,
профессор ПГПУ*

ИСТОЧНИКИ

1. Из писем К.А.Мареевой (Казань)//Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков, 2001. С. 30.
2. Из писем и воспоминаний Г.М.Глускиной//Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков, 2001. С. 28.
3. Костючук Л.Я., Большакова Н.В., Пецкая Т.А. О друге и учителе (памяти С.М.Глускиной)//Псков, 2001, с.9.
4. Из писем и воспоминаний Э.Глускина//Псков, 2001, с.15-16.

ДОРОГА В ЛИСЬИ ГОРКИ

«Школа над Псковой» — так называется художественно-документальная повесть И. Минутко, одна из многих книжек, написанных в разные годы о Полине Георгиевне Лозиной, учительнице сельской начальной школы Псковского района. Школа, где проработала она более четырёх десятков лет, стоит над рекой Псковой, давшей название городу. Сотни и сотни детей учились в этой маленькой школе в деревне Лисьи Горки не только грамоте, но, по их словам, главному — «быть настоящими».

А сама Полина Георгиевна сказала когда-то на Всероссийском съезде учителей так: «Более тридцати лет я учу детей. И постоянно спрашиваю себя: какими вырастут мои ученики? Станут ли они настоящими патриотами? Будут ли людьми активными и творческими, любящими труд? Что нужно сделать для этого?». И продолжала: «Моя задача не только научить детей писать, читать и считать. Не менее важно воспитать созидателей материальных и духовных ценностей, научить детей свои мысли соединять с повседневными поступками».

Выполнению этой задачи посвятила она всю свою жизнь. Когда дети из Лисьих Горок переходили в старшие классы городских школ, их сразу узнавали — хорошо воспитаны и чем-то напоминают свою учительницу: так же тактичны, вежливы, доброжелательны. Среди них — шаловливые и медлительные, застенчивые и отчаянные, сообразительные и не очень, только «трудных» не бывало. Полина Георгиевна всегда считала, что есть такие дети, которым трудно живётся среди взрослых, и такие, кому трудно справляться с недостатками своего характера. Им в первую очередь надо помогать терпеливо и с любовью. У неё не оставались ученики на второй год. Полина Георгиевна говорила: «Поставить малышу двойку — всё равно, что убить в нём душу, убить всякий интерес к учению. Если что-то не ладится — значит, есть причина, надо только её найти». Она возилась с каждым учеником, хотя у неё занимались одновременно 2 класса.

Каждый её урок был так интересен, что дети слушали, затаив дыхание. И самые обыкновенные дела на уроке: чтение это или решение задачи —

превращались не только в любимое интересное дело, но обретало какой-то особенный смысл, что, кажется, важнее ничего уже и нет.

А как любили её дети «Книжкин день»! В этот день (раз в неделю) читали дети и учитель, знакомились с новыми книгами известных писателей, а в школу приезжала городская библиотека с новой порцией книг из обменного фонда. О домашнем чтении часто говорили на родительских собраниях, на которые приходили все, а если кто-то не мог прийти, то в ближайший вечер учитель шёл в семью. Но такое случалось редко: родители ценили и уважали время учителя.

Мне посчастливилось бывать в её школе много раз на уроках, на занятиях в «Школе передового опыта», которыми она руководила, по торжественным случаям и просто для встреч, которые нельзя забыть. Сколько мудрости, доброты искреннего участия было в этом удивительном человеке! А как интересно с ней было пройти по деревне! Кто-то выходил, чтобы поздороваться; кто-то приглашал в гости, обращались и за помощью: то унять своего непутёвого мужа, а то помочь усостыжить нерадивого ученика или уладить семейные ссоры. Это и понятно: ведь она учила и воспитывала не одно поколение в деревне — и называли её самой лучшей мамой и бабушкой.

Чем заслужила она такую любовь односельчан? Тем, что за детей душой болела больше, чем за своих собственных сыновей. Авторитет её у всего окрестного населения удивительный: увидеть в её глазах одобрение хотел каждый — и малый, и взрослый.

Трудно разграничивать её педагогические заботы и общественные. Много лет она — бессменный депутат Сельского Совета, семнадцать раз избиралась секретарём партийной организации местного колхоза. На всё у неё хватало времени. Не было случая, чтобы отказалась Полина Георгиевна выслушать кого-то и помочь. И никто не припомнит, чтоб Лозина повысила голос или была раздражена. У неё никогда не было плохого настроения: Полина Георгиевна при любых обстоятельствах находила в себе силы быть приветливой и внимательной.

Кто бы ни постучал в домик на улице Мелиораторов или в школу, всегда встречал поддержку, искреннее внимание и помощь.

А ещё она — член Совета ветеранов. И она заботилась о своих ветеранах: кому-то необходимо завести дрова на зиму, больным — организовать уход и помощь...

Десятки лет прошли здесь, в Любятовской начальной школе, и ни один год не походил на другой. Менялись учебники и методы обучения, приходили новые ученики, встречала, а затем провожала она своих учеников. И всякий выпуск она говорила, что это и есть её самые любимые. А она для каждого оставалась первой и единственной, на которую хотелось быть похожим. Сколько их из нескольких поколений стали по её

примеру учителями, а студентка Марина Строганова свою дипломную работу посвятила ей, своей первой учительнице.

Даже летом не пустовала школа: каждый вторник прибегали ребятишки, шли вместе с учителями на речку или в лес, а вечерами посидеть на крыльчке, спеть под гитару собирались подростки — бывшие ученики. В тёплую погоду, когда были открыты окна, по всей деревне слышался звон школьного колокольчика — он звал и родителей. Для многих школа — нечто вроде клуба. Приходили за советом, планировали различные дела для школы — заготовить дрова, подготовить экскурсию, выступить с рассказом о профессиях, сделать ремонт...

В 80-е годы Полина Георгиевна принимала участие в разработке проекта реформы образования как член комиссии Политбюро ЦК КПСС. Намечено было перейти на четырёхлетнее обучение, предложена программа воспитания младших школьников. В проекте много внимания было уделено начальной школе, в том числе малокомплектной. В значительном преобразовании школы был голос и Лозиной П.Г. Тогда уменьшилась предельная наполняемость классов (до 25 человек), появились группы продлённого дня и в малокомплектной школе. В те годы вышла из печати книга Н.М. Анисимова «Большие заботы малокомплектной школы». Книга посвящена описанию опыта работы П.Г.Лозиной. В ней рассказывается о формах и методах воспитательной работы. Её опыт изучался и описывался Областным и Центральным (Москва) институтами усовершенствования учителей.

В 1983 году вышел сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР, где было помещено решение коллегии об одобрении опыта работы П.Г.Лозиной и о направлении справки о передовом педагогическом опыте Министерством просвещения союзных республик, краевым, областным отделам образования для использования в работе. К решению прилагалась большая справка, в которой подробно описан опыт работы.

О ней рассказывали «Правда» и «Учительская газета», журналы «Огонёк» и «Кружозор», «Народное образование» и «Начальная школа», «Воспитание школьников» и «Семья и школа». По первой и второй программам центрального телевидения был дважды показан документальный фильм «Школа в Лисьих Горках».

В справке из сборника приказов Министерства просвещения РСФСР говорится, что за боевые и трудовые заслуги Заслуженный учитель школы РСФСР П.Г.Лозина награждена орденом Октябрьской революции, орденом «Знак Почета».

Чтобы постичь высокий смысл её подвижничества, нужно вернуться памятью в те далёкие годы, когда всё только начиналось...

Поля была девятым ребёнком в крестьянской семье. С потерей кормильца-отца все тяготы воспитания и содержания детей легли на материнские плечи. Но мать верно служила своему долгу: вырастила детей, поставила всех на ноги. Для детей она была примером трудолюбия, верности слову, справедливости.

Училась Полина прилежно. Учёба, дела пионерской дружины, а позднее комсомольской организации целиком захватили энергичную девочку. Учителя ставили её в пример, прикрепляли к неуспевающим ученикам. Видимо, тогда и зародилась у Поли мысль стать учительницей. Прошли годы, пока мечта не переросла в осознанное увлечение, стала жизненной целью.

А тогда... Торжественный выпускной вечер. Ясное утро в июне 1941 года сулило исполнение надежд и планов. И никого бы не удивило решение Полины стать учительницей: она всегда была в гуще пионерских и комсомольских дел, любила возиться с малышами; отзывчивая и дружелюбная, деловая, всегда готовая прийти на помощь.

А через несколько часов узнали: война! Мальчики и девочки у Красно-го знамени давали клятву, что не пожалеют сил для борьбы с врагом.

Мальчики уехали на призывной пункт, а девочки с утра до вечера набивали патронами пулемётные ленты, пока не подошла линия фронта. Когда вернулись в свою деревню, по большаку катили вражеские машины, шли солдаты.

В маленькую деревушку оккупанты наведывались не часто, но в ноябре в доме Николаевых появились гости из партизанского отряда. С того дня и стала Полина разведчицей и связной.

Она выполняла поручения, которые требовали не только наблюдательности и сообразительности, но и смелости и выдержки. Ходила от деревни

к деревне, отмеряя ежедневно не один десяток километров в любую погоду, собирая ценные сведения для партизан: о численности окрестных гарнизонов и их вооружении, полицейских постах; о том, когда и каким путём обоз с продовольствием, собранный оккупантами у населения, отправится в район. Несколько раз под валуном у озера Полина обнаруживала листовки с заданием распространить их в деревнях. А задания следовали одно за другим.

Очередной приказ показался ей странным. В записке, взятой в условленном месте из тайника, сказано: «Надо стать учительницей в деревне Волошно. В среду приходи за инструкцией. Время явки прежнее». Обидно: Красная Армия наступает, партизанский отряд проводит одну операцию за другой, а её в это время устраняют от серьёзных дел.

Но связанной строго сказал: «Учти, твоё задание — боевое. В школе, открытой оккупантами, на уроках читают фашистские прокламации, заставляют детей молиться на господина и фюрера Адольфа Гитлера, калечат души детей». И добавил: «Ты должна все сделать, покончить с этим. В отряде считают, что лучше тебя с этим заданием никто не справится».

Приказ есть приказ — надо действовать. И она стала помощницей старой учительницы, назначенной немцами, и сумела выполнить приказ: сначала убрали портреты Гитлера, испорченные тайком. Весь уклад жизни школы изменился под влиянием помощницы учительницы. Юная подпольщица знакомила население со сводками Совинформбюро, доставала и передавала надёжным людям лампы для радиоприёмников. Были поручения, связанные и с риском: например, участие в подготовке и проведении операции по спасению детей партизан.

Как-то поручили ей выяснить, где фашисты держат детей партизан, обещая освободить их в том случае, если придут их отцы. Она не только разведала, в каком доме держат маленьких заложников, но под видом нищенки проникла в дом, предупредила детей и женщин, которые были с детьми, о том, когда придут за ними партизаны.

Ночью через окно, под носом у охранников, Полина вынесла всех детей из дома. После этого случая немцы разыскивали «нищенку» и появляться в деревнях стало опасно.

Поля оставалась в отряде, работала медсестрой в лесном лазарете. Комсомольцы отряда выбрали её своим вожаком: её любили за лёгкий характер, доброжелательность; за то, что никогда не унывала.

В декабре 1943 года отважная разведчица была зачислена связанной в один из отрядов Второй партизанской бригады. Она уходила в дальние деревни Полновского и соседних районов с последними сводками Совинформбюро; она стала ещё партизанским агитатором и пропагандистом в оккупированных врагом деревнях. Однажды Полина едва не оказалась на краю гибели: народ собрался в избе и слушал, затаив дыхание юную партизанку. Голос её звенел: «Сегодня Красная Армия громит врага уже

на родной Псковщине! Скоро наши вернутся!»). В избе женщины плакали... В деревне появились немцы. Смелая и находчивая Полина бросилась к кровати под одеяло, успела прошептать: «Я больная. Тиф. А вы молитесь». Вошедший немец выскочил в сени и оттуда подавал команды. Через час, начисто обобрав деревню, немцы уехали. Но не было уныния у жителей деревни: скоро вернутся наши.

А в 1944 году перед боем её принимали в партию в партизанском отряде. Она вспоминала свои ощущения: «Не подведу. Оправдаю делом всей своей жизни»...

Полина Георгиевна награждена медалью «Партизан Великой Отечественной войны» и другими. В 1985 году она была участником Парада Победы на Красной площади.

После войны Полина Георгиевна стала секретарём Псковского райкома комсомола. Она вместе со всеми разбирала пепелища, оставленные войной, копала землю, строила школы. А когда увидела, что учить в школе некому, приняла решение, отвечавшее её душевной потребности, которое определило всю дальнейшую жизнь: окончила педагогическое училище, а затем педагогический институт, исторический факультет.

Когда они с мужем приехали в Лисьи Горки, работала в Пскове учителем в старших классах, заместителем директора, но не оставила мечты учить деревенских ребятишек и стала учительницей и заведующей Любятовской начальной школы.

Полина Георгиевна всегда щедро делилась своим богатым опытом. Она много лет руководила «Школой передового педагогического опыта» учителей начальных классов Псковского района, принимала участие в проведении курсов повышения квалификации учителей области (при областном Институте усовершенствования учителей). На базе Любятовской начальной школы ежегодно проходили практику студенты Псковского педагогического института и Опочецкого педучилища. Полина Георгиевна выступала на Всероссийских съездах учителей, на ВДНХ, на педагогических чтениях и научно-практических конференциях. Принимала участие в работе комиссий по реформе школы.

В 1979 году Указом Президиума Верховного Совета СССР ей одной из первых присвоено звание «Народный учитель СССР». В память о ней каждый год в Псковском государственном педагогическом университете проходят Лозинские чтения, а для лучших учителей области учреждена премия имени П.Г.Лозиной.

*Ольга РЕМЕР,
Заслуженный учитель РФ,
лауреат премии им. П. Лозиной*

ЕВГЕНИЙ МАЙМИН: URBI ET ORBI

«Ты любил «угощать» друзей Псковом. Помню, как ты устроил мне пиршество — обход псковских храмов...». Так вспоминал — уже после его смерти — однокурсник и друг отца Марк Григорьевич Качурин, профессор Герценовского педагогического института.

Собственно, в воспоминаниях тех, кто в разные годы приезжал в Псков и побывал в нашем доме, проскальзывает один и тот же мотив: длительные прогулки по городу, физически для отца не простые (раненая на войне нога, не прекращавшаяся боль, отсюда и палочка, словно сформировавшая внешний его облик), но... необходимые для него как воздух.

Странное дело: я редко видела людей, которые бы так сроднились с не родным для себя городом, чувствовали себя его искренними патриотами, а сам город — своей судьбой, даром, посланным свыше (кажется, такое отношение было к Пскову и у Ю.П.Спегальского, только, по счастью, отцу удалось избежать того горького разочарования, которое под конец отравило жизнь Ю.П.). Было ли это свойством личности отца? или самого города, который оказался столь для него интересным и судьбоносным? Не знаю. Знаю только, что он всегда подчёркивал своё происхождение — из Пскова, а на замечания — слава Богу, не частые, но всё же имевшие место — что Вы, мол, Евгений Александрович, — никакой не провинциал, Вы — коренной ленинградец, петербуржец то есть, — отвечал: Да что вы! я-то как раз и есть настоящий провинциал. Пскович. И этим горжусь.

И было это задолго до того времени, когда, наконец, вспомнили, что русская литература, в большинстве своём, вышла из провинции. Задолго до того, как стали издавать журнал с симптоматическим названием «Русская провинция». Устраивать семинары и конференции по изучению провинциального быта. Когда модной стала усадебная тема (а ведь усадьба — та же провинция). И когда слово «провинциал» стало постепенно реабилитироваться. Хотя, впрочем, ещё вопрос: реабилитировано ли оно и сейчас...

На самом деле, хотя Е.А.Маймин и провёл более тридцати лет своей жизни — то есть детство, юность, молодость — в Ленинграде, коренным ленинградцем он тоже считать себя не мог, так как родился в Воронеже, откуда в шестимесячном возрасте — после смерти матери, от родов — и был привезён своим отцом в Ленинград. О своём довоенном детстве он рассказывал мало. Жизнь была трудная, скорее бедная: комната в коммуналке на Рузовской улице, вблизи Витебского вокзала, — квартал, известный в те времена как один из наиболее бандитских в городе, так что поход в школу и возвращение из неё под улюлюканье местной шпаны уже требовал мужества, пусть и детского, и вместе с тем мыслился как акт стоицизма. Потом арест отца — как ни странно, по причинам отнюдь не политическим, точнее, не совсем политическим: хотел человек создать свой малый бизнес в нэпмановские времена, да не смог. Не дали. Так что вернулся домой уже незадолго перед войной. Правда, оставалась та, что заменила ему — действительно, заменила, — мать. И которую он всегда и считал своей матерью. И сестра. И были ещё малые подарки судьбы, которые его заставят с ранних пор уверовать в благожелательство к нему высших сил. Один из таких подарков — школа на Фонтанке (в наши дни подобные школы называют элитными — и непонятно, как туда попал отец, который не только по духу, но и по воспитанию был далёк от всякой элитарности). Школа, которая сведёт его со многими замечательными детьми. Некоторые из них, как, например, Владимир Авакумов или Лев Малаховский, впоследствии известный лингвист, останутся на всю жизнь его друзьями. Ещё один друг, Эдик (это его потом выведет отец под именем Алёши Слепухина в рассказе «Теорема Ферма»), гениальный математик, так много обещавший и так ничего и не успевший, погибший в самом начале войны, останется глубокой и на всю жизнь затаённой болью отца.

И ещё один подарок судьбы того времени: грозный сосед по коммунальной квартире, «из бывших», неожиданно оказавшийся тонким ценителем искусства и открывший отцу мир книг и музыки. Но в самом ли деле он открыл, или просто точно уловил то, что было заложено от природы, — этого я не знаю.

А затем была война. Точнее, две войны: Финская и Отечественная. О первой у нас говорить не полагалось. И папа рассказывал о ней крайне мало. Только несколько раз — на мои вопросы — сказал, что было в ней много несправедливого. Что заставило взглянуть на многие вещи иначе.

Собственно, ушёл он на войну «историком»: поступив после окончания школы на исторический факультет Ленинградского университета, он подпал под так называемый «ворошиловский призыв» — Закон о всеобщей воинской обязанности на военную службу, принятый в соответствии с секретным Дополнительным протоколом к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года. Только об этом договоре никто

из начинающих историков-призывников, тут же отправленных для военной подготовки в Рязань, не знал.

Однокурсники и одновременно однополчане отца, И.А. Реформатский и В.К. Фураев, вспоминали впоследствии его в это время так: «Скромный, очень застенчивый Женя Маймин, мечтавший об изучении истории, литературы, восхищавшийся произведениями искусства, порой никак не мог понять, чего от него хочет командир отделения Абдрахимов, плохо говоривший по-русски казах с двумя классами начальной школы, заявлявший, что «для того, чтобы заправлять шинеля, не надо образование кончить...»

Но на этот чуть комический облик «лунатического юноши» накладывается другой образ: человека, прошедшего через всю войну (он был окончательно демобилизован лишь в конце 1944 года, после четвёртого по счёту, но на этот раз очень тяжёлого ранения — в ногу), прошедшего её простым солдатом (самое высокое звание, до которого отец дослужился, — сержант, чем он всегда гордился, потому что знал, что основную тяжесть войны выносили солдаты, а не офицеры, и что выигрывали её опять-таки прежде всего солдаты; не отсюда ли впоследствии его повышенный интерес — и любовь — на всю жизнь — к Толстому?). В 1941-1942 отец служит командиром зенитного 45-миллиметрового противотанкового орудия 54-й танковой бригады на Южном фронте. Знаменитая «сорокопятка», которую ещё называли «Прощай, родина!». В непосредственном соседстве с которой выжить было трудно. Почти невозможно. И всё же — каким-то чудом (ещё один знак благожелательства высших сил) — он выжил. Когда — в середине 1970-х годов — отца принимали в Союз писателей, Андрей Михайлович Турков, тоже писатель и фронтовик, прочитав автобиографию отца, не выдержал и воскликнул: «Да какое ещё может быть обсуждение кандидатуры? Это же смертник!»

От того времени осталась небольшая газетная заметка, посвящённая отцу: «Командир орудия комсомолец-сержант Е.Маймин вёл непрерывный бой с пикирующими самолётами врага под непрерывным огнём артиллерии и автоматов. Под ураганным огнём он заменил санитаря и спас жизнь восьми бойцам, вынеся их с поля боя» (из газеты Южного фронта «Красный кавалерист на фронте»). Отец всегда посмеивался над этой статьёй, хотя и хранил её бережно в своём письменном столе. На самом деле, объяснял он, вынес он с поля всего одного бойца. Но и это было нечеловечески трудно. В незаметном героизме и состояла для него правда войны, которую он так ценил опять-таки у Л.Н.Толстого.

А затем была служба в противотанковой разведке. Когда я была маленькой, слово «разведчик» действовало на меня магически. И представляла я себе разведчиков в облике какого-нибудь доктора Зорге, фильм о котором

шёл тогда в Пскове широким экраном. Отца смешил подобный «романтизм», который он любил называть — цитируя классика — «пустить пукетами». И чтобы сбить его, он рассказывал о войне смешные и вовсе не героические истории. Как думали, что бежали от немцев, а бежали, оказывается, от пчёл. Как истратили все имевшиеся деньги — и тут же заболели желудком — на шашлыки, из боязни, что назавтра погибнут и никогда уже не смогут наесться вдоволь. Только став взрослой, я поняла, почему папу редко приглашали выступать с воспоминаниями о войне в школы, в мою, например, школу (что тогда расстраивало). Не было в его рассказах должного героизма. Не было и пафоса. Была лишь голая правда войны, с её амплитудой колебания от смешного до трагического. И трагическое наступало

внезапно, не подготовленным. И было от того ещё страшнее. Об этом, — пожалуй, самый пронзительный и самый правдивый военный рассказ отца, который он и сам более всего ценил. «За рекою — белые домики». Даже не рассказ, а повесть.

Опыт ли войны был тому виной, или что-то другое, но только будучи демобилизован как инвалид Отечественной войны и имея право в этом своём качестве быть восстановленным на любой факультет Ленинградского университета, в 1945 году он восстанавливается — но только не на родной исторический, а на филологический факультет.

Как когда-то Пушкин, вспоминая о Царскосельском лицее, мог бы, наверное, воскликнуть и он, оказавшись в стенах Ленинградского университета: «И мы пришли, И встретил нас...»...

Послевоенное (а, в сущности, ещё даже и военное — шёл последний год войны) поколение студентов ленинградского филфака и впрямь было кому встретить. Преподавали там в это время Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский, Н.И. Мордовченко, А.А. Смирнов. Особые отношения свяжут отца с Эйхенбаумом, в семинаре которого он сделал первый важный для себя — и в профессиональном, и в человеческом смысле — доклад «Проблема добра и зла у Лермонтова». «Эйхенбаум внимательно слушает. Доклад был блестящий. Так сказал и Борис Михайлович», — записала в этот день в своём дневнике однокурсница отца Валентина Базанова.

Отец остался с Эйхенбаумом и после того, как его подвергли остракизму, изгнали из университета, запретили руководить студентами. Отец же всегда чтил в нём своего Учителя. Под его руководством он и написал впоследствии свою кандидатскую диссертацию, посвящённую роману Льва Толстого «Воскресение».

Ещё одним подарком судьбы — после дарованной на войне жизни — был состав самих студентов. Достаточно сказать, что на курсе учились, помимо уже упомянутого М.Г.Качурина, Юрий Михайлович Лотман, Юрий Борисович Томашевский, Евгений Колмановский, Лев Александрович Дмитриев, ставший на всю жизнь самым дорогим, самым душевным, верным и надёжным другом отца.

Наступил 1950 год, последний год учёбы в университете. «По большому счёту, у нас только два талантливых кандидата в аспирантуру: Юра Лотман и Женя Маймин», — записывает в дневнике В.Базанова. Но ни тот, ни другой в аспирантуру не попадают. Юрий Михайлович, как известно, по распределению отправится в мало привлекательный по тогдашним понятиям город Тарту (вожделенной филологической Меккой город станет потом — и именно благодаря Лотману). Отец же отправится преподавать в окрестностях Ленинграда (в самом Ленинграде работу ему было не найти). Сначала в Ломоносовское мореходное училище, а затем — уже подальше от города, но ближе к своей специальности — в Выборгский педагогический институт. И будет писать — параллельно — кандидатскую диссертацию. В перерывах между преподаванием и лежанием в больницах (последствия ранения).

А в 1957 году Выборгский институт сливают с Псковским педагогическим институтом, фактически присоединяют к нему, предложив студентам и преподавателям перебраться в древний город. Так в Пскове оказывается и отец, став преподавателем кафедры русской и зарубежной литературы, а вскоре — и на долгие годы — её заведующим.

Когда я впоследствии читала гётевский роман «Страдания юного Вертера», то почему-то немецкий Вецлар, место действия романа, я представляла себе в виде Пскова — города тех времён, когда в нём оказался мой отец. Видимо, оба они были местом, где в определённый исторический момент собралось много талантливых людей, где много работали, но и много думали, размышляли, творили. Псков 1960-1970-х годов и в самом деле был богат на яркие личности, многие из которых так же, как и отец, не были «родными» Пскову, но стали таковыми, приехав, в силу тех или иных причин, в послевоенный город. Боюсь обидеть здесь кого-то своим случайным упоминанием, и потому назову лишь тех, с кем дружески, особо, сблизился отец, и кто для него составил орбиту «своего Пскова», — города, без которого он всё менее и менее мог уже мыслить своё существование.

Это, в первую очередь, его коллеги по институту, — замечательный лингвист Софья Менделевна Глускина, философ Лина Георгиевна Дюкова, математик (слышавший местным диссидентом за своё письмо к Солженицыну) Геннадий Александрович Павловский и его жена Надежда Владимировна Павловская, преподаватель политэкономии Анатолий Михайлович Ковальчук, трое последних — папины однокурсники по Ленинградскому университету. Мария Титовна Ефимова, Алиса Ивановна Гольшева, Лариса Ильинична Вольперт, Вера Николаевна Голицына, — преподаватели кафедры русской и зарубежной литературы. Это их впоследствии «обессмертит» в своей шутовой эпиграмме Юрий Михайлович Лотман — в ту пору, когда отец станет заведующим кафедрой с преимущественно женским составом населения, состоявшего из ярких, но тем самым трудно управляемых индивидуальностей (эпиграмма была написана словно от лица отца и звучала так: «Как пройти мне биссектрисой / Меж Ларисой и Алисой / Между Титовной и Верой / Меж Чумою и Холерой»).

Это и художники, архитекторы, восстанавливавшие послевоенный Псков, и самим своим колоритным бытием вдохнувшие в его древние стены новую душу. Всеволод Петрович Смирнов, Борис Степанович Скобельцын. С первым дружба на какой-то период оказалась почти что семейная. Ходили друг к другу в гости. Всеволод Петрович любил поражать экзотическими блюдами, ибо, как талантливый человек, был талантлив во всём: не только в живописи, архитектуре и ковке, но и в приготовлении пищи, что делал, однако, лишь по праздникам, не смешивая никогда праздники с буднями. С Б.С.Скобельцыным отец предпочитал гулять по городу. Возможно, ещё и потому, что Б. С. оказался в какой-то момент держателем ключей от церквей, которые реставрировал (в частности, церкви Николы со Усохи). Я думаю, что это он, первый, «угощал» отца теми псковскими церквами, которыми затем отец любил угощать, в свою очередь, своих гостей.

Из поколения более молодых художников, водивших дружбу с отцом, был ещё Владик (Владислав) Шумаков, чей колоритный образ до сих пор стоит у меня перед глазами. Жил он тогда в Мирожском монастыре — там, где располагаются сейчас иконописные мастерские. Был высок, худощав, лицом красив — словно с фаяумского портрета — но словно не нынешнего времени. Всегда в длинной, ниже колен, рубахе, а поверх неё грубой шерсти почти такой же длинный свитер. Был он прекрасным резчиком по дереву. И до сих пор в нашей квартире висят его блюда красного дерева, на которые я каждый раз взираю с удивлением: какой же простой может быть красота! Невписываемость Владика во время сказывалась ещё и в том, как он, сам того не ведая, нередко «подставлял» отца. Особенно часто это случалось в день Пасхи, когда, встретив отца на улице, он бросался с ним христосоваться. Времена же были советские, а последствия

непредсказуемые. Отец очень любил Владика, но не без тревоги поглядывал, кто в это время проходил мимо. Зато именно от Владика, да ещё от жены В.П.Смирнова Натальи Сергеевны Рахманиной, тоже художницы, мы имели на каждую Пасху удивительной росписи яйца. Таких красивых яиц, как те, что расписывали они, я никогда уже больше потом не видела. И как жаль, что ни одно из них не сохранилось.

Помню ещё походы в мастерскую (она же квартира), находившуюся в полуразрушенной городской усадьбе, которую молва и по сей день связывает с пребыванием в Пскове Марины Мнишек. Жил и работал в этой мастерской ювелирных дел мастер Анатолий Елизаров, поивший своих гостей травяным чаем и увлекавший их в бесконечные беседы о сущности искусства, которые я, учившая тогда немецкий язык, называла на немецкий манер Philosophieren (вариант: Fabulieren).

В начале 1960-х годов в Псковский институт — благодаря посредничеству С.М.Глускиной и храбро (по тем временам) поведшему себя ректору института Ивану Васильевичу Ковалёву — на кафедру английского языка была принята в качестве преподавателя Надежда Яковлевна Мандельштам, впервые — после сибирской ссылки — получившая таким образом возможность работать в европейской части России. Несколько лет её пребывания в Пскове (до окончательного переезда в Москву) стали на самом деле эпохой — и в жизни города, и в жизни моего отца. Однако, если вдуматься, эпохой внешне почти не приметной. Потому что внешне всё продолжалось, как и прежде: люди ходили на майские и ноябрьские демонстрации, стояли в очередях за маслом (пока оно ещё было в магазинах), за мясом. Партийные люди ходили на партсобрания. Но исподволь начинала бурлить и иная жизнь.

Чтобы повидаться с Надеждой Яковлевной, в Псков стали приезжать другие люди. Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Варлаам Шаламов, Лев Гумилёв. С Шаламовым отец сблизился. По-видимому, воспоминания (лагерные и военные), хоть и разного свойства — но равной напряжённости — их сроднили. И потом они долго ещё обменивались письмами, а когда Шаламов прислал один из первых, вышедший уже после лагерей, сборник своих рассказов, отец сказал, что это — поразительная проза в смысле умения сказать безыскусно правду там, где кажется уже и никакая литература не возможна (Сам он как-то обмолвился, что есть некая правда войны, о которой никто никогда не напишет: и он никогда не читал о ней, и сам никогда не осмелится написать; разумеется, речь шла не об идеологических конъюнктурах).

Приезд Гумилёва оказался для отца знаменательным в ином отношении. В.П.Смирнов повёз тогда их обоих к себе на дачу в Малы. Ехали они на тракторе. Гумилёв рассказывал о своей теории пассионарности, над которой в то время много размышлял. И теория эта как-то удивительно на-

Е.А. Маймин и Л.А. Дмитриев у храма Николая со Усохи

кладывалась на пейзаж, медленно, в такт движению трактора, разворачивавшийся у них перед глазами (не случайно и Андрей Тарковский выбрал впоследствии эти места как одну из площадок для съёмки «Андрея Рублёва»). Позже отец не раз повторял, что именно в тот день, а точнее, тот вечер, предзакатный вечер, перед ним таинственным образом открылся гений места.

Иным было посещение Пскова Натальи Евгеньевны Штемпель, знаменитой Наташи Штемпель, приехавшей в город уже после отъезда Надежды Яковлевны — но по её следам. «Запомни эту женщину», — как-то особенно торжественно сказал мне тогда папа, отправив меня показывать ей Псков (не помню, но была какая-то причина, по которой он не пошёл сам). Я тогда не поняла всей торжественности момента. Старушка, действительно, была мила, но она прихрамывала, и мне было её очень жаль, тем более, что после пройденного круга от Кремля к Покровской башне, и оттуда к Мирожскому монастырю и церкви Климента, Папы Римского хромота её заметно усилилась. Но разве я могла тогда себе представить, что хромота эта была уже освящена поэтом. И породила великие стихи. И была не увечьем, но стигматом, а значит, и благодатью. К пустой земле неволью припадая Неравномерной сладкою походкой...

Благодаря Н.Я. в жизнь отца вошёл ещё один человек, дружбой и вниманием которого он очень дорожил. Сергей Алексеевич Желудков, отец Сергей, в середине 50-х настоятель Никольского храма в Любятове,

запрещённый впоследствии в священнослужении за правозащитную деятельность и столкновения с властью предрержащими, в конце 60-х он вновь вернулся в Псков и поселился в Любятове. По радио Свобода в то время читались фрагменты его книги «Почему и я христианин», впервые вышедшей в 1973 году в Германии. Не только на Западе, но уже и в Москве отец Сергей был известен в философских и теологических кругах как один из ярчайших современных богословов. А в Пскове (в Любятове) он вёл жизнь тихую и внешне ничем не примечательную — жизнь старика, время от времени продающего на рынке яблоки из собственного сада, чтобы было на что жить. Невысокий старик с аккуратно подстриженной седой бородой. Только свечение глаз у него было каким-то особым. Как, впрочем, и у другого человека, с которым отец Сергей в свою очередь познакомил отца, — священника, ставшего уже после него настоятелем Любятовского храма — отца Владимира (Попова), впоследствии, на протяжении многих лет, незаметно, но очень весомо присутствовавшего и участвовавшего в самых важных — как радостных, так и печальных — событиях нашей семьи (именно он в 1997 году будет отпевать папу).

Да простится мне ещё одна «германская» параллель, но Псков 60-70-х годов представляется мне иногда таким гофмановским пространством, готовым в каждую минуту предстать то самым что ни на есть обыкновенным городом, то поистине сказочной Атлантидой. Так старик, торгующий на рынке яблоками или клубникой, в иной жизни оказывается учёным-богословом, тончайшим мыслителем и одарённым музыкантом (в доме отца Сергия стояла фисгармония, на которой он виртуозно играл). А немолодая женщина, что преподаёт студентам-оболтусам английскую грамматику и даже, кажется, не очень-то умеет её преподавать, потому что не владеет ни методикой, ни педагогикой, в другом пространстве, в то же самое время, складывает в уме (это именно её выражение) свою бессмертную книгу, сначала первую, затем вторую, которые станут одним из наиболее ярких явлений русской — и не только мемуарной — литературы XX века. Книги, которые на какой-то момент даже затмили — по тому интересу, который к ним проявился — стихи её великого мужа.

Возвращаясь к теме Надежды Яковлевны в Пскове, скажу, что с ней мои родители — оба — подружились как-то не чинно: более сердцем, нежели головой. Отца она называла Женькой, маму — Танечкой. Любила бывать у нас в доме, любила зазывать к себе домой — в комнату в коммунальной квартире в начале Октябрьского проспекта, которую тогда снимала (не знаю, по иронии ли судьбы, но сейчас подъезд дома, где она жила, замурован; не знаю, сохранилась ли квартира: так время стерло следы пребывания в городе человека, которому в других городах устанавливаются памятники). И уже уехав из Пскова, постоянно обменивалась с отцом и с мамой короткими письмами — даже не письмами,

но записками, какими обмениваются только близкие люди. Они и сейчас лежат у отца в письменном столе.

Детская память удерживает одну яркую картину тех лет: Н.Я. с вечно папиросой у припухших губ («товарищ большеротый мой») за столом «гостевой» комнаты нашей двухкомнатной квартирки на Набережной Великой, отчего и вся комната словно в дыму. Напротив — человек — как я определила его ещё в детстве, — похожий на Гёте в старости, только гораздо более красивый, чем Гёте. У стены оставлены его костыли. Человек этот — Леонид Алексеевич Творогов, ещё один дорогой папиному сердцу друг, которого подарил ему Псков. Но два «дорогих человека» явно ссорятся. «Я вашего Пушкина пиф-паф», — кричит Творогов, наводя свой палец, словно пистолет, на Н.Я. (в это время он увлекался Яхонтовым, считал его поэтом великим, чью славу, однако, затмил злодей Пушкин). И папино растерянное лицо — как погасить ссору? (ссор папа не любил).

..Отец начал преподавать в Псковском педагогическом институте с 1957 года. И преподавал в нём до самой смерти в 1997 году. Ровно сорок лет. Я знаю, что студенты его очень любили. Много уже об этом написано и в воспоминаниях, вышедших после его смерти в составе сборника «Третьи Майминские чтения». И в газетных статьях. И сказано в устной форме. Но не менее важно, что сам он тоже трепетно любил студентов. Любил смотреть, как он говорил, в их открытые лица. Любил их интерес — разумеется, не к себе, но к предмету. Никогда я не слышала, чтобы какого-то студента он называл глупым, неспособным, или, ещё того более, дураком. Каждый был ему интересен по-своему (в чём, как мне кажется, и был залог его педагогического успеха — в обход всяческих методик и педагогик). Отцу вообще были интересны люди. И потому он нередко приглашал на факультет для чтения лекций тех, кого ценил сам и кого смогли благодаря ему оценить и его студенты. Из Ленинградского университета приезжала читать лекции по зарубежной литературе Нина Яковлевна Дьяконова, а из Даугавпилса курс о немецком романтизме приезжал читать тогда ещё совсем молодой, но уже блистательный Фёдор Полиектович Фёдоров. В 60-е — начале 70-х годов неоднократно читал курсы лекций теперь уже не только бывший однокурсник, но ещё и университетский, тартуский сосед отца Ю.М. Лотман.

«Вообще между Тарту и Псковом установились отношения не совсем обычные, редкая научная близость: кафедры «взаимно» участвовали в конференциях, «взаимно» оппонировали, печатались взаимно в сборниках», — вспоминала впоследствии Лариса Ильинична Вольперт, которая сама была живой нитью, связывавшей Псковский институт (точнее, кафедру литературы Псковского института) с кафедрой литературы Тарту-

ского университета (будучи замужем за профессором Тартуского университета Павлом Семёновичем Рейфманом, Л.И. Вольперт жила в Тарту, но работала до конца 1970-х гг. в Пскове).

И в самом деле, географическое ли то соседство, или что иное, но отношения отца с Юрием Михайловичем в эти годы заметно оживились и стали к тому же «семейными». Помню приезды его большого семейства (трое сыновей) в Псков — по поводу и «без». Помню и наш событийный семейный выезд на пятидесятилетие Юр.Миха в Тарту. Когда папа защитил докторскую диссертацию, из Тарту пришла телеграмма, сильно озадачившая служащих почтамта (подозреваю, что также и другого заведения): «Всего, что ведал наш Евгений Пересказать мне недосуг Привет тебе великий гений И корифеус всех наук». Надо ли объяснять, кто был её автором?

Позже, в 1980-е и в начале 1990-х годов, отношения между Ю.М. и отцом стали более пунктирными. Но оставались сердечными. Когда умерла жена Ю.М. Зара Григорьевна, папа поехал на похороны, а вернувшись, сказал, что было очень грустно, но возвышенно. И очень его взволновали и одновременно тронули обращённые к нему слова Юр.Миха: «Вот так-то, брат. Вот так всё и случилось». Значит, всё же — брат. И было это для отца очень важно. А за год, или два, до собственной смерти Юр.Мих написал папе открытку. Воспроизвожу её по памяти, так как в своё время «подсмотрела», а сейчас открытка, скорее всего, потерялась. В открытке Ю.М. писал, что последнее время чувствует себя очень усталым. Просыпается утром, и ему уже ничего не хочется. А это печальный знак. Знак того, что надвигается.

Интересом к людям и потребностью общения объяснялась, как я думаю, и организация отцом (на самом деле не любившим дела организаторские) в 60—70-е годы пушкинских конференций и издание пушкинских сборников, сделавших Псков на некоторое время одним из центров отечественной пушкинистики. Сюда приезжали и здесь печатались, помимо сотрудников отцовской кафедры, В.В. Пугачёв, В.Д. Левин, А.Б. Ботникова, А.П. Чудаков, Н.И. Михайлова, Ю.Н. Чумаков, Г.В. Краснов, имена которых теперь уже не нуждаются в комментариях. Ю.М. Лотман именно в псковском «Пушкинском сборнике» напечатал ставшие теперь уже классикой статьи о поэме Пушкина «Анджело» и о «Капитанской дочке». Как и многие другие провинциальные конференции, псковские пушкинские конференции имели перед аналогичными учёными собраниями, проводимыми в Москве или Ленинграде, преимущество неформального общения. Кулуарами для бесед здесь оказывались рощи Михайловского леса или же Устье Великой, а в роли экскурсоводов — о, неслыханная привилегия тех лет! — выступали то артистичный Семён Степанович Гейченко, то задумчиво увлечённый Борис Степанович Скобельцын.

В конце 70-х проведение пушкинских конференций в Пскове оказалось — по разным причинам — затруднено. Но, в определённой степени, им на смену пришли выездные семинары Древнерусского сектора Пушкинского дома, возглавляемые Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, инициатором которых был, однако, отцовский друг Лёвушка — сотрудник Древнерусского сектора Лев Александрович Дмитриев, постоянный гость и большой поклонник псковских мест. Будучи безусловно событием в культурной, или, лучше сказать, интеллектуальной жизни Пскова, для отца эти семинары имели значение не только как дополнительная возможность общения с любимым другом (а теперь уже и друзьями — ибо чувство высокой и почтительной дружбы связало его вскоре и с Д.С.Лихачёвым), но ещё и мыслились — в первую очередь — как возможность приобщения студентов к высокой науке и высокому строю мыслей, образец которого являл для него Лихачёв.

Из преподавания в институте рождались его книги. «Опыты литературного анализа» (1972), «О русском романтизме» (1975), «Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А.С.Пушкин, Ф.И.Тютчев» (1976), «А.С. Пушкин. Жизнь и творчество» (1982), «Лев Толстой. Путь писателя» (1982) «Афанасий Афанасьевич Фет» (1989). И многочисленные статьи. О творчестве А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, С.П. Шевырёва, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Фета, о проблемах поэтики и стихосложения. При этом «учёным» себя отец не считал. Но лишь внимательным читателем (сейчас бы сказали — смысловиком, употребив модное слово; проблема только, что модных слов отец не любил). И потому его книги и сейчас воспринимаются двояко. «Слишком просто, — говорят одни. — Словно даже и не научно». «Какая глубина и какое поэтическое чутьё в этой простоте. И на каждом шагу открытия, которым сам автор словно даже и не придаёт значения». Но отец всегда и сам считал, что писать надо просто. Хотя знал, что просто писать — сложно. И... ответственнее.

Мне всегда казалось, что преподавание и творческая деятельность критика и литературоведа совокупно составляли основу жизни отца. Причем ни та, ни другая сторона не существовали отдельно. И только гораздо позже я поняла, что была ещё одна, потаённая, сфера деятельности, привлекавшая его, и которой он словно стыдился. Ею было писательство. Понастоящему же я это поняла — смешно и стыдно сказать — всего лишь год назад, когда в руки мне попались уже неоднократно цитированные в этой статье дневники студенческих лет папиной сокурсницы Валентины Базановой. Именно там я прочла, как отец — однажды, во время одной из вечерних прогулок — признался ей, волнуясь, что видит своё будущее как писателя.

Почему он целиком и полностью не ушёл в прозу? Об этом я уже никогда не узнаю. Остаётся только сожалеть, что это не свершилось, во вся-

ком случае, так, как он сам того хотел. Потому что я твёрдо уверена, что ему было что сказать. И он мог сказать. Но не сказал...

Впрочем, в конце 80-х он всё же сделал попытку. Издал сборник своих военных (и не только военных) рассказов под названием «Я их помню». Маленькая книжка под мягкой обложкой, ценой 70 копеек, изданная Лениздатом. В сборниках псковских литераторов и другой периодике опубликовал ещё несколько рассказов и эссе. Был даже принят в Союз писателей. Хотя долго не хотел подавать для этого документы, и сделал это лишь под нажимом бывшего своего ученика по Ломоносовскому мореходному училищу, в своё время не без содействия папы оказавшегося в Пскове, а в то время уже возглавлявшего Псковскую писательскую организацию. Звали этого дорогого для папы ученика Александр Александрович Бологов.

И всё же... Я не раз замечала, что, насколько радостно и уверенно папа дарил свои литературоведческие книги, настолько же смущался и казался растерянным, даря людям сборник рассказов «Я их помню». Некоторым он так, видимо, и не решился подарить книгу: несколько экземпляров и до сих пор лежат — с дарственными надписями — в его столе. Чувствовал ли он себя в этой области самозванцем? Да и — сказать честно — в целом книга его военных рассказов прошла скорее незаметно. Было несколько — как это всегда в таких случаях бывает — восторженных отзывов. Пару раз рассказы читались по местному радио. Но серьёзного отклика он на свою прозу не получил.

Прежде чем начать писать эту статью, я пересмотрела папины книги. Книгу его рассказов я перечитала от начала и до конца. И, кажется, что-то поняла. Поняла, что отец со своими рассказами и своей особой, во многом автобиографичной, на грани документа, манерой повествования оказался тогда просто не ко времени. В 70-е и 80-е годы манера эта — я так думаю — воспринималась (даже заинтересованными читателями) скорее как недостаток, неумение писать художественно.

С тех пор, сначала на Западе, потом и у нас, появилось новое направление в современной литературе, получившее и своё особое обозначение — литература свидетельства (*littérature de témoignage*): к ней в первую очередь относится литература о концентрационных лагерях и о холокосте. Литературные критики начали говорить и об особом жанре — эгороманистике, отразившем веяния нового времени. Строго говоря, появилось всё это раньше, но узнали мы об этом лишь в последние два десятилетия.

Думаю, что отец инстинктивно и, несмотря на свой подчеркнутый традиционализм, именно в своей прозе был наиболее близок идеям и поискам литературы нового времени. Давая своей книге название «Я их помню», он наверняка не знал о существовании книги Жоржа Перека «Я вспоминаю», составленной из «маленьких фрагментов повседневности»,

которые представители одного и того же поколения видели, пережили, разделили между собой, но которые потом исчезли и забылись, не став частью большой Истории. Не знал он, скорее всего, и о книге американского художника Джо Брейнарда «I remember» (1975), которая, в свою очередь, вдохновила Перека. Но объединяла его с ними одна интенция: не дать случиться смерти дважды. Потому что второе умирание — стирание из памяти людской — ещё страшнее первого, физического. И потому в отцовской прозе — наряду с очерками о людях известных, ярких, уже, во всяком случае, оставивших свой след (отец писал о Томашевском, Эйхенбауме, Творогове, Колиберском, Скобельцыне, Л.А.Дмитриеве), — люди, никому не известные: боец Гасанов, капитан Петров, комбат Бурцев, наконец, пьяница Максимыч из нашего псковского двора, с которым они, как оказалось, вместе «Лиманы брали». Все они тоже — и тем более — имели и обретали в его прозе право на память.

Не уверена, что отец держал в уме и ныне столь часто цитируемую фразу Т.Адорно о невозможности заниматься литературой после Освенцима. Слава Богу, он и не знал Освенцима. Но знал войну. И сам столкнулся с проблемой — как писать, когда — невозможность физическая описать всю правду, а писать ложь (она же — вымысел) неловко.

Мне он как-то отдал экземпляр «Я их помню» с фразой, показавшейся тогда почти безнадежной. «Не выбрасывай это, — сказал он, — может, хотя бы тебе когда-нибудь пригодится».

Но теперь я твердо уверена (или просто хочу быть уверенной): эта книга пригодится не только мне. Придут новые читатели, и они поймут. «Племя молодое, незнакомое» — племя, в которое всегда верил отец.

И последнее, в качестве *post scriptum*'а. Сезон 1996-1997 был печальным для Пскова. Почти один за другим ушли из жизни В.П.Смирнов, Б.С.Скобельцын, Е.А.Маймин. Буквально год спустя на стенах домов, где они жили, появились мемориальные доски. Когда открывали мемориальную доску отцу, кто-то в толпе тихо, но так, чтобы было слышно, сказал: «А ведь это кончается старый Псков. Боже, как грустно!»

Екатерина МАЙМИНА

Справка: Urbi et orbi — «городу и миру» (латинск.)

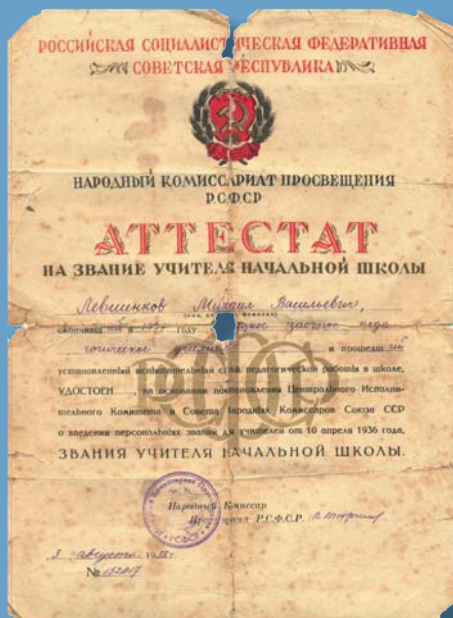
УЧИТЕЛЬ И ЛАГЕРЬ... СМЕРТИ

Долго сидела перед светящимся экраном компьютера, где на чистом листе написано только одно слово — «Учитель». Как часто мы произносим его в детстве — не реже слышим за нашу взрослую жизнь, но очень мало задумываемся о значении слова и людях этой профессии. Старое русское слово «учитель» несло в себе глубочайшую преданность обучению и воспитанию детей и окружающих. На селе и в небольших городках учитель всегда был самым уважаемым человеком.

Мне посчастливилось: я воочию видела такого Учителя, общалась с ним. Сейчас разбираю многочисленные документы из дома супругов Левшенковых, — письма, фотографии, публикации, книги, журналы, — собранные в единый музейный фонд. Каждый документ, фотография, письмо — открытие. Вот одно из них — «Учитель и лагерь смерти «Бухенвальд». 1941-1945 годы».

Журнал «Советская педагогика» (1967 г.) — о германо-советских связях: «Ганс Брумме сообщает, что в июле 1944 года был создан немецкий комитет народного фронта, при котором была организована комиссия по народному образованию. Задача этой комиссии состояла в том, чтобы выработать основные положения по преобразованию школы Германии в антифашистском духе; в этих целях члены комиссии особенно интересовались опытом советской школы. О ней два вечера подряд рассказывал один советский товарищ. «Это показывает, — отмечает Брумме, — как хорошо было налажено здесь сотрудничество представителей разных стран. Ведь этот доклад был организован подпольным Интернациональным комитетом лагеря по нашей просьбе. Сегодня мы знаем, что этим докладчиком был молодой советский учитель Михаил Васильевич Левшенков. Он организовал первую нелегальную группу, затем вошел в руководящий центр, отвечал за подпольную агитацию и пропаганду и был редактором нелегальной газеты. Сегодня он работает в одной из средних школ г.Новоржева Псковской области».

Некоторые факты жизни Михаила Васильевича того периода нахожу в письмах. Письма из Германии, в Германию — адресаты самые разные, но

1935 г.

М.В. Левшенков (1-й справа) с товарищами по оружию

по содержанию, духу письма едины: простота и искренность изложения, выражения признательности, чувства дружбы и уважения.

Из письма Михаила Васильевича: «Я никогда не забуду 18 октября 1941 года, когда нас, оборванных, измученных, истощенных, затравленных собаками по пути от Ваймера до лагеря, пригнали в Бухенвальд. В этот день вы — немецкие политзаключенные передали нам половину своего дневного пайка. Ваш пример был поддержан и многими другими национальностями. Кто-то донес в комендатуру, и вы были лишены питания на длительный срок и наказаны дополнительным стоянием на апельплаце. Не скрою, кусок хлеба нам был в то время очень дорог, но еще более нам было дорого видеть настоящих друзей вдали от родины. Снова вспыхнуло желание о справедливой мести за нашу общую поруганную честь, за наше общее унижение человеческого достоинства...».

«Побеги, как один из видов сопротивления, у нас остались позади. Из Бухенвальда бежать было невозможно. Мы стали искать новые виды борьбы. Во всех блоках, независимо одна от другой, создались вокруг наиболее сильных духом товарищей подпольные группы. Все они были объединены Николаем Симаковым, что потребовало создания центрального руководства. От каждой группы избирали по одному человеку. От группы блока 30 был выделен я. Мне поручено руководство сектором агитации и пропаганды, редактирование подпольной газеты «Правда пленных». Позднее, когда в лагерь стали привозить детей, на меня возложили заботу о них, создание подпольной школы в том числе. Пришлось заняться подбором учителей, составлением своеобразных программ».

В газете «Пионерская правда» (1957 г) учитель Н.Ф.Кюнг рассказывает: «В Бухенвальде находилось много ребят в возрасте от 7 до 12 лет. Это были дети расстрелянных фашистами партизан, партийных и советских работников. Наша подпольная организация с помощью немецких, чешских и французских коммунистов оказывала детям посильную помощь. Товарищи делились с ребятами своим скудным пайком, укрывали их от каторжных работ. Немецким коммунистам из лагерной администрации удалось добиться того, чтобы всех детей разместили в одном бараке.

Маленькие узники Бухенвальда были почти поголовно неграмотны. Лишь немногие до войны успели окончить один или два класса. По указанию подпольного Центра тайком от эсэсовцев для детей была открыта школа. Удалось достать бумагу, карандаши, ручки, перья, мел, небольшую доску и маленькие счёты. Немецкие товарищи где-то на складах обнаружили и тайно передали подпольной школе несколько русских учебников, не весть как попавших в концлагерь. Трудно передать сейчас, с какой нежностью, с какой горячей любовью и теплотой заботились о детях суровые, внешне даже страшные от истязаний и голода узники Бухенвальда.

«Принадлежности»
узника Бухенвальда

Школа размещалась в бараке №8. Вечером после работы ребяташки собирались там, и начинались занятия. А в это время товарищи следили, как бы в барак не пришли гитлеровцы. Если эсэсовцы появлялись, охрана немедленно давала знать учителю, и занятия прекращались. Дети без суеты и шума прятали свои школьные принадлежности и расходились по своим местам. Меня, учителя по профессии, всегда тянуло в барак. Однажды, к моему великому удовольствию, Михаил Левшенков, член Центра, предложил мне проводить занятия по истории и географии нашей Родины. В ночь перед первым уроком я почти не спал. Мне не терпелось скорее встретиться с детьми, заглянуть в их глаза...».

В 1942 году, когда окончательно сформировался Интернациональный комитет сопротивления, возникла взаимная необходимость знания языков. М.Левшенкову поручили заниматься с одним из членов комитета Вальтером Бартелем, профессором истории. «Я знал, что у меня будет необычный ученик. Признаться, немножко волновался перед первым занятием в блоке №7. Все последующие занятия я ждал с нетерпением, т.к. мне было приятно иметь такого собеседника и учителя немецкого языка. Ведь мы взаимно учили языку друг друга».

«Однажды, придя с заседания Интернационального комитета, Симков Николай мне сообщил, что группа немецких товарищей-педагогов работает над системой народного образования будущей Германии. Они хотят прослушать цикл лекций о системе народного образования в Советском Союзе. На очередном подпольном заседании нашего Центра мне официально было поручено продумать этот цикл лекций. Понятно, что печатных

источников для этой цели в условиях Бухенвальда не было. Я очень тщательно продумал логику изложения каждой темы, проконсультировался по частично забытым вопросам у компетентных товарищей, изложил кратко на заседании Центра. И только после утверждения я встретился с группой немецких учителей во главе с политзаключенным №4854 Хансом Брумме. Мы встретились четыре раза с перерывом в 2-3 недели.

Встречи эти происходили в ночное время в подвальных помещениях служебных зданий Бухенвальда. В день встречи, вернее в ночь встречи, за мной приходил один из немецких товарищей на 7 блок, где я в то время работал санитаром в ревире для военнопленных. Проводил меня до места назначенной встречи, а сам оставался на вахте — после лекции мы возвращались обратно. На лекциях он никогда не присутствовал. Имени его я не знал. Это, очевидно, один из товарищей сектора безопасности немецкого подпольного комитета.

Представлял меня и объявлял тему лекции всегда Ханс Брумме. На каждой лекции мне предоставлялось место между Хансом и переводчиком. Письменных тезисов я не имел, и на это мне не было дано права. Изложение содержания лекции шло в медленном темпе. Перевод делался сразу по окончании завершённой мысли, а порой каждого отдельного предложения. Ханс всегда делал в своем блокноте какие-то записи. По ходу лекции и в конце мне задавали много вопросов, особенно Брумме. Лекция и ответы на вопросы занимали времени 1,5 — 2 часа».

Небольшая выдержка из русского текста письма к Вальтеру Бартелю, 1959 год: «Особенно ярко сохранилась в моей памяти картина нашей совместной встречи 1945 Нового года. Блок №7, 6-я комната, приготовлены столы человек на 20. Скучный ужин из порционных лагерных эрзацпродуктов. К 10 часам вечера по одному, тайком стали прибывать товарищи: ты, Бусе, Гельмут, Марсель, Кипп и другие. На этом торжественном заседании от имени русских мне было поручено произнести речь. В своем выступлении, на пороге нового года, я задался целью заглянуть в будущее из темноты подполья. Когда я говорил, что в недрах немецких тюрем и лагерей зреет будущая миролюбивая Германия, зреет нерушимая дружба европейских народов..., тогда все мы брались крепко за руки и почти шепотом произносили слова на разных языках «Дружба». Заканчивая свою речь, я сказал, что близок тот час, когда все озверелое должно быть посажено в клетку и понести возмездие за свои тяжкие преступления. Правда восторжествует. Недалек тот час, когда святые слова «Мир», «Дружба» мы будем говорить не шепотом, не в тюрьмах, а произнесем во весь голос на больших площадях, с трибун международных и национальных организаций... Мои последние слова утонули в звуках дружно начатого Интернационала. Мы, представители разных национальностей, стояли, обнявшись вокруг стола с выражением благородной ярости на лицах и в едином

Последняя фотография супругов Левшенковых

стремлении к священной борьбе...». Была подготовка восстания, железная дорога, но уже с побегом, борьба в рядах чехословацких партизан, Советская Армия. Возвращение домой и учительство до ухода по состоянию здоровья в 1968 году. Но все годы в Новоржев и из него шли письма друзьям и от друзей, школьников Германии и Советского Союза:

Лейпциг, 1969 год, вдова Ханса Брумме: «...Не только я в моей семье хотела бы Вас видеть гостем, как хорошего советского друга, но и наша партия, немецкий институт физической культуры и спорта, в котором Ханс в последнее время работал. И многие учителя примут Вас как того, кем Вы для нас в действительности являетесь: образец мужественного учителя, борца против фашизма и верного друга наших лучших товарищей. С именами этих лучших антифашистов вошло и Ваше имя в историю воспитания. В статьях и учебниках Ваше имя и Ваши дела запечатлены навеки как пример советско-немецкой дружбы. В наших лекциях возвращаются ежегодно мысли многих студентов к Вам, когда мы практикуем тему «Учитель в антифашистской борьбе сопротивления».

Письма, телеграммы, поздравительные открытки учителю от учеников, родителей с 1947 года по 2003-й. Это и есть оценка труда Учителя, оставшегося в памяти далеко не только жителей маленького Новоржева.

*Марина ПАХОМЕНКОВА,
заведующая Новоржевским
историко-краеведческим музеем*

УЧИТЕЛЬ! ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Два года назад ушёл из жизни Николаев Павел Петрович, истинный, не сломленный жизнью Защитник и Гражданин России. Павел Петрович был многогранно одарённым человеком, яркой личностью. Он мог бы стать блестящим учёным, исследователем, психологом, артистом, а был просто Учителем.

Родился Павел Петрович 22 июля 1919 года в Ленинградской области. По окончании 7 класса в 1934 году поступил в техникум точной механики и оптики. Но учёбу в Ленинграде пришлось прервать, так как в апреле 1935 года семья Николаевых была репрессирована, и Павел с мамой оказался в Молотовобадском районе Таджикистана, где и закончил 10 классов. Поступил в Сталинобадский пединститут на заочное отделение, одновременно работая в школе. Причём преподавать с одинаковым успехом ему приходилось практически всё: литературу, русский язык, физкультуру, рисование, пение, математику и любимую физику. И, кроме того, он руководил драмкружком.

Мирный труд был прерван войной: в июне 1942 года Павла Петровича призвали в Красную Армию — он оказался в Саратове. Затем попал в запасной полк зенитной артиллерии, расположенной близ станции Бекетово, где принял присягу. После месяца учёбы 23 августа полк был отправлен в Сталинград. Во второй половине дня полк на барже переправили на противоположный берег Волги. Едва успев выгрузиться, они увидели, как на Сталинград со всех сторон пошли вражеские самолёты. Бомбы попали на нефтебазу — город заволокло чёрным дымом. Буквально на глазах мирный город превратился в руины. Часть перебросили в Астрахань на охрану железной дороги и нефтебаз. Зенитная батарея, в которой служил Павел Николаев, в числе других обеспечивала бесперебойное движение эшелонов по железнодорожной ветке Астрахань-Саратов. Именно по этому направлению шло снабжение действующей армии горючим, и фашисты нещадно бомбили железную дорогу, стараясь нарушить жизненно важную артерию. Павел получил ранение и попал в госпиталь. Его полк перебро-

Лидия Георгиевна и Павел Петрович Николаевы

силы под Одессу, и после выписки из госпиталя его командировали в запасной полк под Сталинград.

В июле 1944 года Павел Петрович форсировал Вислу — задачей бойцов было захватить и удержать плацдарм на противоположном берегу. Плацдарм захватили, но расширить его не смогли: пошли на соединение с соседней частью на Сандомерский плацдарм и заняли оборону на переднем фланге. В январе 1945 года началось наступление по всему фронту. Часть Павла Петровича была переведена во второй эшелон, целью которого было уничтожить фашистов, скрывавшихся в лесах, — погибло много наших солдат. С боями дошли до Бреслау, где засела 45-тысячная гитлеровская группировка. Очень важно было не выпустить противника из города. Именно здесь, в Бреслау, Павел Петрович узнал о Победе. Но служба для него закончилась только в ноябре 1945 года: он был зачислен в запасной полк в Узбекистане. 13 ноября пришёл приказ о демобилизации, а 14 ноября Павел Петрович уже вышел на работу. Вернулся затем в Таджикистан, где вскоре был назначен директором школы.

До войны, живя в Таджикистане, он познакомился с Лидией Георгиевной — её семья также была репрессирована. Лидия Георгиевна, ещё не окончив среднюю школу, начала работать воспитателем в Детском доме, так как отец тяжело болел, а в 10 классе была одновременно и ученицей, и учительницей. Война застала её на летней сессии в Душанбинском пединституте.

И, начиная с 22 июня 1941 года, Лидия Георгиевна забыла об отдыхе и каникулах, праздниках и выходных, выкраивая лишь короткое время

для сна. Удивительно, как выдерживал организм: мужчины-учителя — на фронте, а оставшимся в школе женщинам приходилось работать в две смены. Третья смена проходила на уборке хлопка. Но, уставшая за день, девушка шла в госпиталь — помогала выводить изнурённых жарой раненых на свежий воздух, встречала санитарные поезда с фронта, вынося носилки с ранеными из вагонов; читала бойцам пришедшие им письма, под диктовку писала ответы. Жизнь не баловала, однако Лидия Георгиевна и её подруги собирали посылки на фронт, и никто не жаловался, понимая, что на фронте ещё труднее. После войны Павел Петрович и Лидия Георгиевна поженились.

В 1949 году супруги Николаевы приехали в Вошьшово и стали работать в школе: Павел Петрович преподавал физику, Лидия Георгиевна — литературу. Оба педагога, являясь глубоко нравственными людьми, настоящими интеллигентами, давали не только прекрасные знания по своей специальности, но и уроки общей культуры, этики и эстетики. Лидия Георгиевна, работая завучем, факультативно вела уроки истории искусств, благодаря чему Актный зал школы украшала галерея репродукций картин известных русских и зарубежных художников. Процветала художественная самодеятельность не только учащихся, но и поселковая, ставились серьезные драматические спектакли, где активно принимали участие и Лидия Георгиевна, и Павел Петрович. Школа участвовала в различных олимпиадах, конкурсах и смотрах, добиваясь хороших результатов. Павел

Учителя Вошьшовской школы на репетиции

П.П. Николаев с выпускниками 1966 года

Петрович активно пропагандировал современные достижения науки и техники, читал лекции с демонстраций научно-популярных фильмов на разные актуальные темы в поселковом клубе или на улице (летом). Оптимист и эрудит, обладавший тонким юмором и прекрасной памятью, он доходчиво и живо доносил до слушателей — будь то любая аудитория — материал любой сложности и глубины.

Особенно повезло тем, у кого Павел Петрович был классным руководителем, — до последних дней его жизни проходили тёплые встречи с учениками первого, 1955 года, выпуска. Он искренне радовался успехам своих бывших учеников, помогал советом и участием в сложных жизненных обстоятельствах. Они с благодарностью вспоминали время, когда жизнь была ключом под его умелым и неутомимым руководством: совместные литературные чтения, выпуск стенгазеты «Искорка», коллективные походы в кино с последующим обсуждением, спортивные соревнования и лыжные прогулки по парку. На встречах 2000-х годов Павел Петрович, как в 50-х, читал наизусть Пушкина, Некрасова, Тютчева. В те годы не принято было говорить о вере. Но чувствовалось, что он жил с Богом в душе. Он обладал важными качествами православного человека — смирением и прощением; у него не было ни капли снобизма и высокомерия, а ведь Павел Петрович был энциклопедически образованным человеком,

но при этом умел просто и доступно говорить о сложном и великом — Великой Отечественной войне, Родине. Он всегда имел право сказать: «Честь имею!»

И Павел Петрович, и Лидия Георгиевна были всегда подтянутыми, элегантно одетыми, доброжелательными, красивыми и мудрыми — являлись образцом того, что «...в человеке всё должно быть прекрасно...»; притягивали к себе и пользовались непререкаемым авторитетом, искренней любовью своих учеников и односельчан. Да к тому же школа тогда располагалась в бывшем графском дворце, и эта гармония Вольшовской школы дала прекрасные плоды: сотни учеников стали инженерами, агрономами, экономистами, зоотехниками, юристами, медиками; есть среди них и архитекторы, и кандидаты технических и юридических наук, и журналисты. Но, пожалуй, большинство выпускников, вдохновлённых примером любимых учителей, посвятили себя педагогической деятельности, многие стали заслуженными учителями. А кто-то стал рабочим, кто-то трудится на конюшнях, полях и фермах конезавода «Псковский»... Но все ученики Павла Петровича и Лидии Георгиевны, где бы они ни трудились, как подарок судьбы, вспоминают годы учёбы у этих Учителей.

Они прекрасно воспитали и своих детей, внуков. Дочь Ольга стала архитектором-художником, а Наталья, имея педагогическое образование, всю себя отдала семье, воспитав троих сыновей. В настоящее время она работает программистом. К сожалению, Лидия Георгиевна умерла в 1997 году, Павел Петрович достойно прожил без неё 11 лет. До последних дней весь его облик — от всегда до блеска начищенных ботинок, аккуратной одежды, стройной осанки, доброжелательности и остроумия, — вселял невольное уважение в каждом, кто встречался на его пути. Он был словно маяк, указывающий правильные жизненные ориентиры, и с уходом его света на Земле стало значительно меньше.

Ратный труд Павла Петровича был оценён многими наградами, но, к сожалению, его плодотворная педагогическая деятельность оказалась недооценённой: он был отмечен лишь знаком «Отличник народного образования РСФСР» — других регалий не получил, что несправедливо, так как всей своей жизнью доказал, что он воистину народный учитель. Лидия Георгиевна была удостоена медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За трудовое отличие». Такие люди — соль Земли Русской, и присвоение Вольшовской средней школе имени педагогов Николаевых было бы им заслуженной памятью.

*Людмила САВЕЛЬЕВА,
архитектор; выпускница
Вольшовской школы*

О МОЁМ ОТЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФРОЛОВЕ

Более 50 лет Александр Семёнович Фролов посвятил педагогической деятельности, из них около сорока — Псковскому государственному педагогическому институту имени С.М.Кирова. Возглавлял кафедру английского языка, был деканом факультета иностранных языков. Сам он позднее вспоминал, что о вакансии на только что открытом факультете иностранных языков Псковского пединститута ему сообщил однокурсник Владимир Ежов и... «24 марта 1964 года ректор ПГПИ Иван Васильевич Ковалёв оформил меня ассистентом кафедры английского языка с окладом в 105 рублей. Меня благожелательно встретила заведующая кафедрой Ирина Михайловна Оницканская (Деева), сразу поручившая мне группу студентов для педагогической практики в школе №11, — так началось моё первое крещение институтской работой.

Первоначально жил в студенческом общежитии — в комнате нас было четверо: студенты Блинов, Фадеев, Горский и я. Летом по ходатайству И.В.Ковалёва мне выделили комнату в 48 квадратных метров в доме 17 «б» по ул.Леона Поземского — и в августе я привёз в Псков свою многочисленную семью. Моими первыми покровителями, которые проявляли ко мне и моей судьбе внимание, и я чувствовал их заботу, были Сарченко Григорий Федотович и Лобицкий Василий Яковлевич...»

Как он любил жизнь и свою работу, может сказать каждый, кто знал его, работал с ним, был его учеником, студентом, стал его коллегой, единомышленником. Я была просто его дочерью.

Главным увлечением Александра Семёновича были языки. После окончания Красноуфимского педагогического училища работал в школе, его учениками были русские и татарские дети. Одна родительница подарила ему учебник татарского языка — и он стал его вторым иностранным языком после немецкого, на котором Александр свободно говорил ещё школьником. В 1950 году поступил в Свердловский институт иностранных языков на английское отделение. Совсем неожиданно пришлось изучить французский язык: однокурсница подарила роман Ромэна Роллана «Кола

А.С. Фролов. Фото из семейного альбома

Брюньон». Другой случай заставил взяться за итальянский. В Сведловский Обком партии из Москвы пришло письмо с просьбой найти студента, который смог бы переписываться с молодым итальянцем Эральдо Кассионерию — и в комсомольском бюро поставили перед фактом: «Ты уже знаешь французский — теперь изучишь и итальянский». Так завязалась первая переписка. Вторая была с японским студентом Цунедзи Сакакибара. Так в багаже отца оказалось шесть языков. В 1963 году друг В.Ежов подарил «Португальско-чешский разговорник» и список пополнился ещё двумя языками — их изучение становилось нормой. К 77 годам он уже владел 27 языками: 16 — в активе и 11 — в пассиве.

Трагическая гибель в 2007 году главы большого семейства (у него было 4 детей, 5 внуков и 5 правнуков) вырвала из жизни человека неординарного, любящего работу, семью, увлекающегося музыкой, языками.

Я с детства видела его чаще всего за рабочим столом, склонившимся над книгами и тетрадками. Его рабочий день начинался в 5-6 часов утра: гимнастика, сладкий чай — и работа. Потом он уходил в институт, возвращался поздно вечером. Я, как и любой ребёнок, подбегала к нему, чтобы задать вопросы, накопившиеся за день, он отвечал и задавал встречные — об успехах в школе, дома. Поужинав, он вновь садился за рабочий стол. В его жизни не было ни выходных, ни праздников. Были только минуты, реже — часы отдыха, когда он любил сесть за круглый стол, чтобы помочь стряпать пельмени (любимое блюдо семьи), а заодно поговорить о жизни, рассказать детям о предках. Он был отличным рассказчи-

ком и оратором. Играл на баяне. Любил театр, кино, много читал. Всё это, вероятнее всего, пришло из детства. С юного возраста его любимым местом была библиотека. Гармонь, народная музыка окружали его тоже с детства. Уже в зрелые годы он часто проводил отпуск на Урале (откуда был родом) с магнитофоном за плечами, переходя из деревни в деревню, чтобы записать и сохранить самобытные народные мелодии: верхне-артинскую, улошную, ураимку, поташинскую, шемагинскую, тюльгашинскую, берёзовскую, сухановскую, гамоюнскую «мамонька», ...

Владение ораторским мастерством, как ни удивительно, тоже пришло из детства: частенько он ходил с отцом на колхозные собрания — иных развлечений в деревне не было...

Воспоминания, которые отец успел оставить нам, заканчиваются словами: «Моя жизнь была сплошной учёбой, а учёба — удовольствием».

Любовь ФРОЛОВА

Годы
и люди

«...НА ЧУДЬСКОМ ОЗЕРЕ, НА УЗМЕНИ...»

17 июня, в четверг, я пошла на Александро-Невские чтения, чтобы до их начала переговорить с отцом Олегом. Приятной неожиданностью для меня стало то, что вести чтения пожаловала И.К.Лабутина, известный археолог, и я осталась послушать её: Инга Константиновна рассказывала о Ледовом побоище и об экспедиции Г.Н.Караева по уточнению места сражения — участницей этой экспедиции была и она. Я попросила Ингу Константиновну дать её интереснейший материал в следующий номер «Псковского летописца». «Материал надо собирать воедино — он у меня в отрывках и в большей степени ещё в голове. Времени совсем нет», — «живая история» на сей раз от меня ушла...

... У сувенирного киоска в Пушкинских Горах ожидаю назначенной встречи. Время «убиваю» просмотром «товара». К одной и той же исторической книге тянутся руки двух дам, которые перекидываются несколькими «краеведческими» фразами. И вдруг: «А моя подруга — гидролог Татьяна Юрьевна Тюлина — принимала участие в экспедиции к месту Ледового побоища... Ингу Константиновну знаем... А с Татьяной Юрьевной могу вас познакомить — и ей будет интересно...».

С Галиной Фёдоровной Сергеевой договариваемся по возвращении в Москву созвониться — она подготовит Татьяну Юрьевну к моему визиту.

Пышущая жаром Москва (до 35 градусов; дым от горящих торфяников Подмосковья и соседних областей) долго не даёт нам встретиться, но перед очередной поездкой в Псков я не выдерживаю и 15 июля отправляюсь в сторону Преображенской площади. Татьяна Юрьевна пытается объяснить, как проще найти её дом на 2-й Пугачёвской улице, но на Преображенском кладбище (окна квартиры Т.Ю. выходят на него) я бывала — посещала могилы Ивана Никитича и Елизаветы Ивановны Морозкиных, деда и тётки Елены Николаевны Морозкиной, так что найти адрес труда не составило.

Татьяна Юрьевна, невысокого роста, худенькая, но крепенькая и стройненькая, в футболке и спортивных брюках, только что вернулась из

И.К. Лабутина
Фото автора

Т.Ю. Тюлина
Фото автора

парка (Лосиноостровского, спасающего жителей района от невыносимого зноя) после своей традиционной 13-километровой прогулки. Своими воспоминаниями делится щедро и с удовольствием, показывает альбом экспедиционных фотографий.

Прошу рассказать то, чего не прочтёшь в книгах, — «Ледовое побоище. 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища». Изд. «Наука», М. -Л., 1966. и Г.Н.Караев, А.С.Потресов. «Загадка озера Чудского». М., Молодая гвардия. 1976 /2-е издание/.

— Экспедиция, можно сказать, была самостоятельной, но научной. Её организатор — Георгий Николаевич Караев, генерал-майор, военный историк (преподавал историю в Военно-транспортной академии) и руководитель военно-исторической секции Ленинградского Дома учёных. Человек неугомонный, он тем отличается от остальных историков, что у него военное мышление. Он захотел найти ответ на вопрос: почему тонули рыцари, если толщина льда 50-60-70 сантиметров, — танки ходят по такому льду!

Сначала Георгий Николаевич поехал с сыном Олегом в Самолву. Нанял рыбацкую лодку — поплыли на остров Сиговец. Увидели дикую козочку — она тонула. Её Олег спас, а рыбак говорит: «Вот проклятая сиговица — здесь все тонут. И зимой здесь тонкий лёд». Слова рыбака насторожили Караева. Вернувшись в Ленинград, он попросил друга сделать в апреле

Г.Н. Караев. Чудское озеро.
Публикуется впервые

Геодезическая съёмка
в окрестностях Самолвы.
Публикуется впервые

аэрофотосъёмку предполагаемого места битвы. Результат вылета на Тёплое озеро (древнюю Узмень): на «сиговице» нет льда — полынья, место свободно ото льда. Караев задался вопросом: какой климат был в то время? С этим вопросом Георгий Николаевич пришёл в Гидрометеорологический институт, где я тогда училась на 3 курсе. Меня вызвали в деканат и рекомендовали Караеву. Был сформирован отряд из 9 студентов — и в 1957 году гидрологи выехали на место...

Экспедиция привлекла внимание людей неординарных, одухотворённых — я до сих пор испытываю этот дух. Взаимопонимание, взаимодействие, раскрепощённость, свобода... Свобода для человека — вещь необходимая: раб ничего не может... Сказалось и время — «оттепель»... Нам очень повезло со временем: второй экспедиции не получилось, потому что с середины 1960-х произошёл поворот к сталинизму... Сейчас, к сожалению, преобладают тёмные силы... Мне жаль тех, кто тратит трудом нежитое богатство на Куршавель или бутылку шампанского за тысячи евро, — это духовно убогие люди, они ничего не понимают... Но их время скоро пройдёт — верю, что мы с вами до этого доживём...

...К исследованиям были привлечены люди всех необходимых специальностей, даже филологи... Караев — обаятельный человек: зажигал всех

Е.В. Шолохова, археолог, и Т.Ю. Тюлина, гидролог.
Публикуется впервые

и потому получал всё, что было необходимо для экспедиции. Понадобился, к примеру, флот — пошёл в Псковское речное пароходство, и нам выделили несколько пароходов и катер для водолазов...

Вы говорите, случайно встретились с моими друзьями? Случайного ничего не бывает — нас кто-то ведёт свыше... Понадобились экспедиции байдарочники, но где их взять? В то время и байдарки-то достать было трудно... Однако байдарочники у нас появились...

В витрине киоска я увидела альманах «Туристские тропы» (кажется, приложение к газете «Советский спорт») со статьёй А.С.Потресова «По древнему водному пути». Через редакцию «Советского спорта» я описала ему «географию» нашей экспедиции. Спустя неделю получаю восторженный ответ: «Мы согласны принять участие в экспедиции». Потресов ходил с нами три лета подряд — его походы описаны в книге «Загадки озера Чудского». Под руководством Александра Сергеевича мы сделали байдарки...

Самой результативной оказалась экспедиция 1958 года, потому что в ней приняли участие максимально все профессионалы: топонимисты, археологи, геологи, гидрологи, физики с чувствительными приборами (из ЛГУ), военные водолазы, пароходы, катер, вертолёт, киношники — Студия научно-популярных фильмов... Байдарочники прошли и второстепен-

ным водным путём — по рекам Желча, Плюсса, Луга, Шелонь — до Ильмень-озера, Новгорода, — который соединялся с южной частью Чудского озера...

Археологи производили раскопы и после бесед с деревенскими старожилками... Где быстрее течение, там тоньше лёд — этого не могли не знать местные жители... Обнаружили кладку крепости Городец — ныряли и мы, и водолазы. «Откопали» древние водные пути. Сделали много интересных открытий: установили причины образования полыней (выходы песчаников), влияние перемены атмосферного давления на водную поверхность. Установили, что акватория озера 700 лет назад была другой: существовали реки, полуострова, а не острова. Остров Вороний составлял единое целое с островом Городец. Измеряли направление скорости течения — оно менялось. Под водой увидели старые берега... На глубине 2-х метров нашли фундамент церкви Михаила Архангела, которая стояла здесь, на берегу Озолицы, до XV века (позднее была построена уже в Кобыльем Городище), и пни старых деревьев. Городец был значительно больше, как и остров Пириссар, а острова Станок и Лежница составляли один большой остров Озолица. Вороний Камень был расположен на западном мысу острова Городец и по своему местоположению должен был хорошо виден с проходящих судов — он и указан в летописи как ориентир... 700 лет назад северная часть Тёплого озера (древняя Узмень) была ещё более сужена островами, которые, как мы установили, были значительно большими. Чудское озеро соединялось тремя узкими протоками, главная — у Вороньего Камня (современные Большие Ворота), и основная масса воды из Псковского озера в Чудское проходила с максимальной скоростью течения. Поток в восточном русле испытывал меньшее сопротивление и, кроме того, должен был в основной своей массе проходить именно у Вороньего Камня, так как это самая правая протока в Чудском озере. Ледовое побоище происходило в начале весны, когда приток талых вод сильно увеличивается. Вскрытие озера в Больших Воротах должно происходить раньше, так как здесь увеличивается скорость течения. Лёд у Вороньего Камня был менее прочным — возможно, и вовсе отсутствовал, если зима 1242 года не была суровой...

... Энтузиазм был невероятный! Во всём нам помогали местные жители, работники рыболовецкого колхоза имени Александра Невского. Сначала наш отряд расквартировали в школе, но скоро нас по своим домам разобрали самолвяне — они гордились тем, что у них остановились исследователи, и переживали вместе с нами наши успехи. Они регулярно слушали в клубе наши отчёты о ходе изысканий — приходили из Пнево, за 10 километров, из Кобыльского Городища. Мы ничего не могли купить в Самолве — жители деревни нам всё давали бесплатно, так что мы питались отлично.

Александр Сергеевич Потресов.
Фото из архива Т.Ю. Тюлиной. Публикуется впервые

По окончании экспедиции мы делали доклады в Ленинградском отделении Института истории и археологии РАН. Историки ополчились против Караева, его концепции. Нападали и на Потресова, даже на меня — не верили... Такие смешные были вопросы — не специалистов, не по существу, кабинетные. А мы копали высокопрофессионально. Не оспаривали лишь древнюю акваторию — тут факты налицо... Потом кабинетные исследователи всё же «прогнулись»...

Экспедиция была уникальной, неповторимой — историки на такое неспособны... Георгий Николаевич Караев — интереснейший человек: он служил кадетом в охране Николая II в Царском Селе; его отец был героем Шипки, и Георгий Николаевич каждый год ездил в Болгарию — его там на руках носили...

...Через 50 лет я вернулась к месту Ледового побоища — для Первого канала готовили программу «Цивилизация». Но они многое исказили, объяснив всё обязательным присутствием интриги в любой современной передаче. Мы написали создателю «Цивилизации» возмущённое письмо, но ответа не получили...

Нас, участников экспедиции, осталось трое: Галина Николаевна Складневская (Шестерякова), филолог, — мы дружим, Инга Константиновна Лабутина (Голунова), археолог, и я, гидролог. Слава Богу, меня не беспокоят болезни, свойственные моему возрасту, потому что со студенческих лет я занимаюсь спортом... Байдарку продала недавно... год назад... — не нашлось партнёра... И гуляю в любую погоду...

*С Т.Ю.Тюлиной беседовала
Тамара ВЕРЕСОВА*

Справка: сиговица — от слова «сиг», северная промысловая рыба из семейства лососёвых, наиболее нуждающаяся в кислороде и скапливающаяся зимой в проталинах

Что имеем —
не храним

ТРАГЕДИЯ ВОЛЫШОВА

Дорогие читатели, хочу поделиться с вами сведениями, впечатлениями, болью моей души за историю Отечества, отражённую в трагической судьбе села Волышово, что в 18 километрах от Порхова и в 100 — от Пскова.

Так случилось, что около 30 лет назад я познакомилась с кандидатом исторических наук Проскуряковой Галиной Васильевной, дочерью Проскурякова Василия Григорьевича, служившего фельдшером у графа С.А.Строганова. Встреча с Галиной Васильевной на меня, учителя математики, произвела очень сильное впечатление, которое, можно сказать, определило мою дальнейшую жизнь: я стала заниматься краеведением, всё больше углубляясь в историю Волышова, по мере сил пытаюсь внести свою лепту в его спасение...

Волышово — уникальный ансамбль архитектуры и паркового искусства XVIII—XIX веков. Имение Васильчиковых-Строгановых по размерам превзошло все поместья северо-запада России — оно занимало более 100 гектаров земли.

Главным украшением усадьбы явился её центр, гармонично объединивший здания, различные по стилю и назначению. А великолепный пейзажный парк, переходящий в лес, является произведением ландшафтного искусства. Общая пространственно-объёмная композиция усадьбы определена её функциональным назначением: это не просто загородная дача — здесь разводили чистопородных русских (орловских) рысаков, поэтому здания конюшен в общей планировке поместья явились одним из главных связующих начал.

В 60-е — 80-е годы XX века в селе ещё сохранялись почти все главные здания, которые использовались под жильё, хозяйственные, административные и общественные нужды по-прежнему существующим конным заводом. В бывшем графском доме размещалась средняя школа, с интер-

натом в графской земской начальной школе. Бывший храм использовался как клуб.

Тогда же под руководством архитектора Бориса Степановича Скобельцына проводились работы по обследованию и разработке проектной документации на реставрацию памятников, выборочно проводилась реставрация наиболее изношенных зданий усадьбы.

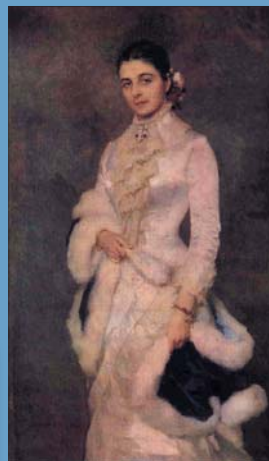
...Со второй половины XVIII века Волышовом и окружающими его деревнями владели помещики Овцины — Татьяна Даниловна и Илларион Николаевич, генерал. Их дочь Екатерина вышла замуж за Василия Алексеевича Васильчикова — её приданым и стало Волышово. После смерти В.А.Васильчикова имение досталось его сыну Дмитрию (1778-1850), который скупил земли вокруг Волышова, стал украшать центр своего поместья задолго до того, как сделался его полноправным хозяином (Он был генерал-майором, командовал Ахтырским гусарским полком армии Багратиона в 1812 году; его портрет находится в Военной галерее Зимнего Дворца). Рядом с главным домом, заново отстроенным и просторным, была возведена домовая церковь с тремя портиками дорического ордера — возможно, её предполагалось сделать усыпальницей. В храме был красивый позолоченный иконостас. Центром села стал архитектурный комплекс — Парадный круг, в середине которого был построен небольшой, но очень красивый открытый павильон, — голубятня над колодцем. Перпендикулярно голубятни была проложена широкая берёзовая аллея (позднее заменённая дубовой) к парадному въезду с чугунными воротами, далее она продолжалась ивовым прогоном до самого конюшенного комплекса (в форме каре) в Дорогинях. Завершением этой прямой перспективы является надвратная башенка из красного кирпича (как и все конюшни), увенчанная флюгером.

Была расширена речка Вогоща; на гранитных устоях были сооружены запруды со шлюзами, а около каждого из них — пруд декоративного или хозяйственного назначения: близ конюшен и прачечной — с мостками, у въездных ворот — с лодочной пристанью, близ господского дома — с островком и местом для катка, а ещё ближе к дому — с новым глубоким водохранилищем и купальней в нём.

От комплекса «парадного круга» в парк вели две аллеи: берёзовая (позднее — дубовая, служившая одновременно и прогоном для лошадей) и липовая. На месте, где ранее проходила большая дорога, была посажена лиственная аллея (а дорогу перенесли на другую окраину села). К этой аллее примыкала центральная зона парка — крокетный луг, окружённый с севера и запада посадками сосен («сосонки»), а с восточной стороны — небольшой дубовой рощей («дубки»). Параллельно лиственной аллее была проложена дорога, отделяющая парк от леса. Обе дороги образовывали беговой круг для тренинга лошадей. Южнее от лиственной аллеи

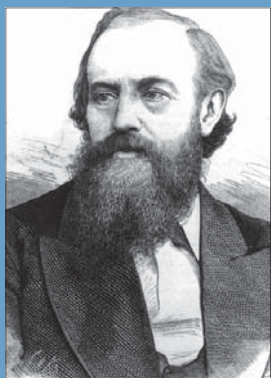
О. Тишина.
Портрет графа
А.С. Строганова
Государственный
Русский музей

А.П. Соколов
Портрет Е.А. Строгановой.
Псковский
музей-заповедник

Граф С.А. Строганов –
последний владелец
Волышова.
Фото Левицкого, 1880-е гг.

Архитектор
М.А. Макаров

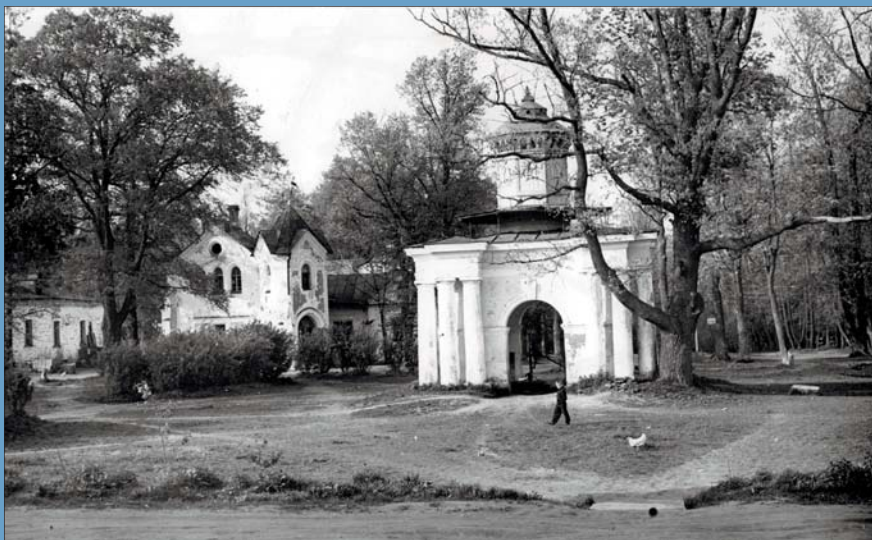

Выезд «четвёркой» с английской конюшни.
Фото В.Г. Проскурякова. 1913 г.

Вид на беседку-голубятню и барский дом.
Фото Б.С. Скобельцына. 1964 г.

Беседка-голубятня.
Фото Б.С. Скобельцына. 1964 г.

был сформирован боскет из лип. Рядом с ним находилась ветряная мельница; позднее в парке были построены «птичник» и «псарник», фасады которых хорошо просматривались из барского дома. У графского дома на террасах были организованы партеры с декоративными растениями — в поместье имелись теплицы и оранжерея. Кроме того, у Строгановых был свой питомник: пихта, туя; лиственница с нежной короткой хвоей, мелкими шишками, прямым тонким стволом; ель плакучая (Дальний Восток, Япония); сосна Веймутова; сосна кедровая, сибирская; пихта европейская двустовольная (Карпаты); сосна Вейгелла; клён серебристый Вира (Северная Америка); клён Геналла (Япония, Китай); клён красный, берёза декоративная, лох серебристый (Северная Америка), липа крымская, сибирская... Так как в усадьбе занимались и животноводством, по краям парка из хозяйственной зоны и в сторону Дорогинь были устроены прогоны для скота, обсаженные ивами.

На окраине села сохранились хозяйственные постройки из валуна, на одной из них выбита дата — «1822 год», драгоценное свидетельство превращения «сельца Вольшово» в выдающийся памятник архитектуры.

Д.В.Васильчиков в 1840 году переселился в другую свою усадьбу — Князьки Горки, отдав Вольшово и часть своих имений в приданое за дочерью, вышедшей замуж за А.С.Строганова — внука своего друга. Имение было объявлено майоратом.

Александр Сергеевич Строганов — полковник (в отставке) Преображенского полка, выпускник Московского университета, большой знаток нумизматики, был много богаче прежнего хозяина. При нём в 1857-1862 годах над преобразованием Вольшова трудился петербургский архитектор Михаил Алексеевич Макаров. Очевидно, именно тогда комплекс Парадного круга в основном был сформирован. По проектам М.А.Макарова был реконструирован графский дом и построена огромная ферма. За эти проекты архитектор получил звание профессора Академии художеств.

Только специалисты в полной мере могут оценить, как удалось М.А.Макарову объединить в единый ансамбль столь разнообразные по стилю, времени и назначению сооружения. Посредством террас, лестниц внутреннее пространство дворца сливается с окружающим ландшафтом. Интерьеры первого этажа были решены в торжественном, парадном стиле: поражает красотой пол из наборного паркета ценных пород с изысканным растительным рисунком в столовой; там же были зеркала, гобелены, художественная мебель. Интерьеры второго этажа оформлены в модном стиле — в их отделке использовался английский ситец с цветочным узором.

Достоинство здания заключалось и в применении передового инженерного обеспечения — водопровода с башенным резервуаром (мастерски встроенного, в виде башенки, в мансарду за аттиком) и отопления печами особой конструкции.

Васильчиковы, Голицыны, Щербатовы,
сестры графа С.А. Строганова перед охотой. 1890-е годы

«Зверинец».
Фото Б.С. Скобельцына. 1964 г.

«Псарник».
Фото Б.С. Скобельцына. 1964 г.

Ветряная мельница (не сохранилась).
Фото В.Г. Проскурякова. 1910 г.

Конюшни в Дорогинях. Надвратная башенка.
Фото Б.С. Скобельцына. 1983 г.

Охотник М.И. Грубов на казачьей (арабской) лошади.
Фото В.Г. Проскурякова. 1910-е г.

А.С.Строганов не успел довести до конца задуманное — он умер в 46 лет (в 1864 г.), оставив трёх дочерей и сына. В 70-х годах, выйдя в отставку в чине капитана второго ранга, постоянным жителем Волышова стал Сергей Александрович Строганов. Он женился на своей троюродной сестре Евгении Александровне Васильчиковой, и в Волышове закипело строительство: были реконструированы и возведены начальная школа, буфет, конюшни, дом управляющего, манеж, новый псарник, амбулатория, кирпичная сторожка у чугунных ворот. С.А.Строганов строил больницы, дороги, школы; он жертвовал на создание в Пскове реального училища. Меж тем в его судьбе произошли большие перемены: в 1882 году умерла мать, а затем и дед. С.А.Строганов стал главой майората — владельцем всего неделимого имущества: имений, дворцов, капиталов, уральских заводов. В России было около 20 подобных майоратов — таким образом правительство спасало от дробления и разорения самые выдающиеся состояния. Для управления майоратом в Петербурге в главном дворце Строгановых, на углу Невского проспекта и набережной Мойки, находилась главная контора, с отделением в Пермской губернии. Но не успел последний волышовский граф почувствовать в полной мере своего могущества, как неожиданно на 22 году жизни (в 1884 г.) умерла жена, — счастье оборвалось внезапно. Граф был безутешен. Похоронили Евгению Александровну в Новгородской губернии, в 44 километрах от Шимска. В память о Е.А.Строгановой в 1885 году учреждена больница в Железницах (Дедовический район) и в Александрове (Порховский район). С.А.Строганов долго горевал, потом уехал в Петербург, а оттуда навсегда — во Францию... Несмотря на его отсутствие, дом и всё хозяйство жили: вещи находились на своих местах; в 90-х годах был сделан капитальный ремонт главного дома, установлена красивейшая мраморная лестница, привезённая из Италии. Конный завод, охотничье хозяйство, ферма участвовали в конкурсах и выставках. Рысаки шли на продажу, представляя конезавод на состязаниях в России и за рубежом. Каждую осень собирались в Волышове гости для празднования дня рождения хозяина, охоты и других развлечений. В верхнем этаже для них были отделаны персональные номера — баронов Ферзенов, князей Васильчиковых, Голицыных, Щербатовых, Новосельцевых...

В последние три десятилетия перед революцией графский дом 11 месяцев в году стоял запертым. В сентябре, когда съезжались гости, дом оживал: горели свечи, звучала музыка. Постепенно дому и его интерьерам стал придаваться музейный дух: обстановка, утварь, инвентарь оставались на своих местах. Однако хозяйственная деятельность была активной, за порядком следили трое управляющих: один был главным, другой управлял конным заводом, третий — охотой; конторский и дворецкий.

Умер С.А.Строганов в Ницце в мае 1923 года...

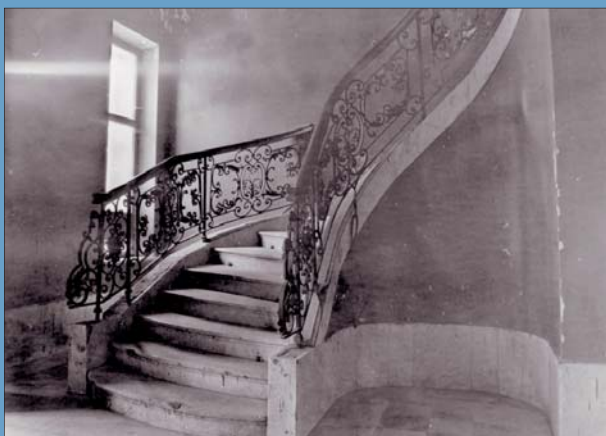
...С 1920 года по 1924-й в графском доме размещался сельскохозяйственный институт, переведённый из Алтуна (затем он «переехал» в Петербург). Из воспоминаний Ершова Ивана Сергеевича, записанных в 1983 году Г.В.Проскуряковой, узнаём: «Это было тяжёлое и бурное время для нашей Родины. Гражданская война, голод в стране, коллективизация... С продовольствием в то время было плохо в городах, и поэтому к нам охотно ехали крупные учёные, академики и профессора. Самые трудные месяцы были до снятия урожая 1920 года. В основном кормили чечевичным супом. Сохранилась ещё оранжерея, и студентов баловали персиками». С 1924 по 1936 год в графском доме располагался сельскохозяйственный техникум, который потом был переведён в Псков, а с 1936-го по 1987-й — средняя школа...

«В 1942 году в Строгановский дворец переместился из Порхова отдел Гестапо, в домике садовника отдыхали командующий 16 армией полковник фон Буш, генерал Шнейман и полковник фон Клее. Учитель нашей школы О.С.Травинский, который был переводчиком и руководителем Логовинско-Волышовской подпольной группы, предложил: «Господин комендант, зачем Вам трудиться над перевозкой оборудования и оформления дворца в Германию. Легче и дешевле организовать здесь базу отдыха для господ офицеров. И, кроме того, наверное, в Волышове теперь захочет бывать и наследник дворца. Он вам тоже будет полезен, и ему будет неприятно увидеть своё имение разорённым. Ведь он-то Вам друг, не правда ли?». Так Олег Сергеевич Травинский спас от разорения исторический дворец», — читаем мы в книге А.В.Потёмкиной «Пароль «Бессмертник».

Во время войны конезавод был эвакуирован; труженики этого хозяйства проявляли самоотверженность и даже героизм, спасая и ухаживая за своими питомцами, но это — тема отдельного рассказа...

... В бытность здесь государственного Конезавода № 18 его лошади проходили испытания и брали призы на восьми ипподромах страны: Москвы и Киева, Одессы и Таллинна, Горького и Перми, Калинина и Пскова. Особенно заметных успехов конный завод добился в 70-80-е годы. В результате кропотливой работы коллектива завода во главе с Героем Социалистического Труда главным зоотехником Куницкой Анной Григорьевной удалось получить выносливых рысаков, среди них — жеребец Отелло, победитель Большого Всесоюзного Зимнего заезда. Дерби — дважды победитель международных призов 1973, 1974 годов в Москве, участник и победитель в международных соревнованиях за границей: США, Финляндии, Венгрии, Польше и Италии. Такие же знаменитые жеребцы Ольгин, Лоск, Бродяга-Я и другие. Больших успехов добивались волышовцы и в молочном животноводстве. Разводили здесь и голубых песцов.

Мраморная лестница графского дома.
Фото Б.С. Скобельцына. 1964 г.

Интерьер одной из комнат
дворца Строгановых

Волышово, вид с юго-западной стороны.
Аэрофотосъёмка Б.С. Скобельцына. 1965 г.

Центральная часть усадьбы.
Фото Б.С. Скобельцына. 1965 г.

Средняя школа по всем показателям была одной из лучших в районе... Дух графского дома и в целом уникального архитектурно-ландшафтного ансамбля способствовал эстетическому воспитанию — не зря тут проходили практику студенты института имени Репина, учащиеся Псковской художественной школы, а в летнее время функционировал пионерский лагерь.

Однако с прискорбием надо отметить, что и в советское время государством уделялось крайне мало внимания для достойного сохранения архитектурных шедевров усадьбы, а в перестройку памятники стали тотально разрушаться...

В 1987 году средняя школа была переведена из графского дворца во временное здание, которое, к великому сожалению, стало постоянным, так как предполагавшийся ремонт так и не состоялся, **и пустующий дворец ныне гибнет...**

Огромный вред был ему нанесён во время съёмок фильма «Эсперанто» в 1988 году. В бильярдной даже производились взрывы. Пострадали грифоны, которые теперь охраняют Порховское отделение милиции. Хотя, возможно, благодаря этому они и сохранились — ведь исчезли же скульптурные головы волка и кабана, которые, как и лошадиные, украшали парадный фасад Главной конюшни. Ущерб наносится как местными, так и заезжими вандалами: выломаны кафельные и железные печи, деревянные рамы, двери, частично потолки; сданы в металлолом красивые чугунные перила, за исключением звеньев, что хранятся в Порховском музее. Но, слава богу, не полностью утрачена мраморная лестница; чудом сохранился паркет в залестоловой, да и само **здание можно — ещё не поздно! — спасти.**

Когда видишь, как эти бесценные памятники ветшают, постепенно умирая, задаёшься вопросом: почему наши богатые люди не берут пример с графа С.А. Строганова, который, умножая своё богатство, думал и об Отечестве?

Главная (английская) конюшня... В 2005 году я познакомилась с Адой Викторовной Грызловой, видевшей это красивейшее здание разрушающимся: в стенах образовались большие выбоины — мы заходили в конюшню через эти дыры (лошади уже были выведены в Дорогини). А.В. Грызлова выделила средства, на которые были проведены основные ремонтные работы, позволившие вернуть лошадей в эту конюшню. Спасибо Аде Викторовне, откликнувшейся на просьбу Хелен Людингенгаузен о помощи. Два года Грызлова А.В. помогала конезаводу в покупке медикаментов, ветеринарных инструментов, кормов и прочего. Так был спасён не только архитектурный памятник, но и местное коневодство. Однако огорчает, что содержится памятник не по-хозяйски: зияют пустотой оконные проёмы второго этажа центральной части, жилые флигеля пустуют — они также без окон и дверей; в некоторых помещениях устроена настоящая помойка... Кроме того, при ремонте конюшни не были восстановлены во-

досливы, как не были восстановлены они и при ремонте **конторы конезавода**, а это будет провоцировать в скором времени разрушение здания.

В 2005 году стала разрушаться крыша **манежа** — течь образовалась в зоне конструктивного узла фермы. И куда мы только не писали о нависшей над Вошьшовом опасности — в администрацию района и области, Пугину В.В., Шохину А.Н., Батуриной Е.Н., в Строгановский фонд! Однако **выручил** местный предприниматель, **бывший ученик Вошьшовской школы Ефимов Александр Алевтинович**: на свои деньги купил кровельную жезть, а мастера нашлись в Порховском Доме ремёсел — течь была устранена, манеж устоял. А потом районный Отдел культуры даже изыскал возможность оплатить труд мастеров и теперь у трёх памятников затормозился процесс разрушения.

Трагично, но ценнейшие здания практически наполовину превратились в руины:

Домик графини в стиле барокко. **Буфетный домик**, разрушение которого началось с кровли мансарды. **Амбулатория**, где проживала семья графского фельдшера Проскурякова Василия Григорьевича, благодаря фотографиям которого мы можем видеть усадьбу начала XX века. **Дом управляющего** — с оригинальной, в стиле псевдоготики, архитектурой. Бывшей **домовой церкви Всемилоштивного Спаса** также грозит разрушение — вот бы её восстановить! Может, это и привело бы к полному возрождению усадьбы!

Сохранились лишь на фотографиях Проскурякова В.Г. и Скобельцына Б.С. **домик птичника, ветряная мельница, решётка Въездных ворот** (Кстати, сами ворота сейчас на грани полной утраты).

Голубятня; здание начальной земской школы, в которой в советское прошлое размещался интернат Вошьшовской средней школы, затем столлярные и слесарные мастерские. **Бывшее здание почты...** Двухэтажный жилой дом на 12 квартир сейчас стал необитаемым — он дважды горел, но, несмотря на это, его без особых затрат можно вернуть к жизни. **Псарня на берегу Вогоди...** В 1965 году Б.С. Скобельцыным была произведена реставрация «псарника» — его приспособили под квартиры, и сейчас там ещё проживает несколько пенсионерок. Между прочим, в 1991 году Робин Смит Ройланд, королевский егерь в Англии, бывший муж Хелен де Люддингенгаузен (дочери К.А.Шербатовой—Строгановой), хотел приобрести это здание — уж очень ему понравился «псарник»!

«**Казачья**» (**охотничья**) **конюшня** в настоящее время используется как склад и таким образом сохраняется. **Зверинец** — при графе С.А. Строганове в нём содержались и лечились звери, раненные на охоте. Для детей это был своего рода зоопарк. В советские времена это здание использовалось как цех по обработке песцовых шкурок, как куриная ферма. Сейчас здесь размещается **клуб, но он на грани закрытия, а это чревато ус-**

Фото О.К. Волочковой. 2005 г.

Современный вид усадьбы Васильчиковых-Строгановых.
Фото О.К. Волочковой и Л.И. Савельевой

Фото О.К. Волочковой и Л.И. Савельевой

Беседка-голубятня. Фото *Е.М. Зинкевича*

Главная конюшня. Фото *Е.М. Зинкевича*

Храм Всемиловитого Спаса. Фото Е.М. Зинкевича

Главный дом усадьбы. Фото Е.М. Зинкевича, 2008 г.

РОССИЯ

АДМИНИСТРАЦИЯ

ПОРХОВСКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

182620 Псковская область, г. Порхов п. Ленина д. 14 телефон 2-15

№ 17 от 11/01/2004 г. 2004г. № А. 21
на № 11/01/04 от 14 = 11/01/11/04 2004 г.

Руководителем
краеведческого
средней школы
А.И. АНТОНОВА

ОБЛАСТНОЙ
ДЕПУТАТ
АДМИНИСТРАЦИИ
ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Уважаемая Антонина Ивановна!

Администрацией района рассмотрено Ваше обращение с просьбой оказания помощи в восстановлении архитектурного ансамбля в с. Волышово. Действительно, замечательный ансамбль старинной усадьбы графа Строганова находится сегодня в крайне бедственном положении. Все последние годы ограниченные возможности бюджета финансирования не позволяют нам включить ансамбль в государственные программы финансирования реставрационных работ.

В связи с этим комитет по культуре постоянно ищет возможности привлечения инвесторов, готовых вложить свои средства в восстановление замечательной усадьбы на условиях заключения долгосрочных договоров аренды на ее использование. Однако, до сих пор не определен пользователь усадьбы графа Строганова, не решен вопрос по возможности функциональному приспособлению дворцового ансамбля.

В настоящее время один объект усадьбы - церковь Всесвятского Спаса передана в пользование Русской Православной Церкви. Отдельные постройки архитектурного ансамбля находятся на балансе конюшары, у которой также нет средств на ремонт. Мы за счет своих средств не сможем...

Для поддержания сохранности порховского ансамбля предусмотрена ставка инструктора. Другими ресурсами по сохранению ансамбля мы располагаем. Данные объекты находятся в ведении производственного Центра по охране и использованию культурного наследия.

Глава района *Росин*

Администрация Псковской области

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ

180000, г. Псков, ул. Пушкина, д. 3/13, тел. 16-30-52, факс 16-77-93, e-mail: pskovculture@yandex.ru

19.03.2004 № 195
на № _____ от _____

Волышовская средняя школа
Порховского района
А.И. Антоновой

Государственный комитет по культуре внимательно изучил Ваше обращение об оказании помощи в восстановлении архитектурного ансамбля в с. Волышово.

Действительно, замечательный ансамбль старинной усадьбы графа Строганова находится сегодня в крайне бедственном положении. Все последние годы ограниченные возможности бюджета финансирования не позволяют нам включить ансамбль в государственные программы финансирования реставрационных работ.

В связи с этим комитет по культуре постоянно ищет возможности привлечения инвесторов, готовых вложить свои средства в восстановление замечательной усадьбы на условиях заключения долгосрочных договоров аренды на ее использование. Однако, до сих пор не определен пользователь усадьбы графа Строганова, не решен вопрос по возможности функциональному приспособлению дворцового ансамбля.

В настоящее время один объект усадьбы - церковь Всесвятского Спаса передана в пользование Русской Православной Церкви. Отдельные постройки архитектурного ансамбля находятся на балансе конюшары, у которой также нет средств на ремонт. Мы за счет своих средств не сможем...

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОТДЕЛ (ИНСПЕКЦИЯ) ОХРАНЫ
НЕДВИЖИМЫХ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

190074, Москва, Китайгородский проезд, д. 7
Телефон: (095) 528-49-35, Факс: (095) 523-63-61

от 13.04.04 г. № 579-35-14

А.И. Антоновой
182626, Псковская область, п/о
«Волышово», средняя школа
Порховского района

В связи с письмом Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями гражданами Администрации Президента Российской Федерации от 17.03.2004 № А26-05-82974, Отдел (инспекция) охраны недвижимых памятников истории и культуры рассмотрел Ваше обращение и обращение ученика Волышовской средней школы по вопросу сохранения разрушающегося объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) федерального значения - усадьбы графов Строгановых и сообщает, что Отдел также обеспокоен состоянием этого уникального памятника.

Финансирование противоаварийных, ремонтно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры федерального значения осуществляется в рамках реализации Федеральной целевой программы "Культура России (2001-2005 годы)" по заявкам, представленным в установленном порядке. В текущем году план мероприятий Минкультуры России уже сформирован и, к сожалению, не предусматривает дополнительное финансирование на указанные работы и не представляется возможным.

Вместе с тем, данный вопрос может быть рассмотрен при формировании плана на 2005 год по заявке, представленной в установленном порядке. Срок подачи заявок установлен до 1 мая 2004 года.

Отдел призывает Вас всем за участие в судьбе уникального памятника истории и культуры и рекомендует обратиться за помощью в оформлении заявки в НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Псковской области (180000, г. Псков, ул. Пушкина, д. 3/13).

Начальник Отдела

С.В. Работкевич

А.В. Работкевич

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
Управление президента
по работе с обращениями
101023, Москва, П

№ А26-05-82974 от 17/03/2004

Сообщаем, что Ваше обращение, поступившее в Администрацию Президента Российской Федерации, направлено на рассмотрение в Министерство культуры Российской Федерации, и мы информируем Вас о результатах работы с Министерством культуры Российской Федерации.

Консультант Отдела писем

С.В. Работкевич

*Экскурсия по Вольшову 15. 03. 09 г. На снимке слева направо:
Антонова.А.И., Сулова М.Н., Лора Требокс (Париж, Франция), Анастасия (г. Москва)*

Масленникова Наталья Николаевна – доктор исторических наук, Проскурякова Галина Васильевна – кандидат исторических наук, Ксения Александровна Щербатова-Строганова и ее дочь Элен, баронесса Людингенгаузен. Санкт- Петербург 1990 г.

корнем разрушения памятника... Рабочая конюшня — здание в виде каре из красного кирпича, с жилыми помещениями, которые ныне пустыют. Совсем недавно была допущена очередная роковая ошибка: выселен магазин — помещение уже стоит без окон... Конюшня используется по назначению лишь частично: здесь содержатся 12 лошадей, но в целом здание требует восстановительных работ.

Конюшенный комплекс в Дорогинях (около 1 километра от центральной усадьбы) — графская конюшня, также в виде каре, с внутренним двором...

Запустение и беспорядок удручают... И, как знак беды, — заросли борщевика вокруг главной конюшни, Дома управляющего, манежа, на месте бывшей берёзовой рощи, на месте погибшей (как и эта роща) во время урагана 1987 года липовой аллеи...

P.S. Когда готовился этот материал, пришло печальное известие о кончине доктора исторических наук Масленниковой Наталии Николаевны, дочери Г.В.Проскуряковой... У меня просто нет слов, чтобы выразить чувства, которые переполняют меня от этой утраты. Конечно, вся российская историческая наука и культура понесла невосполнимую утрату, но для меня это — личное горе...

*Антонина АНТОНОВА,
Заслуженный учитель России,
Вольшово*

ОТ РЕДАКЦИИ:

Некогда богатая и красивая усадьба погибает — одной Антонине Ивановне с этой бедой не справиться. Если среди читателей нашего альманаха найдутся люди, не равнодушные к судьбе Вольшова и готовые оказать посильную помощь, — А.И.Антонова готова её принять.

Звоните 8 (81134) 61189.

ХРАМ УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В СЕЛЕ НОВОЕ

Дворянский род **Дубровских** известен на Псковской земле с XVII века. Названия некоторых их владений сохранились по сей день — в основном, на территории нынешнего Бежаницкого района (до 1917 г. — Пусторжевский уезд, Оршанский стан). Наиболее известными в своё время были: **Дубровский Исай Иванович**, в 1667—1678 годах служивший воеводой в Острове; **Дубровский Иван Исаевич** — полковник, служил государю и великому князю Алексею Михайловичу. Был в полках боярина В.П.Шереметьева и С.Л.Стрешнева в войну с польским и шведским королём. Под Лиховичами взят в плен, где отбыл 5 лет. Затем ходил в походы в полках князя В.В.Голицына и А.С.Шейна в Перекопи, князя С.А.Урусова под Брестом и Верхивцах. В составе полка воеводы А.Н.Трубецкого и князя Ю.А.Долгорукова был в походах в шведской земле под Юрьевым Ливонским. За многие ранения и заслуги от службы оставлен в Великом Новгороде и пожалован сельцом Иванково Барутского стана Пусторжевского уезда. В 1710 году — **владелец сельца Новое Ошевского стана Пусторжевского уезда**, семья его — от роду ему 98 лет, жена Марфа Григорьевна 60 лет, сын Мина 13 лет, дочь Василиса 8 лет. **Погребён вместе с женой и сыном Миной в церкви погоста Новое.**

Дубровский Мина Иванович — надворный советник, строитель храма (1744 г.) погоста Новое. **Погребён вместе с женой Фёклой Алексеевной, урождённой Зубачёвой, и малолетним сыном Иваном в тёплой части церкви. В 1749 году в его владении дер. Дремлино, Оршанского стана дер. Брылёво, Ашевского стана дер. Семилово.**

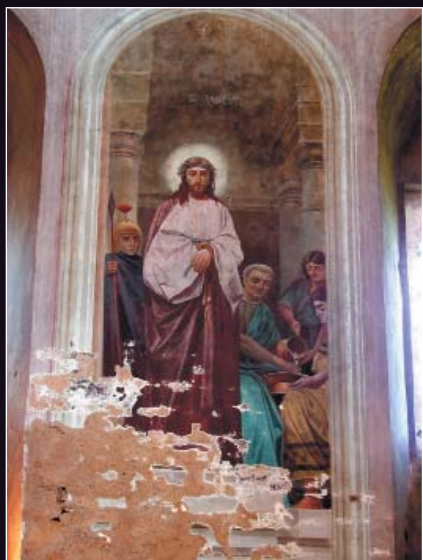
Дубровский Иван Матвеевич — генерал-майор. В 1769 году построил в Кудевери каменную церковь с тремя престолами: Великомученика Георгия, Великомученика Столпника и Николая.

Дубровский Пётр Леонтьевич — лейтенант, построил в 1792 году на погосте Аксёново храм с тремя престолами: Знамения Божией Матери, Святой Преподобномученицы Анастасии, Стратотерпца Иоанна.

Деревня Новое Бежаницкого района. Церковь Успения Богородицы, 1744 г.
Фото Б.С. Скобельцына, 17 мая 1978 г.

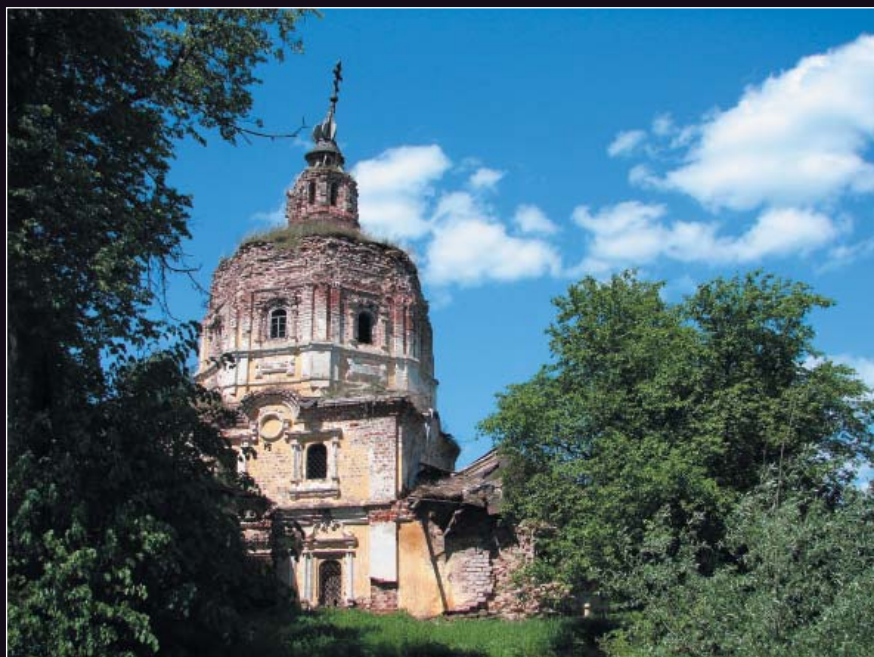

Росписи Успенской церкви.
Фото Г.В. Дмитриевой,
июнь 2010 г.

Храм Успения Богородицы.
Фото Г.В. Дмитриевой,
июнь 2010 г.

Росписи Успенской церкви.
Фото Г.В. Дмитриевой,
июнь 2010 г.

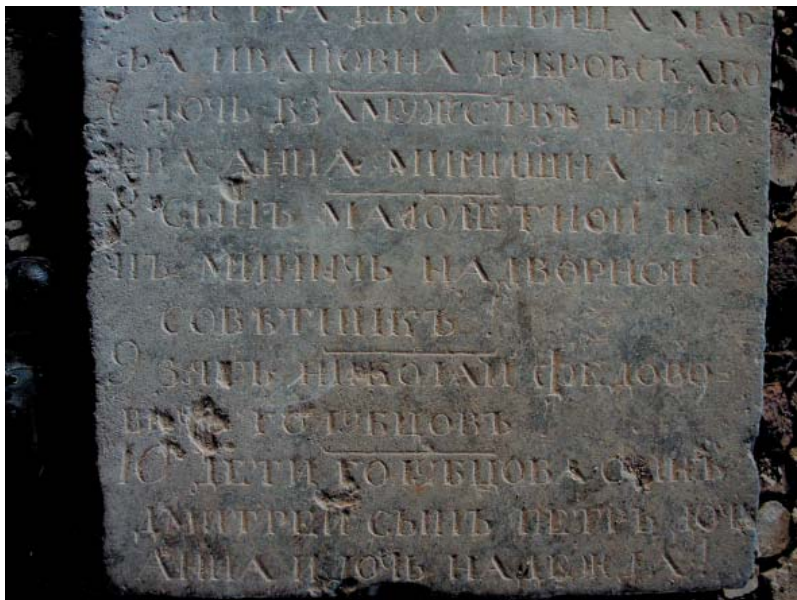
Так выглядит храм изнутри.
Фото Г.В. Дмитриевой, июнь 2010 г.

Фото Г.В. Дмитриевой, июнь 2010 г.

Фрагмент надгробной плиты Дубровских и Голубцовых.
 Фото Г.В. Дмитриевой, июнь 2010 г.

НОВОЕ — по статистике 1872 года, село стоит у пруда. Расположено вверх по реке Уде /приток Сороти/, по правую сторону Белорусского почтового тракта, в 61 версте от Новоржева; 1 стан Новоржевского уезда, Новинская волость, приход церкви Успения Божией Матери села Новое. 1860 год — село Новое с 6 деревнями, с 170 крепостными муж. пола владеет помещик Викентий Николаевич Голубцов. 73 крестьянина несут повинность оброком и барщиной. Величина денежного оброка 1 руб 95 коп с души и 15-25 руб со двора. Платящие 15 руб поставляют 18 конных, 8 пеших и 16 женских дней летом, а зимою 10 конных дней мужских. Земельных угодий в имении на 1860 г. 2000 десятин, из них в пользовании крестьян 832. 1872 год — в 6 дворах числятся 15 мужчин и 24 женщины.

В 1856 году церкви принадлежит 33 десятины земли, в т.ч. 17 пахоты, 5 мужчин и 11 женщин в 4 домах, 5 амбаров, 3 сарая, 4 хлева, 3 скотных двора, 2 бани, конюшня. 1-классная церковно-приходская школа открыта в 1905 году, заведующие школой и законоучителя священники Иоанн Иоаннович Троицкий, 1905—1906 гг, Александр Константинович Аполинский, 1907—1917 гг; учительницей служила Мария Михайловна Кляровская, 1905—1914 гг. 1926 год — деревня Соколовского с/с, 28 домохоз. крестьянского и 5 некрест. типа, 72 мужчин и 81 женщина.

Церковь Успения Божией Матери имела резной иконостас, была расписана, но в советское время её постигла судьба большинства российских храмов. В 1970-е годы сохранившаяся часть иконостаса была вывезена в Псковский музей-заповедник. Памятник федерального значения («Кадастр...», 1997).

Сейчас деревня Новое входит в состав Соколовской волости Бежаницкого района.

*Марина ПАХОМЕНКОВА,
заведующая Краеведческим музеем,
гор. Новоржев*

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАПО, фонд 369.
2. РГАДА, фонд 1209.
3. Русский провинциальный некрополь. Т.1, М., 1914.
4. ПГОИАХМЗ, Древлехранилище, ф.580, 397/49. Книга записная откупного товару Псковской таможни, 1749 г.
5. Псковский биографический словарь. 2002.
6. Пахоменкова М.М. Энциклопедия новоржевских деревень (на правах рукописи).
7. Пахоменкова М.М. Биографический словарь Новоржевского уезда (на правах рукописи).

